

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ОРЕЛ ШЕСТОГО ЛЕГИОНА

Тезисы докладов научно-практической конференции
студентов и молодых ученых
исторического факультета УрГУ
11 мая 2000 г.

Екатеринбург
2000

ББК
О-652

**Орел шестого легиона: Тез. докл. студ. науч.-практ. конф. –
Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 188 с.**

Редколлегия:

канд. ист. наук Д.В. Бугров,
канд. ист. наук Русина Ю.А. (отв. редактор),
Иванова Е.М. (отв. секретарь)

Компьютерная верстка Е.М. Иванова
Редактор И.В. Зырянова

ЛР № 020257 от 22.11.96

Подписано в печать Формат 84 x 108 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. Усл. изд. л. Тираж 200 экз.

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул.Тургенева, 4.

НАПУТСТВИЕ ДЕКАНА

Странное явление – человеческая память. Смотрю на увесистый том, который представляет собой макет очередного сборника тезисов докладов студенческой научно-практической конференции исторического факультета. Но перед моим мысленным взором предстают не его многочисленные авторы, составляющие элиту студенчества. И даже не те подвижницы, чьими трудами очередной “Орел” научился летать – не Юлия Анатольевна Русина и не Елена Маратовна Иванова (честь им, хвала и многая лета!). Я словно бы погружаюсь в недавнее прошлое и вижу солнечный декабрьский Токио 1999 г., беспечно раскинувшийся под белесо-голубым куполом неба – того самого, где, как известно, начинается утро мира. Университет Аойяма Гакуин – один из богатейших в Японии. Электронное расписание занятий, магнитные карточки – своеобразные кодовые студенческие билеты, которые, будучи вставлены в компьютер, дают их обладателям исчерпывающую информацию об академических “хвостах”, а также о месте, времени и способе избавления от этих “хвостов”. Интересная лекция профессора Хакамады – единокровного брата популярной в России работницы политического фронта. Список выпускников минувшего учебного года, устроившихся работать в “Тойоту” и “Мицубиси”, “Никон” и “Сейко”, “Мацуситу” и “Сони” (ряд можно продолжать и продолжать). Я и мои коллеги из российских университетов — в самом сердце информационного общества, новоопределенного “локомотива истории”! Ничтоже сумняшеся, задаем вопрос: а как обстоят дела со студенческой наукой? Наверное, дополнив 12 лет школьного обучения 6 годами, проведенными на студенческой скамье, студенты Страны Восходящего Солнца удивляют своих профессоров буйством научной мысли, раскованной и непринужденной?

Но, оказывается, ответ на вопрос вызывает заметные затруднения. Студенческая наука? Не могли бы вы уточнить дефиниции? Что имеется в виду? В самом деле, если бы позитивно ответить на этот вопрос отцам японской высшей школы было бы просто, они не задумывали бы проведение в жизнь обширной Программы реформы образования в Японии, которая, действуя с 1998 г., призвана (если, конечно, она будет реализована) создать очень многое, чего не хватает современной Японии – в том числе и систему научно-исследовательской работы университетских студентов.

И сразу от утомленного русского сердца отлегло – пусть по Исети еще не плавают белые лебеди, пусть небо (именно небо) над Екатеринбургом пока не бороздят беспилотные электропоезда, а наши студенты не име-

ют магнитных студенческих карточек. Зато, слава Богу, со студенческой наукой у нас, на истфаке, вроде бы все в порядке...

Вспомнились коридоры научной библиотеки Аугсбургского университета – двумя годами ранее довелось поработать в этом прекрасном (без преувеличений!) хранилище научных знаний. Но и там, в центре Баварии, студенты, отучившиеся в школе те же 12 лет, а затем 7–9 лет полирующие сиденья в университетских аудиториях, не радуют своих наставников исследовательским рвением.

И подумалось – а все-таки как хорошо, что российский университет представляет собою не просто продолжение обучения в школе. Он – самодостаточен, он – многомерен, он освобождает человеческий разум от догм и стереотипов и наделяет его крыльями. Конечно же, не вороньими, не галочьими – орлиными крыльями!

Второй выпуск “Орла шестого легиона” по сравнению с прошлогодним представляет собой куда более фундаментальное издание – он превосходит своего предшественника и по объему, и по количеству участников сборника, и по широте охвата самых разнообразных исторических и философских, археологических и этнологических, культурологических и экономических, политологических и управленческих проблем. Количественные показатели очередного сборника впечатляют – вниманию читателей предложены 74 темы (в дебютном выпуске – “всего лишь” 47). Завораживает магия цифр – 47 волшебно превратились в 74 (хотя, признаемся, красивая рокировка “четверки” и “семерки” обеспечена продуктивностью М.Акгюля и С.Дингилиши – их творческий дуэт представил целых 3 темы, открывающих соответственно II, III и IV секции нового издания). Реально же в “Орле-2000” приняли участие 73 автора, в числе которых представлены и студенты, и магистранты, и аспиранты. Все отделения и кафедры исторического факультета делегировали в новый выпуск своих “бойцов”: на страницах сборника делятся своими открытиями и суждениями авторы практически всех имеющихся на истфаке научных направлений (археологи, “древники” и медиевисты, “отечественники” и “зарубежники”, международники и регионоведы, архивисты и документоведы). Потому-то, в отличие от предыдущего, нынешний выпуск имеет целых 5 разделов или секций, объединяющих авторов по направленности их изысканий.

Муза истории Клио может быть довольна своими служителями – “Орел шестого легиона” не проигнорировала ни одна из сложившихся на факультете научных школ (будь то давно сформировавшиеся и определяющие облик факультета на протяжении десятилетий ученые сообщества византиноведов, балканистов, урало-сибирских археологов, специалистов по духовной культуре Урала и Сибири XVII–XIX вв. или же складывающиеся на наших глазах новые научные коллективы, только-только определяющие

предмет своих исследовательских интересов). Наконец, участие гражданина Турции (да еще с целой серией публикаций!) делает нового “Орла” поистине планетарной птицей, не признающей никаких границ – ни пределов человеческого разума, ни конечности исторического времени, ни государственных рубежей.

Так уж получилось, что “Орел-1999” был отмечен печатью 60-летнего юбилея исторического факультета УрГУ, превратившегося к концу уходящего тысячелетия в крупнейший гуманитарный факультет университетов России, находящихся к востоку от Волги. “Орел-2000” не отстает от своего старшего брата и отправляется в высокий полет в год 80-летия нашей славной ALMA MATER – Уральского государственного университета. Что увидит он из заоблачной выси в утренней мгле нарождающегося нового века? Будем надеяться, что только хорошее. Наверное, именно нашего “Орла” провидел 210 лет назад своим всевидяще-пронзительным взором великий гуманист А.Н.Радищев, когда воскликнул, что зрит в дали времен, как *“разум человеческий, вольно распростирая свое крылие, беспрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию...”*

Такова она, участь рожденных летать – быть храбрыми и беспечными, как всегда неутомимыми и, несмотря на капризы погоды и ветер, все так же рваться в небеса!

Д.В.БУГРОВ

СЕКЦИЯ I

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ

И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Д. Алентьев

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ИСКА III

В июле 1999 г. экспедиция Уральского университета под руководством В.Т. Ковалевой продолжила раскопки поселения Иска III ташковской культуры раннего бронзового века Нижнего Притоболья.

Памятник находится в 15 км к юго-востоку от д. Ипкуль (Нижнетавдинский р-н Тюменской обл.) на правом берегу р. Иски, левого притока р. Тобола.

Поселение открыто в 1984 г. А.С. Сергеевым. Было зафиксировано 10 округлых впадин диаметром 6–8 м и глубиной от 0,3 до 0,4 м от современной поверхности. Общая площадь памятника – до 1000 м², раскопа – до 912 м². Раскопки поселения проводились в течение 3 полевых сезонов (1995, 1997, 1999 гг.). Неисследованной осталась одна впадина и часть межжилищного пространства.

Иска III – однослойный памятник. Мощность культурного слоя – до 0,45 м в заполнении котлованов жилищ и от 0,05 до 0,3 м за их пределами.

Поселение имеет концентрическую планировку. Строительство производилось по заранее составленному проекту в 2 этапа: первоначально было построено 8 жилищ, от первого (на северной стороне) по часовой стрелке на юг и запад; позже проведена перестройка – жилища 3 и 4 были вынесены за пределы поселения на юг (новые жилища 6 и 7), а на их месте было построено жилище 4а. Таким образом, круговая планировка поселения не была нарушена ни в первом, ни во втором случае постройки.

С восточной стороны жилища 4а обнаружен ров подковообразной формы (ширина от 0,5 до 1 м, глубина до 0,3 м), где найдены линзы прокала, углистые пятна, керамика, плечевая кость лося. К юго-востоку от рва расположена овальная яма (диаметр до 1,2 м, глубина – 0,25 м), где были найдены кусочки угля, глиняное тесто с вкраплениями охры.

Интересные находки обнаружены в межжилищном пространстве. Около жилища 10 с северо-западной стороны – ямка прямоугольной формы (длина – 0,54 м, ширина – 0,48 м, глубина – 0,2 м) с розово-бурой супесью на дне. Около жилища 4 – также прямоугольная яма (длина –

0,7 м, ширина – 0,85 м) с углистыми линзами. Рядом найден обломок мотыги из рога лося. На внутренней площадке поселения зафиксированы несколько очагов: около жилища 10 на северо-западной стороне и у жилища 4а – на юго-западе.

На северо-западе кольцо застройки разомкнуто входом, шириной 6 м в направлении реки. Все дома на поселении бревенчатые, наземные, прямоугольной формы (площадь от 35 до 56 м²), с округлым очагом в центре. Пол земляной, ровный, иногда посыпан охрой. Все жилища ориентированы углами по сторонам света.

Коллекция находок – более 2000 экземпляров: фрагменты и развалы глиняных плоскодонных сосудов различной емкости, сплошь орнаментированных отступающей палочкой или оттисками гребенчатого штампа; глиняные рыболовные грузила с рожковидными концами; изделия из камня; обломки тиглей; кости лося, бобра, лисицы; обломок (медного) сосуда толщиной 0,3 см; глиняный шарик (диаметр – 1,5 см), полностью орнаментированный подковообразными наколками; костяная мотыга и др. На некоторых развалах сосудов обнаружены следы вторичного использования.

Поселение Иска III погибло от пожара, о чем свидетельствуют следы тлена от бревен в основании некоторых стен.

Круговая планировка поселения Иска III, как и других поселений ташковской культуры (Ташково II, Андреевское озеро XIII), по-видимому, не была создана для реальной защиты населения, а являлась, скорее, отражением космогонических представлений общества. Круг здесь выступает как модель Вселенной (мандала – священный круг) и имеет защитную, оградительную от внешнего мира функцию. Таким образом, вынос жилищ 3 и 4 за пределы круга играл глубокую символическую роль.

На поселении зафиксированы жертвоприношения, вероятно, связанные с началом строительства: в подпольном пространстве жилища 1 найден череп молодого лося (очевидно, строительная жертва). Второй раз процесс строительства-космизации повторён при сооружении жилища 4а (частичная перестройка поселения). Сожжение поселения можно также рассматривать как жертвоприношение, связанное с обрядом перехода (через смерть – жизнь). Жилище 4а уникально еще и в том смысле, что оно, очевидно, не предназначалось для проживания (об этом говорит малое количество находок и тот факт, что пол был покрыт слоем охры), а служило культовым местом.

Значение поселения Иска III в том, что оно даёт нам в комплексе с другими поселениями ташковской культуры возможность для всестороннего изучения конкретной культуры древности.

РУССКО-КАЗАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ XV в.: К ВОПРОСУ О СВЕРЖЕНИИ ОРДЫНСКОГО ИГА НА РУСИ

1445 г. являлся поворотным моментом в русско-ордынских отношениях: в результате поражения московских войск в войне с Ордой Улуг-Мухаммада и пленения великого князя Василия II происходит переориентация вассального подчинения Московского великого княжества и зависимых от него земель. Традиционного сюзерена – хана Большой Орды – сменил хан вновь образованного Казанского ханства.

Трактовка некоторыми учеными основания Касимовского царства, ставшего следствием договора 1445 г. и “испомещения” на территории Руси под давлением Казани татарских царевичей, опровергается событийным рядом (служба царевичей, Василию II во время набега казанцев в 1448 г., а также сам факт службы царей Касимовского ханства Москве, а не Казани). Этим подтверждается мнение В.В. Вельяминова-Зернова о том, что причина образования ханства связана с необходимостью обороны границ Московского великого княжества от набегов ордынцев. Кроме того, данными летописей подтверждается известие из “Казанского летописца” о перевороте в Казани (свержение хана Улуг-Мухаммада царевичем Махмудеком), опровергаемое некоторыми учеными. Это приход царевичей Касима и Якуба “из Черкас” к Василию Темному в 1446 г. (что уже указывалось в литературе), решающим же аргументом является задержание (в ряде летописей – и убийство) в Муроме ханского посла Бегича (осень 1445 г.).

В 1447 – 1448 гг. происходит утверждение системы вассальной зависимости Москвы от Казани, а также непризнание Москвой прав сюзеренитета двух других претендентов на правопреемность, появившихся после распада Золотой Орды – Сеид-Ахмада и Кичи-Мухаммада. С тезисом о существовании “двойного” подчинения Северо-Восточной Руси Казанскому ханству и Большой Орде, высказанным некоторыми учеными (М.Г. Худяков, В.Д. Назаров), трудно согласиться. Доминирование Орды Сеид-Ахмада в степи от Днепра до Волги ставит под сомнение выплату дани Кичи-Мухаммаду. Маловероятна и сама возможность “двойного” ига, тем более что существующие прецеденты (например, попытка признания Москвой в 60-е гг. XIV в. власти сразу двух соперничающих ханов) приводили к конфликту с обоими сюзеренами.

В 1461 г. наблюдается ослабление системы вассального подчинения. Происходит вооруженное противостояние Москвы и Казани (вероятно, вследствие попытки покорения Вятки в 1459 г., изгнания суздальских кня-

зей и, возможно, нерегулярности выплаты дани в Казань). Тем не менее нет оснований для утверждения, что вассалитет по отношению к Казани был полностью ликвидирован.

В 1467 – 1469 гг. разворачивается война Московского княжества с Казанским ханством. Происходит утверждение политической независимости Московской Руси, что, вероятно, было юридически закреплено в мирном договоре 1469 г. (Сам текст не сохранился, но обстоятельства, в которых договор был заключен, дают право выдвинуть версию о прекращении даже формальной зависимости Москвы от Казани.) Летописное выражение “добил челом” по отношению к казанскому хану Ибрагиму, осажденному в Казани московской ратью, дает основание отвергнуть мнение М.Г. Худякова, А.Х. Халикова и некоторых других ученых о прекращении зависимости Москвы от Казанского ханства в 1487 г.

Набеги и походы войск Большой Орды, очевидно, следует считать попытками нового подчинения Северо-Восточной Руси, успешно отраженными Москвой. В контексте этой трактовки поход 1480 г. – событие из ряда подобных (1465, 1472), отличающееся масштабностью, но не являющееся в свете вышесказанного свержением ордынского ига – ни в фактическом, ни в формальном смысле, как это обычно утверждается в историографии.

А. Иванов

СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Спортивные состязания на Руси имеют свою историю и укоренены в традициях, обрядах и обычаях славян. На Руси всегда был принят культ силы.

В летописях и бытовых повестях восхваляется человек мужественный, который мог в одиночку вспахать поле, построить дом, защитить свой род; широко известны герои таких повестей – Кожемяка, Буслаев, Коловрат. Воздействие географического фактора – суровых природных условий – сделало русского человека крепким и здоровым физически. Силы и сноровки требовало не только проживание в “зоне рискованного земледелия” – этого основного вида занятий славян. Как известно, славянское государство фактически с момента его зарождения, а быть может, и еще ранее, на родоплеменной стадии, должно было обороняться от враждебно настроенных кочевых племен. Все это и формировало в русском человеке стойкость, мужество и веру в силу.

Практика военных столкновений явилась важнейшим социальным мотивом возникновения системы физической подготовки, в особенности боевых искусств, на Руси. При этом приоритет отдавался техничности

бойца, то есть знанию “хитрых” приемов, ловкости, сообразительности, но не физической силе.

Другой мотив возникновения спортивных игр – психологический; сама природа подразумевает состязательность, включает в себя такие психологические моменты, как азарт, возбуждение, тяга к победе и др. Игра, если рассматривать ее с точки зрения психологии, помогает реализовать в действии незатраченную энергию, нейтрализовать негативные эмоции.

По-видимому, игру вообще следует рассматривать как особый вид деятельности, направленный на отработку жизненно важных аспектов деятельности в целом; спортивная игра, в частности боевые искусства, развивают человека физически, готовят его к защите Отечества.

Считается, что кулачные бои являются “отголоском древней тризны, которая принимала форму состязаний у могилы умершего (“драгиса по мертвецю”)¹”. Еще сохранилась некоторая связь кулачных боев с днями поминовения умерших, например с Масленицей или Троицей. Там, где кулачные бои были запрещены властями, вместо них, а нередко и одновременно с ними устраивали гусиные, петушиные и собачьи бои (Курск, Горбатов, Москва и др.).

Славяно-горицкая борьба была распространена у тех славянских народов, которые не жили в городищах и для обороны использовали особенности ландшафта; специфика ведения боя на пересеченной местности оказала влияние на этот вид борьбы.

Рукопашный бой (рука – “опаш” – махость) – неотъемлемая часть славяно-горицкой борьбы. Русский состязательный бой “на кулачках” проходил по трем направлениям: “сеча”, “стеношный бой”, “свалка”. Техника боя определялась параметрами: индивидуальное – групповое состязание, способ его ведения.

Индивидуальный поединок динамично развивался в эпоху судных боев; характеризовался этот поединок термином “сам на сам”. Это была жестокая схватка, часто с участием профессионалов, на которых “заручались”, то есть делали ставки.

“Свалка” не является особым стилем кулачного боя, это положение в “стеношном бою”, когда борцы теряют порядок в “стенке”. В этот момент боец может полагаться лишь на собственные силы, вокруг него оказывается, как правило, несколько противников.

Индивидуальные и групповые способы ведения боя сопровождаются своеобразными обрядами. “Сам на сам” включает в себя знаменитый пляс русских кулачных бойцов, “ломание” (имитация уклонения от ударов), “бочонок” (имитация подсечки ногой).

Элементы рукопашного боя дошли до нас и в славянском танце. По свидетельству Д.К. Зеленина, “... голак показывает приемы удара ногой в славяно-горицкой борьбе и отдельные моменты военной подготовки “грид-

ней” (ополчения в дружине князя, задача которого – спешивать противника с лошадей)”².

Сохранились сведения об играх славянских народов, которые также были задуманы для военной подготовки гридней. “Облавка”, например, и сейчас популярна на Украине. На высокую скамью сажали большую соломенную куклу, ее необходимо было сбить ударом ноги в прыжке. Игра “Чехарда” также вырабатывала в войне прыгучесть и ловкость. Высокий прыжок через человека, который чуть согнулся, – имитация прыжка на круп лошади.

На Руси чрезвычайно популярна была игра в клюшки. Клюшка – палка с загнутым концом (иногда на конец наматывали тряпку). На замерзшей реке поперек проводились две линии, одна от другой на несколько десятков шагов. Играющие делятся на две партии, выбирают для защиты линию. Когда какой-либо из партий удастся прокатить шар за линию противника, она завоевывает очко, а шар ставится на середину поля. Право удара по нему получает команда, потерявшая очко. В клюшки играли на коньках, которые изготовлялись из кости или железа. Коньки были найдены Уральской археологической экспедицией на Федоровском раскопе в Новгороде в 1991 г.; конек представлял собой отполированную с одной стороны кость, на концах которой имелись отверстия, через которые продегивались веревки, крепящие коньки к валенкам или лаптям. Клюшки использовались и в игре “шар-салка”.

Как видно, зимние подвижные игры часто носили характер развлечения, развивали ловкость, грациозность и гармонию в движениях русского человека. Они были столь же тесно связаны с обрядами и праздниками народа, как кулачный бой, приурочены к церковным и языческим праздникам.

Примечания

¹ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С.378.

² Там же. С.369.

Е. Куманева

ДОСУГ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ

Ту часть человеческого бытия, которая освобождена от хозяйственных забот и сугубо бытовых проблем, называют досугом. В развитии материальной и художественной культуры он играл далеко не последнюю роль. Именно досужие часы, не заполненные работой, давали возможность для реализации творческой энергии человека, для обогащения его духовного мира.

Совершенно естественно, что досуг и хозяйственная деятельность человека, жившего в XII – XIII вв., были тесно связаны. Все народные празднества, которые главным образом и составляли досуг, были вписаны в складывающийся веками календарь сельскохозяйственных работ.

Обычными развлечениями для жителей Новгорода XII – первой половины XIII вв. были народные гуляния, в которых участвовали массы городского населения. В те времена их называли просто пирами или народными собраниями. В разгульное веселье превращались игрища, такие как туры, лодыги, колядницы, позорования, сопения, глумления, когда принято было рядиться в звериные одежды, возлагать на лица скураты, сопеть в сопяху, играть в быков¹.

Возможно, что в XII в. народные игрища постепенно утрачивали свое ритуальное значение и становились простым развлечением с песнями и плясками, на позор (т.е. созерцание) которых стекалось огромное количество горожан.

Неодобрительно взирали новгородские священники на мирские пиры, устраиваемые их прихожанами. В шумных гуляниях простого люда они преследовали прежде всего долго живущие обряды язычества. Попы категорически осуждали новгородцев, участвующих в подобных игрищах: "... тех игор творящих бо таковые дьяволу работают"².

Однако бесовские игрища, запрещаемые священниками, представляли огромный соблазн для всех сословий населения Новгорода. Иногда участником мирского пира становился сам поп, не удержавшись от запрета³.

Поводом для народного собрания становилось окончание сельскохозяйственных работ, древне-языческие культы или свадебные обряды. Они собирали гораздо большее количество горожан, чем богослужения в церкви, куда некоторых из них заманить было практически невозможно⁴.

В жизни средневекового Новгорода народные празднества имели большое значение. Они являлись не просто формой проведения досуга, но служили также местом знакомства городской молодежи, за которым следовали сватовство и помолвка.

Самым распространенным языческим праздником в Новгороде был культ Рода и рожениц, который имел народное значение. Роду и роженицам приписывалось значение творцов и их почитание устраивалось не просто в домашнем кругу, но праздновалось в масштабах всего города. Увещевания священников были в этом случае тщетны. Поп Кирик жаловался владыке: "Аже се Роду и роженицам крают (режут. – Е.К.) хлебы и сиры и мёд"⁵. Для праздника Рода и рожениц готовили специальную ритуальную еду: пекли каравай хлеба, в чаши наливали мед и медовуху, резали сыр. Причем словом "сыр" изначально называли еще и творог.

Почитание языческих богов было тесно связано со свадебными обрядами. В присутствии большого количества народа проводился и так называемый Божий суд-поединок, созерцание которого было излюбленным развлечением горожан⁶.

Кулачный бой был обычным средством разрешения какого-либо конфликта двух враждующих сторон. Устраивался он всегда на глазах многочисленного собрания народа. Истоки этого обычая можно найти в древности. Это был один из видов гадания по жребию, когда высшей воле божества предоставляли то, что было выше воли человеческой⁷. Считалось, что правда была на стороне того, кто выходил победителем. Но иногда поединок заканчивался гибелью одного из участников.

Церковь вмешивалась в конфликты, пытаясь ограничить их. Архиепископ Илья требовал от священников: “Унимайте детей своих”⁸. В случае незаконного боя, закончившегося смертью одного из участников, попы отказывались хоронить его в соответствии со всеми христианскими обрядами. Тому, кто добровольно покорялся, давалось причастие.

Активными участниками народных собраний были скоморохи. Их представления сочетали в себе шутовские затеи, переодевания, игру на народных музыкальных инструментах. На пирах они выполняли роль снотолкователей, колдунов, жрецов полухристианского, полуязыческого мира. Скоморохи пользовались большим уважением народа, их принято было приглашать на свадьбы. Театральность скоморохов включала в себя и драматический элемент. Сюжеты для своих постановок они брали из повседневной жизни, зачастую высмеивая неудачи и злоключения. В скоморошских играх и плясках были сильны также языческие мотивы. Сюжеты их постановок были обращены к простому люду и доступны ему⁹.

Ни одно народное собрание не обходилось без музыкальных инструментов. Наиболее популярными в Новгороде в XII – XIII вв. были струнные инструменты – гусли и гудки.

Гудцы – играющие музыканты – одной рукой держали гудки за шейку, оперев их на ногу, в другую руку брали смычок. Гусли и гудки требовали определенных навыков игры, мастерства, которое передавалось непосредственно от наставника ученику. Игрища и пляски сопровождалась и духовой музыкой. Самыми распространенными духовыми инструментами у новгородцев были свирели, или, как их называли в те времена, сопели, дудки сопяхи. Разгульные пиры новгородцев представляли собой не просто массовые зрелища и игры, но воздействовали также на слух участников: мир звуков народного праздника средневековья был богат и разнообразен.

Если народные пиры устраивались непосредственно под открытым небом, возможно, на тех же площадях, где проходили уличанские вечерние собрания, то для домашних форм проведения досужих часов была характерна более умиротворенная атмосфера. Домашней формой досуга

были “беседы”. Скорее всего они различались на чисто мужские и женские собрания. Проводились они в доме одного из участников, где, вероятно, накрывался стол и готовилось угощение. Беседы пользовались большой популярностью у новгородцев XII – первой половины XIII вв. “Чем лучше мы простецов, – спрашивал архиепископ Илья, – ежели с ними начнем ясти и на беседе седете?”¹⁰ Во время бесед не устраивали ни шумных игр, ни плясок, это были формы живого общения людей, где большим уважением пользовались искусные рассказчики. Возможно, что женщины приходили на беседы с работой: шитьём, вышивкой и другим рукоделием.

Большим разнообразием отличалось прикладное творчество новгородцев. Из умелых рук домашнего мастера могло выйти любое декоративное изделие: детская игрушка или предмет утвари, ковш или ложка, украшенные резьбой или орнаментом. Прикладному творчеству отводилось время зимой, когда в хозяйстве не так остро ощущался дефицит рабочих рук. Образцы декоративного искусства – вещи не серийного производства – изготавливались не просто с утилитарной целью, а главным образом для того, чтобы украсить жилище, разнообразить повседневность. Они являлись воплощением в материале (дереве, кости или ткани) художественных замыслов средневекового новгородца.

Формы проведения досуга, бытовавшие в Новгороде в XII – первой половине XIII вв., во всем их разнообразии служили для реализации внутренней, творческой энергии человека, которая не находила полнокровно-го выражения в повседневных заботах домашнего быта.

Примечания

¹ Поучение архиепископа Ильи. РИБ. Т. VI. С.351.

² Наказание и заповедь святых отец о покаянии и поучении. *Лихоя Р. Г.* Церковь в Древней Руси. С.3.

³ Поучение архиепископа Ильи. С.372.

⁴ *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. С.129.

⁵ Вопросание Кириково... Стб. 48

⁶ Поучение архиепископа Ильи. С.371

⁷ *Средневекий И.И.* Святынища и обряды языческих богослужений древних славян. Харьков, 1848. С.12

⁸ Поучение архиепископа Ильи. РИБ. Т. VI. С.371.

⁹ *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

¹⁰ Поучение архиепископа Ильи. С.358.

РАСКОПКИ БОЛЬШЕКАЗАКБАЕВСКОГО 2 МОГИЛЬНИКА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Большеказакбаевский 2 могильник был исследован Зауральской лесостепной археологической экспедицией летом 1997 и 1998 гг. Памятник находится в Кунашакском р-не Челябинской обл. в 2 км к северу от с. Большое Казакбаево. Впервые открыт в 1949 г. К.В. Сальниковым. Памятник состоит из 32 курганов, сосредоточенных на двух мысах коренного берега, разделенных ложбиной.

Задача настоящей работы – описание исследованных курганов и определение их культурной принадлежности.

Курган 1. Насыпь имела вид слабого округлого возвышения с уплощенной вершиной диаметром около 16 м, высотой около 20 см. В процессе снятия насыпи кургана собрано большое количество кремневых отщепов и орудий, фрагментов керамики эпохи бронзы, кости животных, бронзовая пряжка, бронзовый предмет, два круглых “пряслища”. В пределах раскопа исследовано 4 объекта, два из которых были современными. Ко времени сооружения кургана относились ямы 1 и 2. Яма 1, расположенная в центре погребального сооружения, имела прямоугольно-овальную форму, глубина составляла около 1 м. Погребение было полностью ограблено. Яма 2 также имела прямоугольно-овальную форму и была ориентирована по линии С-Ю. Глубина ямы составляла 65–70 см. В пределах могилы собран довольно выразительный и разнообразный инвентарь: бронзовый скифский котел с остатками шкуры животного, железные удила, остатки колчана, состоявшего из 48 бронзовых и более 10 железных наконечников стрел, железный кинжал-акинак. Кроме того, в могиле найдены две обоймы из светлого металла, крупная глазчатая бусина из синего стекла, бронзовый наконечник стрелы, железный колчаный крюк, а также отщепы и мелкие фрагменты керамики эпохи бронзы. Остатков погребенного не обнаружено, но могила не имеет следов ограбления, что позволяет считать ее погребением-кенотафом, сооруженным в честь умершего на стороне воина.

Инвентарь и расположение в ареале гороховской культуры свидетельствуют в пользу принадлежности кургана к кругу ее памятников.

Курган 2. Самый крупный в могильнике, его диаметр ок.30–35м. Насыпь сильно повреждена распашкой, к моменту раскопок имела высоту 1,5 м. Во время зачистки по матерiku был обнаружен ровик округлой формы. Под насыпью обнаружено центральное погребение. Могила по периметру была оконтурирована прямоугольным валиком, сложенным из переотложенного грунта выкида. Под ним зафиксированы следы горения,

кости домашних животных, 2 курильницы. Яма имела форму неровного овала (3,64 x 2,68), ориентированного по линии юг–юго-запад – север–северо-восток; глубина ок. 2,67–2,75 м. Погребение ограблено. Встречены остатки погребального инвентаря (железные и бронзовые наконечники стрел, фрагменты плоскодонного и круглодонного сосудов, черный бисер, золотые нашивные бляшки, пронизки, стеклянные бусы разного цвета), а также кости плохой сохранности. По основным признакам погребального обряда курган можно отнести к гороховской культуре и датировать IV – II вв. до н.э.

Курган 18. Диаметр насыпи 14–15 м. В центре хорошо фиксировался провал от грабительского шурфа. Под насыпью в центре расчищена яма, имеющая неровную прямоугольно-овальную форму, ориентированную по линии север-юг, глубиной ок. 45 см. Северная яма была прорезана поздней ямой. На дне центральной ямы найдены кальцинированные кости, фрагменты, вероятно, 2 сосудов эпохи бронзы. В юго-восточном углу было расчищено небольшое углубление, заполненное золой. Это погребение можно отнести к федоровской культуре. Второе погребение было полностью ограблено. Возможно, от него остались нижняя челюсть человека и сердоликовая бусина ромбической формы, позволившая отнести его к раннему железному веку.

Курган 19. Размещался на естественной возвышенности и почти сливался с рельефом окружающей местности. Его насыпь имела овальную форму, высота не превышала 50 см. Под насыпью было обнаружено 4 могильные ямы, расположенные в одну линию вдоль продольной оси кургана. Могилы имели почти прямоугольную форму, практически отвесные стенки, на которых в отдельных местах сохранились остатки бересты. Глубина всех ям ок. 1 м. На дне каждой из них было расчищено от 1 до 4 раздавленных сосудов, которые лежали в слое земли, перемешанной с пеплом, что позволяет предположить наличие кремации, произведенной на стороне. Раскопанные погребения, содержащие керамику федоровской, федоровско-черкаскульской и черкаскульской культур, представляют довольно редкий случай смешения двух традиций – ингумации и кремации.

Курган 20. Диаметр кургана 15 м, его высота 40–50 см. Под насыпью кургана была обнаружена каменная оградка, ограничивающая площадку диаметром 6 м. В центре кургана была обширная прямоугольная яма, в ней встречены фрагменты керамики федоровской культуры, кальцинированные человеческие кости. В ходе раскопок, кроме центральной ямы, было выявлено 21 погребение и несколько ям. Во всех этих погребениях отмечена ингумация, они не содержали инвентаря, зато встречались деревянные перекрытия и подбой. По всем признакам они связаны с мусльманским погребальным обрядом.

Таким образом, могильник содержал погребения различных археологических культур: бронзового, железного веков, а также средневековья. Необходимо обратить внимание на 18-й курган, где погребение железного века впушено в курган эпохи бронзы, что характерно для начального периода раннего железного века. Очень интересен 19-й курган. Здесь, наряду с ямами, предназначенными для ингумации, встречен погребальный обряд трупосожжения, причем этот обряд производился где-то на стороне, а затем пепел был погребен в ямах. При исследовании керамики из этого кургана можно отметить сочетание федоровской и черкаскульской орнаментации, что ставит проблему взаимодействия этих культур позднего бронзового века. Также следует отметить курган 20. Его отличает то обстоятельство, что на достаточно небольшой площадке было сооружено два погребальных комплекса: первый из них относится к эпохе поздней бронзы, а второй – к средневековью. В данном случае можно ставить вопрос об использовании ландшафта в различные эпохи.

Примечание

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-PICS № 98-06-22011

И. Пушкарёв

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ ПО ДАННЫМ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

Как известно, в археологическом памятнике крайне важна сохранность информации, заключенной в предметном мире. С этой точки зрения огромный интерес представляют торфяниковые памятники, так как в них сохраняются кость, дерево и другие органические вещества, дающие более полную информацию о древнем человеке.

В настоящее время на территории Российской Федерации известно всего лишь 4 района с такого рода памятниками – Карелия, Прионежье, Волго-Окское междуречье и Урал. Причем на Урале основная их часть сосредоточена в Среднем Зауралье и имеет озерное происхождение: Шигирский торфяник (В.Я. Толмачев, 1914), Горбуновский торфяник (Д.Н. Эдинг, 1940), Разбойничий остров на палеозере Карасье I (Н.М. Чаиркина, А.Ф. Шорин, 1992. С.96–100).

По всей вероятности, озера еще с эпохи мезолита начали привлекать человека обилием рыбы и водоплавающей птицы (Серый камень (Ю.Б. Сериков, 1997. С.15–16)), но с изменением климата менялись и их очертания, что влияло на процесс освоения берегов этих водоемов, специализацию

хозяйств и т.д. В этом свете встает вопрос о стратиграфии торфяниковых напластований и определении их хронологических рамок. Именно поэтому важно соотносить археологический слой и голоценовые отложения.

Исследования торфяников горно-лесного Зауралья в археологическом плане начинается с конца XIX – начала XX вв. В этот период они изучались такими учеными, как О.Е. Клер (Д.Н. Эдинг, 1940, с.6), В.Я. Толмачев (1914), Д.Н. Эдинг (1940). Палинологические данные ими не привлекались. В 1950–70-е гг. такие археологи как: А.Я. Брюсов (1952), В.М. Раушенбах (1952), В.Ф. Старков (1980), продолжили изучение проблемы, но уже с привлечением исследований палинологов. В 1980–90-е гг. большой вклад внесли Ю.Б. Сериков (1992. С.131–147), Н.М. Чаиркина, С.Н. Погорелов (1989, с.170–172), В.Д. Викторова, В.Ф. Кернер (1997, с.24–44.). Были открыты и исследованы новые памятники, налажено сотрудничество с палеобиологами.

Что касается биологических исследований на палеозерах, то они начинаются в 1920-х гг. с Д.А. Герасимова (В.Н. Сукачев, Г.И. Поплавская, 1946, с.9). В начале 1950–60-х гг. огромную работу по изучению голоценовых отложений Урала провели В.Н. Сукачев, Г.И. Поплавская (1946, с.5–35), С.Н. Тюремнов (1949, с.374–375), Н.И. Нейштадт (1957, с.11). В 1970–90-х гг. необходимо отметить работы таких ученых, как Н.А. Хотинский (1981, с.43–54), В.Г. Турков (1980), Н.К. Панова (1996, с.26–49). Именно они разработали принятую сейчас схему развития голоцена на Среднем Урале.

Труды этих исследователей были положены в основу данной работы, целью которой является определение влияния природно-климатических условий на освоение человеком берегов палеозер горно-лесного Зауралья и выделение этапов этого процесса. Произведя анализ археологических и геологических отложений, можно сделать следующие выводы:

1. Период голоцена с конца IX тыс. до н.э. неоднороден по своему характеру и представляет собой чередование теплых, сухих фаз и холодных, влажных (Н.К. Панова, 1996, с.30–35).

2. Древние озера, по всей вероятности, зародились в конце IX–VIII тыс. до н.э. и прогрессивно развивались до второй половины IV тыс. до н.э. (Н.А. Хотинский, 1981, с.53). На них отложились различные слои сапропелей, что говорит о влажности климата. В археологическом плане этому времени соответствует период мезолита–неолита. Древнее население зимой проживало в базовых лагерях, а в теплое время перебиралось на временные стоянки (В.Д. Викторова, В.Ф. Кернер, Н.К. Панова, 1997, с.26). Находки в торфяниках, относящихся к этому времени, соответствуют либо сапропелю и носят затонувший характер (Шигирский торфяник (В.М. Раушенбах, 1956, с.86–106)), либо супеси и песку – это стоянки на древних берегах (Кокшаровско-Юрьинская стоянка (Ю.Б. Сериков, 1992, с.132)).

3. В конце атлантического периода (кон. IV – нач. III тыс. до н.э.) (Н.К. Панова, 1996, с.32) климат достигает максимум сухости и тепла. Уровень воды в водоемах заметно понизился. Неолитическое население перебирается ближе к воде, появляется такая стоянка, как Стрелка (В.Ф. Старков, 1980, с.56–57).

4. Примерно во второй четверти III тыс. до н.э. климат опять увлажняется (Н.А. Хотинский, 1981, с.53). Уровень воды поднимается. Люди покидают поселения, расположенные на низких коренных берегах, например Исетское Правобережное (В.Ф. Кернер, 1991, с.46–67). Происходит смена неолитического населения энеолитическим.

5. В XXII–XIV вв. до н.э. происходит среднесуббореальное потепление (Н.К. Панова, 1996, с.32–33), зеркала палеоозер сокращаются, начинаются активные процессы торфообразования. К этому периоду относятся такие торфяниковые памятники эпохи энеолита – ранней бронзы, как Разбойничий остров (Н.М. Чаиркина, А.Ф. Шорин, 1992, с.96–100), Шувакиш I (Н.М. Чаиркина, С.Н. Погорелов, 1989, с.170–172.).

6. В связи с позднесуббореальным похолоданием XIV– V вв. до н.э. уровень воды в водоемах опять увеличивается (В.Г. Турков, 1980, с.50), памятники в торфе исчезают. На территорию горно-лесного Зауралья на рубеже II – I тыс. до н.э. приходит население гамаюнской культуры (В.Д. Викторова, В.Ф. Кернер, Н.К. Панова, 1997, с.34).

7. В V в. до н.э. – сер. XIV в. н.э. наступает малый климатический оптимум субатлантического периода (В.Г. Турков, 1980, с.52–53). Климат становится засушливым, вновь появляются торфяниковые памятники: жертвенное место на мысу Еловом (Е.М. Берс, 1963, с.80–84), 6-й разрез Горбуновского торфяника (В.Ф. Старков, 1980, с.62), поселение Исетское Правобережное I (В.Ф. Кернер, 1998, с.620–626).

8. С началом эпохи мезолита до позднего неолита на территории горно-лесного Зауралья в связи с прогрессивным развитием палеоозер активно развивалось рыболовство. С периода энеолита процесс заторфывания приводит к упадку рыболовства и вытеснению его охотой, а с началом бронзового века присваивающие формы хозяйства постепенно сменяются производящими (В.Д. Викторова, В.Ф. Кернер, Н.К. Панова, 1997, с.25–33). Вероятно, эти процессы могут объяснить постепенное исчезновение торфяниковых памятников.

ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ В ОБОЗНАЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ

Долгое время охрана памятников не выделялась как отдельная наука, а была составной частью археологии, под которой понималось любое увлечение древностями. Это было связано с узким пониманием терминов “охрана” и “памятникоохранительная деятельность” лишь как юридическая охрана памятников и реставрация материальных объектов. Таким образом, до недавнего времени “охрана памятников” понималась исключительно как особый род деятельности практического характера, за рамки которого выносилось как исследование недвижимых памятников, так и их использование и популяризация.

Многочисленность проблем, возникающих при изучении и использовании историко-культурного наследия, заставляет по-новому взглянуть на проблему его охраны, уделить самое пристальное внимание всему комплексу вопросов, связанных с выявлением и изучением физической, эстетической, научной ценности памятников, необходимости создания науки о памятниках – памятниковедения (П.В. Боярский, 1986).

Работа специалистов в этой области в 1980–90-е гг. выявила острую необходимость разработки понятийно-терминологической системы данной области знания. Междисциплинарный характер деятельности по выявлению, охране и использованию культурных ценностей привел к размыванию границ даже таких базовых понятий, как “памятник”, “культурное наследие”, “культурные ценности”. Еще в 1950-х гг. общепринятым определением памятника считалось “архитектурное или монументальное сооружение, имеющее историческую или художественную ценность” (И.А. Игнаткин, 1990. С.13). Вместе с тем к памятникам относили и движимые объекты, обладающие историко-культурной значимостью (А.П. Сергеев, 1990. С.11). Поэтому в 1960-е гг. был начат поиск новой парадигмы недвижимых памятников, поводом к чему послужила расплывчатость и неполнота существующих определений, а также возросшее число новых объектов культурного наследия, нуждающихся в сохранении. Советское государство преодолевало эти трудности путем перечисления категорий памятников: сооружения, памятные места, предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную и художественную ценность (Закон СССР об охране памятников культуры 1976, ст.1). Специалисты пытались решать эту проблему давая достаточно общие определения: “Памятники истории и культуры – это охраняемые правом уникальные вещественные

результаты человеческой деятельности, являющиеся продуктом труда, важное историческое значение которых для общества официально признано путем принятия их на государственный учет” (Т. Квирквелия, 1974. С.5.). В связи с большим разнообразием памятников потребовалось уточнение, что под памятниками подразумеваются не только отдельные сооружения, но также целые комплексы, городские либо сельские (И.А. Игнаткин, 1990. С.13).

В 1972 г. по рекомендации ЮНЕСКО в научный оборот вошло понятие “культурное наследие” (А.М. Богуславский, 1979. С.173). Достаточно определенно (в прикладном значении) оно дано в “Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия”, под которым понимается три категории объектов – памятники, ансамбли и достопримечательные места. К первой отнесены “произведения архитектуры, монументальной скульптуры, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки”. Вторая категория объектов – ансамбли – включает в себя “группы изолированных или объединенных строений”, которые в силу их архитектуры, единства или связи с пейзажем представляют собой особую ценность с точки зрения истории, искусства или науки. И достопримечательные места определены как зоны, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

Таким образом, введение понятия “культурное наследие” сыграло положительную роль в определении новой парадигмы, применяемой ко всем категориям недвижимых объектов, обладающих историко-культурной значимостью. При этом само понятие “памятник” применяется как частное от культурного наследия и обретает конкретную форму единичного объекта, имеющего научную или общественную ценность. Осознание тесных взаимосвязей культурного наследия с окружающим миром, в котором существует множество природных объектов, также обладающих универсальной научной ценностью, привело к оформлению понятия “природное наследие”, которое объединило естественные памятники, геологические и другие образования, а также природные и достопримечательные места. По мере распространения и расширения сферы использования термина “наследие” происходит идентификация этих его разновидностей. О месте историко-культурного наследия в природном практически одновременно заговорили и экологи (Н.Ф. Реймерс, 1978), и специалисты по охране памятников (Е.Н. Селезнева, 1984. С.10). Уже в 1990-х гг. было заявлено о необходимости рассматривать “наследие” как информационный потенциал, запечатленный в явлениях, материальных объектах

и необходимый человечеству для его развития, сохраняемый для передачи будущим поколениям (Е.М. Кулешова, 1994. С.44). Следующим этапом в этом направлении было введение пространственной оси координат, утверждение значимости пространственно-территориального размещения объектов, что привело к становлению понятия “уникальная историко-культурная и природная территория”, под которой понимали целостный пространственный объект, где в традиционной, природной и социо-культурной среде находятся памятники истории и культуры исключительной ценности и значимости.

Таким образом, приходится констатировать, что в сфере охраны памятников до сих пор не существует разработанной системы понятий и терминов.

Анализ современной научно-методической литературы по данной проблематике позволяет выделить возможные компоненты будущей понятийно-терминологической системы:

- историко-культурный объект как низшая ячейка,
- историко-культурный комплекс как совокупность компактно расположенных объектов,
- историко-культурная зона как совокупность историко-культурных комплексов, объединенных общими элементами рельефа,
- историко-культурная территория как более широкий термин, позволяющий определить границы исследуемой территории.

В. Сухих

ОБРАЗ ЗМЕИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА

1. В Северной Евразии от Франции до Восточной Сибири на памятниках верхнего палеолита – в мелкой пластике и настенных росписях – встречаются образы змей. Типологически и иконографически можно выделить две группы изображений:

1. Образ змеи, свернувшейся в спираль. Таких изображений немного: на костяных орудиях из Арюди и Истюриц (Франция) и на костяной пластине из Мальты (Восточная Сибирь).

2. Образ ползущей змеи (зигзаг). Иконографически по форме головы можно выделить три подгруппы: 2.1. Змеи с головой подтреугольной формы. Встречаются на жезлах из французских гротов Гурдан, Монгто-тье, Ридо и Видон. Этих змей считают гадюками¹. 2.2. Змеи с головой овальной формы. Изображены на жезлах из гротов Гурдан и Ла-Мадлен. Их определяют как ужей. 2.3. Змеи без обозначения головы. Они есть в

пещерных росписях и на костяных поделках во Франции, на бляшках с Мальты. Четыре подобные фигуры змей встречаются среди изображений на стенах Игнатьевской пещеры .

Известны попытки ряда авторов интерпретировать образ змеи в верхнепалеолитическом искусстве. Как змею трактовали изображение спирали³. Змея, свернувшаяся в спираль, могла символизировать нападение и смерть, так как в природе она принимает такую позу перед нападением. Эта идея подтверждается тем, что подобные фигуры изображены на оружии из гротов Истюриц и Арюди. И спираль, и змея также связывались с водой и нижним миром, хотя вопрос о вычленении в верхнем палеолите нижнего мира остается спорным. Изображение ползущих змей тоже связывают с представлениями о нижнем мире⁴: гадюка находится в нижнем ярусе картины мира на жезле из Видона .

Змеи изображены вместе с рыбами и тюленями на жезлах из Ламадлен и Монтготье , и, возможно, древний человек объединял их в один класс хтонических существ, связанных с водой и нижним миром.

Предположительно как изображения тотемов можно трактовать композиции Игнатьевской пещеры. В одной из них след змеи противостоит следу носорога (26-я группа рисунков), в другой (29-я группа) змея или ее след противостоит женскому знаку, аналогу которому есть в Европе⁶; в 6-й группе рисунков змея противостоит стилизованной женской фигурке. Последние две композиции могут быть связаны с культом плодородия или с противостоянием смерти (змеи) и жизни (женский знак).

На жезлах из французских гротов есть сложные композиции с участием змей, лошадей и человеческих фигур, но трактовка этих сюжетов чаще всего произвольна и противоречива.

II. В эпоху мезолита в Восточной Европе сохраняется образ змеи: ее символ изображают на оружии. Костяные наконечники стрел с Лубанского озера и из Скандинавии украшены выгравированным зигзагом, видимо, символизирующим змею, ползущую к острию наконечника⁷. Зигзаги или волнистые линии изображены на многих образцах оружия и орудий с памятников Европы и Урала, и, возможно, многие из них символизировали змей. На костяных наконечниках из Скандинавии и Прибалтики⁸ видна цепь ромбов, идущая к острию. Характерный рисунок вдоль спины в виде темной полосы, состоящей из ромбов или сходных фигур, присущ гадюкам⁹. Сами изделия с четко выделенной треугольной боевой частью похожи на гадюк с их копьевидными головами, и, возможно, стрелы и дротики намеренно повторяли форму змей, а для большего сходства на них изображали характерный для гадюк узор. Путем нанесения символов змей на оружие переносили часть смертоносности и магии змей, тем самым увеличивая эффективность стрел и дротиков.

Еще в верхнепалеолитическом искусстве встречаются жезлы, возможно, являющиеся скульптурными изображениями змей. Достоверные скульптуры змей известны для мезолита. Одна из них найдена в Латвии. Она, скорее всего, была навершием жезла. Две скульптуры змей из кости найдены в Оленеостровском могильнике. Н.Н. Гурина сочла их покровителями женщин¹⁰. Существует и другое объяснение: тройную могилу 56-57-58, где найдена одна скульптура, из-за необычности погребального обряда можно отнести к захоронениям служителей культа. Лежащему в центре мужчине слева от головы положили жезл с изображением головы лося, а под правую руку – скульптуру змеи. Возможно, жезлы служителя-шамана являются изображениями духов-помощников для путешествия в другие миры. Погребенный шаман, видимо, мог камлать и в верхнем мире (помощник-лось) и в нижнем (помощник-змея). Подобные верования сохранились в шаманской практике народов Сибири. До появления бубна шаманы имели духов-помощников в виде изображений животных разных миров на жезлах¹¹.

III. Картина мира охотников и рыболовов мезолита уже существенно отличалась от представлений эпохи верхнего палеолита, но образ змеи остался и сохранил свою значимость. Можно предположить использование змеи в шаманской практике как медиатора для связи с нижним миром. Устойчиво сохраняется традиция нанесения символов змеи на оружие для увеличения его смертоносности.

Примечания

- ¹ *Абрамова З.А.* Палеолитическое искусство на территории СССР. М., 1962. С. 64.
- ² *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище на Южном Урале. Новосибирск, 1992. С. 52–55.
- ³ *Мириманов В.Б.* Искусство и миф. М., 1997. С. 41–47.
- ⁴ *Фролов Б.А.* Первобытная графика Европы. М., 1992. С. 109.
- ⁵ *Абрамова З.А.* Указ. соч. С. 64.
- ⁶ *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Б. м., 1992. С. 404.
- ⁷ *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. М., 1956. С. 225.
- ⁸ *Гурина Н.Н.* Мезолит Латвии и Эстонии // Мезолит СССР. М., 1989. С. 234.
- ⁹ *Талызин Ф.Ф.* Ядовитые животные суши и моря. М., 1970. С. 64.
- ¹⁰ *Гурина Н.Н.* Оленеостровский могильник. С. 244.
- ¹¹ *Соколова З.А.* Животные в религиях. СПб., 1998. С. 126.

Н. Филатова

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ “УТЮЖКАХ”: АРЕАЛ, ТИПОЛОГИЯ, ФУНКЦИЯ

Археология, объясняя многие аспекты дописьменной истории, не всегда может дать ответ относительно функции некоторых артефактов. К их числу принадлежат так называемые “утюжки” (“гладилки”, “выпрямилки”, “човники”, “челноки”).

“Утюжки” – это изделия из мягких пород камня, реже – глины. Это артефакты с плоским основанием и сферической поверхностью, расщепленной горизонтальным желобком, реже – двумя и тремя желобками, еще реже встречаются вертикальные желобки по основанию. Длина изделий варьирует от 5 до 23 см; ширина – от 1 до 6 см; глубина желобка в большинстве случаев не превышает ширины. Очень часто выпуклая и боковые стороны “утюжка” покрыты орнаментом, а в единичных случаях он присутствует и на основании.

Наиболее ранние изделия подобного типа найдены на Ближнем Востоке (предгорья Загроса: пос. Зами Чеми, пещеры Шанидар, Карим-Шахир; Палестина, Иордания: натуфийская культура; Иерихон) в протонеолитических слоях, на стоянке в Надпорожье (пос. Игрень VIII) в позднемезолитическом слое. В эпоху неолита ареал “утюжков” включает Украину и Южную Белоруссию (днепро-донецкая и суро-днестровская культуры); Зауралье (кошкинская и боборыкинская культуры, пос. Палатки I, Исетское правобережное, ст. Полудёнка I, Кокшаровский холм); Среднюю Азию (илгинли-депе, джейгунская культуры); Северную Месопотамию (пос. Кюльтепе).

К эпохе энеолита относятся значительные серии “утюжков”, найденных в Зауралье (пос. Палатки I, ст.Калманский брод, Шайтанское оз. I, Горбуновский торфяник, Карасье оз. в горно-лесном Зауралье); на Южном Урале (суртандинская культура и ст. Чебаркуль I, Чебаркуль II, Караганда 15, пос. Мысовое); в Центральном Закавказье (пос. Имирисгора); в Поволжье (Саратовская область: могильник у Литового оврага); в Лесостепном Заволжье (Виловотовская стоянка); в Центральном Казахстане (ст. Лявлякан 164, Лявлякан 340); в Северном Казахстане (ботайская культура, стоянки в Кустанайской обл.: ст. Светлый Джар-куль, пос. Амангельды, Бестамак, погребение на р. Чоглинка; в Тургайской обл.: пос. Кумкешу I, Кожай I, Колбинский хребет); в Восточном Казахстане (ст. Телекес и пос. Усть-Нарым в Павлодарской обл.); в Западной Сибири (неолитическая культура лесостепного Приобья, могильник Усть-Иша, томско-нарымское Приобье – Самусьский могильник; лесостепное Притоболье – могильник Убаган I, Верхняя Алабуга, лесостепное Обь-Иртышье, могильник Крутиха 5); на Кубани (курган у станицы Новосвободская).

Единичные находки в Западной Сибири датируются бронзовым веком (поселение Венгерovo 3, могильник Сопка 2).

“Утюжки” нельзя отнести к категории массовых находок, так же как и редких, хотя чаще они представлены единичными экземплярами. Находки не связаны с каким-то определенным типом памятников, обычно они встречаются в поселенческих комплексах, в погребениях – реже (около 11 случаев). Изделия имеют значительный хронологический разброс: от протонеолита (мезолита) – IX – VIII тыс. до н. э. – до конца

развитой бронзы – XIII – XII вв. до н. э. (Западная Сибирь, Среднее Прииртышье, мог. Ростовка).

“Утюжки” встречаются от реки Днестр на западе до реки Енисей на востоке. Крайние южные пункты находок – горы Загроса и южный фас Монгольского Алтая. Кроме того, есть сведения, что изделия встречаются в Испании и Северной Африке. Данные предметы не характерны для какой-то одной археологической культуры, культурно-исторической области или природно-климатической зоны. Они встречаются в предгорьях, лесной, лесостепной, аридной зонах. Наибольшая плотность находок приходится на Украину, Урал, Северный и Восточный Казахстан. Наиболее часты находки в лесостепной зоне, лесная зона является скорее исключением, чем правилом. В других зонах артефакты также единичны.

Широкое распространение “утюжков” в Зауралье и Северном Казахстане в энеолите в культурах аборигенного населения (ботайская, аятская, суртандинская культуры) пока трудно объяснить однозначно. Это может быть и заимствованием, и результатом взаимной ассимиляции культур мигрирующих и аборигенов, и конвергентным появлением этих изделий, хотя последнее менее вероятно. Затрудняет изучение “утюжков” отсутствие данных о их местонахождении на поселениях, точной привязки к какой-либо определенной археологической культуре.

Протоэнеолитические “утюжки”, найденные в горах Загроса, и мезолитическое изделие с Украины – овальной формы и без орнамента. В неолите изделия овальной, трапециевидной, эллипсовидной, ромбовидной, подпрямоугольной форм. Наряду с каменными известны и глиняные “утюжки”. Они орнаментированы. Рисунок геометрический, реже растительный. Орнаментация индивидуальна. Все “утюжки” в энеолите выполнены из камня. Находки чаще декорированы, тенденции в орнаментации те же. Новое направление в форме – полукруг, сохраняются также неолитические формы.

О функции “утюжков” высказаны различные точки зрения. Дж. Меллард, С.С. Черников полагали, что изделия служили “выпрямителями древков стрел”. С.А. Семенов, Г.Ф. Коробкова, В.Н. Даниленко допускали их использование для полировки древков стрел, для разглаживания швов. Т.И. Нохрина и И.В. Усачева считают перспективной гипотезу А.П. Окладникова об использовании “утюжков” в качестве грузил-утяжелителей для копьеметалок, аналогичных американским атлатлям.

Г.Н. Матюшин считает, что изделия, наряду с утилитарной функцией, имели и культовое назначение. Близка к этой точка зрения В.Д. Викторовой, В.Ф. Зайберта, которые считают “утюжки” аналогом женских статуэток. В.Т. Ковалева связывает появление артефактов в Зауралье с миграцией индоевропейцев и использованием их в культе плодородия, зародившемся на раннем этапе в земледельческих культурах.

СЕКЦИЯ II. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

М. Акюль, С. Дингилиши

ДИПЛОМАТИЯ ЮСТИНИАНА I

Дипломатическая служба в Восточной Римской (Византийской) империи была образцом для варварских королевств. Сохранив старые римские традиции, все более изолируясь в новой, сложной и опасной обстановке, когда приходилось полагаться чаще на хитрость и интригу, чем на силу, византийская дипломатия оказала огромное влияние на всю дипломатию средневековья. Ее обычаи и приемы были усвоены ближайшей западной соседкой – Венецией – и через нее перешли в практику других итальянских государств и западноевропейских монархий нового времени. Ярче всего принципы и внешние приемы византийской дипломатии выразились в деятельности одного из замечательнейших дипломатов того времени – императора Юстиниана I. На дипломатию Юстиниана, правившего империей из своего рабочего кабинета, оказывала большое влияние Феодора, в юности – актриса, потом всесильная супруга могущественнейшего из византийских императоров. Она писала царю Персии Хосрову: «Император ничего не предпринимает, не посоветовавшись со мной».

Восточная Римская империя достигла в царствование Юстиниана наивысшего могущества. Ее дипломатические связи охватывали огромное пространство от Китая и Индии до Атлантического океана, от Внутренней Африки до причерноморских степей. Юстиниан умело комбинировал искусную дипломатическую игру с меткими военными ударами, которые расширили пределы его империи далеко на запад.

Византия со всех сторон была окружена беспокойными, находившимися в постоянных передвижениях племенами, к которым она применяла общее название «варвары». Византийцы тщательно собирали и записывали сведения об этих племенах. Они хотели иметь точную информацию об их нравах, военной силе, торговых сношениях, об отношениях между ними, о междоусобиях, о влиятельных людях и возможности их подкупа. На основании полученных сведений строилась византийская дипломатия, или «наука об управлении варварами».

Главной задачей византийской дипломатии было заставить варваров служить империи, вместо того чтобы угрожать ей. Наиболее простым способом был наем их в качестве военной силы. Вождей варварских пле-

мен и правителей государств подкупали, заставляя вести войны в интересах Византии. Ежегодно Византия выплачивала приграничным племенам большие суммы. За это они должны были защищать границы империи. Их вождям раздавали пышные византийские титулы, знаки отличия, золотые или серебряные диадемы, мантии, жезлы. Варварских вождей старались покрепче привязать к византийскому двору. За них выдавали девушек из знатных фамилий. Их сыновей воспитывали в константинопольском дворе в духе преданности интересам империи; одновременно они служили заложниками на случай измены отцов.

Эти «мирные средства» были, однако, ненадежны. Варвары, получавшие от Византии деньги, требовали все большие суммы и угрожали перейти в лагерь врагов империи. Важно было не давать им усиливаться, умело натравлять их друг на друга, ослаблять их взаимными усобицами. Старое римское правило «*divide et impera*» («разделяй и властвуй») нашло самое широкое применение в византийской политике. Умение обращаться с соседями, как с шахматными фигурами, отличало дипломатию Юстиниана. Он возвел взаимное натравливание в целую систему. Военное вмешательство во внутренние дела других государств было одним из средств Юстиниана. Ярче всего эта политика выразилась в войнах Юстиниана с вандалами и остготами.

Если сильного врага нельзя было ни купить, ни одолеть своим или чужим оружием, Юстиниан прибегал к политическому и экономическому окружению. Самым опасным соперником Византии было персидское государство Сасанидов, особенно усилившееся при Хосрове I. Военные действия против Персии были неудачны. Тогда Юстиниан поднял против Хосрова всех его соседей.

Дипломатия служила развитию торговли, а расширение торговых связей, в свою очередь использовалось Византией как одно из сильнейших орудий дипломатии. Торговые города, расположенные на окраинах империи, были форпостами ее политического влияния. Купцы, торговавшие с отдаленными народами, приносили в Византию сведения о них. С византийскими товарами к варварам проникало и политическое влияние Византии. За купцом следовал миссионер. Распространение христианства также было одним из важнейших дипломатических орудий византийских императоров на протяжении многих столетий. Миссионеры были в то же время и дипломатами, трудившимися над укреплением византийского влияния.

При византийском дворе всегда можно было видеть пеструю толпу послов со всех концов Европы, Азии, Африки в разнообразных национальных костюмах, слышать все языки мира. Ведомство иностранных дел, которым управлял первый министр, располагало огромным штатом, держало переводчиков со всех языков. Оно выработало сложный порядок приема послов, рассчитанный на то, чтобы поразить их воображение, выставить пе-

ред ними в самом выгодном свете мощь Византии. В то же время прием обставлялся так, чтобы не дать возможности послам видеть или слышать слишком много, узнавать слабые стороны империи.

При константинопольском дворе вырабатывались определенные правила посольского дела, которые воспринимались всеми державами, имевшими дела с Византией. Посол являлся представителем государя и мог вести переговоры лишь в пределах предоставленных ему полномочий. Послами бывали обычно люди высокого ранга. В Византии нередко послам специально давались высокие титулы, если они их не имели раньше. Дипломатические поручения открывали путь к самым высоким почестям. Посол должен был представить верительную грамоту. Сохранились тексты таких грамот. Обычно они были переполнены многоречивыми, цветистыми и льстивыми формулами, сообщали имя посла и очень кратко информировали о целях посольства (это объяснялось тем, что у посла имелась соответствующая инструкция). Верительная грамота передавалась во время первого, торжественного приема; о делах шла речь уже потом, в частной аудиенции. Для ведения переговоров послы получали инструкцию, иногда письменную, иногда устную. Во всяком случае, к письменной инструкции обычно прибавлялись в секретном порядке устные поручения. При этом в верительной грамоте и в инструкциях цели посольства могли излагаться совсем по-разному. Иногда посольству под видом неважных или формальных поручений, например поздравления нового государя со вступлением на престол, давалось задание разузнать об отношениях и настроениях при иностранном дворе. Так дипломатия сочеталась с политической и военной разведкой. Византийские послы при затянувшихся переговорах отправляли ко двору донесения и получали новые инструкции.

При византийском дворе выработался особый церемониал приема послов, отчасти уже описанный выше. Во время первого, торжественного приема послы лишь передавали верительную грамоту и подарки. Подарками нередко служили драгоценные камни, оружие, редкие животные той страны, откуда прибыли послы. Папы посылали византийскому двору мощи святых. Это был высокоценный подарок. Но и послов надо было одаривать: этого требовало достоинство государя. Окончательный ответ послы получали во время последней аудиенции, не менее торжественной, чем первая. В промежутке между ними при дворе обсуждались связанные с посольством вопросы, а послы делали визиты императрице и важнейшим сановникам в известном иерархическом порядке. Во время этих приемов, за пирами, происходило иногда и обсуждение дел.

Принцип неприкосновенности послов был рано усвоен всеми варварами. На этой почве возникло даже нечто вроде права убежища: люди, находившиеся в опасности, прибегали к защите послов. Неприкосновен-

ность посла давала известную защиту его свите. К свите послов нередко присоединялись купцы, становясь под их покровительство. Но если посла нельзя было убить, то не считалось зазорным посадить его в тюрьму.

Дипломатия Византии во время правления Юстиниана достигла наивысшего развития и оказала огромное влияние на всю средневековую дипломатию. Она использовала как силу, так и хитрость и интригу, при этом сохранив старые римские традиции.

М. Алексеев

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРИНЦЕПСА ГАЯ КАЛИГУЛЫ

Система римского принципата, основанная Августом, позволяла принцепсу использовать свои полномочия для укрепления личной власти. При Гае Калигуле важным средством этого укрепления была династическая политика.

Приход Гая Юлия Цезаря Германика Калигулы к власти (18 марта 37 г. н.э.) опирался на авторитет (*auctoritas*) его родителей – Германика и Агриппины, внуки Августа. К тому же завещание Тиберия от 35 г. н.э. фактически назначало Гаю преемником. Налицо династический фактор, который, однако, не был законодательно обоснован. Династическую преемственность своей власти Гай подчеркивал, воздавая последние почести Тиберию.

Многочисленные почести получили умершие мать и отец принцепса, умертвленные братья Нерон и Друз, сестры Агриппина, Друзилла, Юлия Ливилла, бабка Антония и дядя Клавдий, внук Тиберия и двоюродный брат принцепса Тиберий Гамелл. В память о покойных членах семьи были введены ежегодные жертвоприношения, цирковые игры, воздвигнуты статуи и выпущены монеты. Здравствующим были дарованы должности и почетные титулы, особые места в цирке, им также посвящались монеты.

Наиболее значительным актом родового благочестия Калигулы явилось освящение храма Августа (август 37 г. н.э.). Торжества по этому случаю Гай приурочил ко дню рождения Августа (19 августа 63 г. до н.э.) и своему собственному (31 августа 12 г. н.э.). Калигула, как верховный понтифик, исполнил ритуал освящения.

Приведенные факты, характеризующие отношения Гаю со своей семьей, свидетельствуют, что в начале своего правления принцепс укрепил императорский дом. Подчеркнутое внимание Гаю к членам своей семьи, как живым, так и умершим, демонстрация особой связи с ними говорят о стремлении принцепса династически обосновать приход к власти и утвердить собственную династию.

Изменения в династической политике Гая начинаются после его болезни (октябрь–ноябрь 37 г.), когда возникли опасения за его жизнь и появилась проблема наследования власти. Претендовать на нее мог Тиберий Гамелл. Вероятно, он и, прежде всего, его сторонники готовились к смене власти. Возможно, этим и объясняется решение Гая устранить своего двоюродного брата. Тогда же расстался с жизнью бывший тесть принцепса, Марк Юний Силан, который как сторонник Тиберия мог отстаивать интересы его внука.

Кто в сложившихся условиях мог наследовать власть? У принцепса не было детей, но оставались три сестры. С одной из них, Друзиллой, Калигула, вероятно, связывал перспективы своей династии. Принцепс проявлял к ней особое расположение. Инцест Калигулы и Друзиллы можно объяснить подражанием принцепса обычаям царского двора Птолемеев, где традиция сожителства и браков между родными братьями и сестрами была заимствована из фараоновского Египта. К тому же прадед Калигулы, Марк Антоний, был связан с Птолемеями будучи мужем Клеопатры. Переноса этот обычай в Рим, Калигула все же не решился оформить брак с сестрой, что пошло бы нормы традиционной римской морали. Официально Друзилла являлась женой Марка Эмилия Лепида. Она была объявлена наследницей имущества и власти Калигулы. Возможно, и Лепид стал рассматриваться в качестве наследника. Но династические планы Гая в отношении сестры рухнули с ее смертью в июне 38 г. Умершая Друзилла была обожествлена, она стала первой женщиной в истории Рима, посмертно получившей такую честь. Обожествление Друзиллы соответствовало желанию одного Калигулы и не только из-за его личной привязанности к сестре, но также из стремления подражать монархам эллинистического Востока, чтобы тем самым укрепить личную власть.

Итогом династической политики Гая Калигулы явились события 39 г. В середине сентября принцепс начал поход в Германию. Вместе с Гаем выехала многочисленная свита, среди которой были Марк Эмилий Лепид и две сестры принцепса. В Германии Лепид и сестры организовали заговор против Гая, в котором участвовал и наместник Верхней Германии Гней Корнелий Лентул Гетулик. Целью заговорщиков было провозглашение принцепсом Лепида. Калигула все еще не имел детей, и поэтому честолюбивый Лепид, будучи мужем Друзиллы, имел шанс получить власть. Рейнские легионы – сильнейшая военная группировка римской армии, находившаяся под командованием популярного Гетулика – должны были обеспечить приход Лепида к власти. Однако заговор был вовремя раскрыт. Лепид и Гетулик были казнены, Агриппина и Юлия Ливилла сосланы на Понтийские острова. Устранив этих родственников, Гай более не возвращался к целенаправленной династической политике. Ситуацию не изменила ни женитьба принцепса на Милонии Цезонии, ни рождение до-

чери. С 39 г. укрепление личной власти принцепса в основном осуществляется посредством ущемления прерогатив представителей сенаторского сословия и развития императорского культа.

Династическая политика Гая Калигулы, как одно из средств укрепления личной власти принцепса, была направлена на то, чтобы сделать принципат чем-то большим, нежели совокупность традиционных республиканских магистратур. Эта политика свидетельствует о стремлении принцепса рассматривать себя в качестве монарха, подобного эллинистическим властителям.

П. Бондаренко

ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЯ ЭКСПАНСИИ СКАНДИНАВОВ В ЕВРОПЕ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ (793–1066 гг.)

Походы викингов не являлись единым явлением по своему содержанию и характеру. Обращаясь к проблеме типологизации скандинавской экспансии, следует отметить, что сплошь и рядом один тип экспансии переходил в другой: военный набег, пиратство и мирная торговля подчас шли рука об руку. Одни и те же люди могли выступать то в роли грабителей и захватчиков, то в качестве мирных поселенцев и земледельцев. Участников походов необходимо различать также по их социальному составу: в них принимали участие как знатные, так и незнатные воины; в числе колонистов преобладали простые крестьяне и воины, хотя заселением и распределением земель обычно руководили вожди. Торговлей, наряду с основной профессией, занимались и знатные, и незнатные, и воины, и мирные люди.

Также представляется крайне трудным выделить конкретные хронологические этапы эпохи викингов. Для походов викингов в первой половине IX в. были характерны не согласованные между собой набеги отдельных отрядов искателей наживы и приключений, группировавшихся вокруг прославившихся своими подвигами вождей. Со второй половины IX в. походы викингов начинают понемногу принимать новую форму. Вожди стали испытывать потребность объединить свои силы для нападений. В эпоху «конунгов-викингов» на европейские страны нападают крупные армии морских разбойников. Но если посмотреть объективно, то можно заметить, что на протяжении всей эпохи викингов (т. е. приблизительно – IX – XI вв.) бок о бок сосуществуют и действуют как вольные дружины, возглавляемые незнатными вождями, так и крупные армии скандинавских королей.

В связи с вышесказанным, я считаю целесообразным выделить различные проявления активности скандинавов без определенной хронологической привязки.

Самый ранний и распространенный тип норманнской экспансии, который выделяют все исследователи, – это разбойные нападения на отдельные монастыри и города и грабежи. В этих акциях участвовали воины, которые возглавлялись выборными конунгами из числа наиболее прославленных. Количество кораблей и людей в таких походах было небольшим. Часто такие вольные дружины не только занимались грабежами чужих территорий, но и вступали в столкновения с крупными феодалами у себя на родине.

Второй тип – это походы викингов, входивших в дружины, которые возглавляли знатные люди из правящего королевского дома, не имевшие возможности занять трон, наследовавшийся старшими братьями. Эти люди собирали дружину и отправлялись добывать богатства, которые были недоступны на родине. Под этот образ вполне подходит личность Хрольва Пешехода (Роллона) – основателя герцогства Нормандия.

Третий тип – походы воинов, входивших в дружины скандинавских королей. Не секрет, что викингские походы часто становились, особенно в конце X – XI вв., элементом государственной политики стран Скандинавии. Ценности, добываемые грабежами в этих странах, а также дани, собираемые с покоренных территорий, являлись важной и неотъемлемой статьей доходов средневековых скандинавских государств. Нередко сами короли не участвовали в походах, а выделяли корабли и людей какому-нибудь вождю, который получал в награду часть добычи.

Четвертый тип скандинавской экспансии – это захват территории иностранного государства и создание на ней колоний. Постепенно норманны, расселившиеся в Англии, Франции, Ирландии, переходят к мирной жизни, включаются в той или иной мере в социально-экономическое и культурно-религиозное развитие местного феодального мира. Одним из важнейших результатов набегов викингов явилось основание ими государств на территории Англии, Франции, Ирландии. Каковы же были последствия данного типа экспансии? Несмотря на то, что политические образования скандинавов, созданные на востоке и северо-востоке Англии, оказались в конечном итоге неустойчивыми, завоевание этих областей наложило сильный отпечаток на все стороны их жизни, а особенности общественного строя, права, культуры были здесь очень велики. Датские области стояли особняком и в правовой системе Англии: переселенцы из скандинавских стран продолжали придерживаться иных обычаев, которые принесли с собой. В качестве примера можно привести область датского права – Дэнло.

Однако существовала еще и мирная колонизация норманнов, которую я бы выделил в особый, **пятый тип**. Речь идет о мирных переселенцах – колонистах, уплывавших в Исландию, Гренландию, на Фарерские острова и некоторые другие территории в Северной Атлантике. Зачастую территории, осваиваемые норманнами, были необитаемыми, поэтому не

было столкновений с местным населением. Результатом этой колонизации стало появление на карте мира новых государств, народов и языков, развитие самобытных культур, внесших огромный вклад в мировую цивилизацию.

Наконец, **шестой тип** скандинавской экспансии – это наемничество. Многие норманнские воины, в основном бывшие викинги, охотно служили при дворах иностранных государств. Активно привлекали скандинавских наемников русские князья и византийские императоры. Так, русские князья часто использовали «варягов» для борьбы за власть внутри страны.

Н. Голубецкая

МУСУЛЬМАНСКАЯ ИСПАНИЯ: ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШИЕ ВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА

В конце XX в. на разломах цивилизаций возникают зоны серьезных конфликтов этнорелигиозного характера. Наблюдается резкая активизация исламского фактора. В связи с этим проблема взаимоотношений Востока и Запада стоит сегодня особенно остро.

Мусульманский Восток и Христианская Европа в ходе исторического взаимодействия знали периоды длительной и серьезной конфронтации, сменявшиеся периодами достаточно плодотворного сотрудничества. Одним из таких примеров является Мусульманская Испания (или страна аль-Андалус, как называли ее арабы), которая в средние века (VIII – начало XVI вв.) была лидером мусульманского Запада в экономическом и культурном отношении.

Рассматривая проблему сотрудничества арабо-мусульманской и европейской культур на Пиренейском полуострове, зададимся вопросом: как стало возможным взаимодействие двух различных цивилизаций?

В первую очередь выделим общецивилизационные факторы.

Во-первых, временной фактор. Обычно социокультурный процесс представляется как непрерывная борьба двух во многом противоположных культурных “полосов” – Мусульманского Востока и Христианского Запада, двух типов духовности. Но их различия стираются в значительной степени, когда речь идет о средневековье. Рассматривая структурные элементы традиционной арабо-мусульманской и традиционной европейской цивилизаций, мы убеждаемся, что в средневековый период для Европы более характерны черты, присущие Мусульманскому Востоку: принцип теоцентризма в понимании устройства мироздания; вечность во временной ориентации; духовно ориентированное бытие в системе ценностей личности и общества. Очевидно, это объясняется именно традиционным характером цивилизаций в рассматриваемый период.

Во-вторых, не менее важным в процессе взаимодействия цивилизаций является географический фактор (Р. Ланда, Э. Леви-Провансаль), прежде всего, роль Средиземноморья как связующего звена и общего культурного пространства Европы, Азии и Африки. В районе Средиземноморья, являющегося своеобразной сквозной границей между Востоком и Западом, на протяжении столетий активно взаимодействовали различные по социокультурным параметрам цивилизации. Именно поэтому Средиземноморье дало миру наиболее яркие примеры культурного синтеза, одним из которых была Мусульманская Испания.

Существуют также конкретно-исторические факторы.

Во-первых, ослабление Вестготского королевства, предшественника мусульманских государств на Иберийском полуострове. Исследователи (Р. Альтамира-и-Кривеа, М. Уотт, В. Какиа) считают, что это было обусловлено усилением крупных землевладельцев и одновременным ослаблением королевской власти, отсутствием широкой социальной базы, серьезными противоречиями в общественном укладе.

Во-вторых, наличие на Пиренейском полуострове значительной еврейской общины, которая являлась связующим элементом между арабами-завоевателями и местным населением. Евреи видели в арабском завоевании избавление от ограничительной политики вестготских королей. При арабах они получили широкую свободу и были восстановлены в правах. В свою очередь, евреи сотрудничали с мусульманами в деле укрепления арабо-мусульманского господства на полуострове.

В-третьих, веротерпимость арабов, сохранение ими религии, обычаев, языка и культуры коренных обитателей Иберийского полуострова наряду с предоставлением им широких юридических прав заложили основу лояльности неарабского и немусульманского населения, а главное, стимулировали его активное участие в создании и обогащении новой, андалусской цивилизации к югу от Пиренеев.

В-четвертых, высокие адаптивные возможности арабов, их способность интегрировать чужеродные элементы. Исламизация и арабизация местного населения полуострова определялись не правом победителя, а, прежде всего, гибкой экономической и социальной политикой мусульманских завоевателей, их стремлением привлечь на свою сторону самые разные группы населения, приспособив местные структуры (не разрушая их) к новым порядкам.

В-пятых, мужской состав арабских завоевателей. Иберийский полуостров находился на периферии мусульманского мира, что вызывало трудности в перевозке потенциальных жен. Поэтому мужчины-арабы были вынуждены заключать семейные союзы с местными женщинами. Смешанные межнациональные браки обусловили одну из возможностей плодотворного синтеза европейской и арабо-мусульманской культур.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Взаимодействие Востока и Запада на Пиренейском полуострове было обусловлено рядом цивилизационных и конкретно-исторических факторов: схожестью структурных элементов, цивилизационных основ двух культур в средневековый период, их традиционностью, географическим положением, слабостью Вестготского государства, открытостью и лояльностью еврейского элемента, веротерпимостью и высокими адаптивными способностями арабо-мусульман, мужским составом завоевателей. Эти факторы не только обозначили возможность социокультурного синтеза, но и продолжали воздействовать на исторический процесс на протяжении всего периода существования арабо-мусульманских государств на Иберийском полуострове. Даже «берберские» волны, одна за другой накатывавшиеся на Иберийский полуостров, и сопровождавшее их усиление мусульманской ортодоксии не могли изменить светского характера андалусского государства и культуры в целом.

А. Гончаров

ТАКТИКА АРМИИ РАННЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СУЩНОСТЬ МАНИПУЛЯРНОГО СТРОЯ

Древний Рим на всем протяжении своей истории являлся государством, активно проводящим экспансионистскую политику. Главную роль во внешней политике Древнего Рима играла военная организация, поэтому без ее детального изучения трудно понять ход римской истории, закономерности, которые позволили Риму стать наиболее мощным государственным образованием античности. В основе военной организации Рима в эпоху ранней республики, когда Рим закладывал фундамент своего внешнеполитического могущества, лежала особенная структура армии, характерный боевой порядок и тактика (манипулярный строй), по праву считавшиеся наиболее прогрессивными в древнем мире.

Необходимость пристального изучения манипулярного строя обуславливается тем, что в историографии, особенно русскоязычной, отсутствует непротиворечивая версия, объясняющая сущность знаменитого римского боевого порядка. Кроме того, следует уделить внимание вооружению римской армии данного времени, в первую очередь в связи с ее тактическими приемами.

В настоящее время известно значительное количество источников, в которых отражены различные стороны военного дела Римского государства. Однако с точки зрения изучения тактических приемов римской армии большая часть этих источников малоинформативна. Основными, как представляется, следует признать сочинения Полибия

«Всеобщая история»¹, Тита Ливия «История Рима от основания города»² и Плутарха «Сравнительные жизнеописания»³. Эти источники, особенно Полибий, уделяют серьезное внимание вопросам римской военной тактики и, как следствие, имеют для историка, изучающего данную тему, наибольшее значение. Следует отметить также «Стратегемы» Фронтинана⁴, «Краткое изложение основ военного дела» Вегеция Рената⁵, книги Аппиана «Гражданские войны»⁶ и Цезаря «Записки о Галльской войне» и «Записки о Гражданской войне»⁷.

Для понимания связи между вооружением римской армии и ее тактическими приемами следует уделить внимание археологическим материалам, которые также являются важным источником по данной теме.

Недостаток серьезных исследований римской военной тактики, особенно на русском языке, приводит к тому, что русскоязычному читателю приходится удовлетворяться монографиями Г. Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории»⁸, П. фон Винклера «Оружие»⁹ и Е.А. Разина «История военного искусства»¹⁰. Из современных исследований стоит выделить работы В.Н. Токмакова¹¹, А.В. Колобова¹².

Одной из главных проблем при изучении римской военной тактики является недостаточно ясное представление о сущности и структуре манипулярного строя. Общеизвестно, что в III–II вв. до н. э. римляне на поле боя строились в три линии – *acies triplex*. Однако при анализе этого боевого построения мы сталкиваемся с большим количеством неясностей, из которых наиболее ярко выражены следующие:

- 1) расположение воинов внутри боевого строя отдельной манипулы;
- 2) форма построения, которую манипулы первых двух линий принимали непосредственно перед столкновением с противником;
- 3) причины отличия в вооружении римских легионеров от тяжелой пехоты иных античных государств, в первую очередь, наличие пилума и щитов у всех легионеров;
- 4) способ применения пилума воинами задних шеренг манипулы.

Исследователями высказываются по данным вопросам различные, порой прямо противоположные, мнения. Зачастую эти вопросы просто не ставятся.

Анализ источников и доступных научных исследований позволяет сделать следующие наблюдения.

- 1) Глубина обычного построения манипулы составляла 6 человек, в каждой шеренге было 20 воинов. Доказательства: а) при более глубоком построении затруднено использование пилумов воинами последних шеренг; б) приписанные к каждой манипуле 40 *leves milites* (легковооруженных)¹³ должны без остатков распределяться в строю манипул, задние шеренги которых легковооруженные составляли во время смотров. Более глубокое построение манипулы предпринималось только в особых случаях, например в битве при Каннах.

2) При столкновении с противником в первой линии боевого порядка римской армии интервалы между манипулами сохранялись. В этом и заключалась главная особенность римского боевого порядка. Интервалы позволяли нарушить монолитность строя фаланги, применявшейся большинством противников римлян, и атаковать ее в отдельных ее частях с трех сторон. В случае же необходимости второй ряд манипулярного строя – принципы – мог, заполнив интервалы в строю гастатов, образовать единую фалангу.

3) Римское вооружение и тактика рукопашного боя, основанные на сочетании метательного оружия (пилумов) и атаки мечами, были более универсальными, позволявшими эффективно вести бой как в тесном строю, так и небольшими группами. Для поединка вооружение римлян было приспособлено слабо.

4) Первая шеренга метала пилумы непосредственно в противника, вторая – в интервалы между воинами первой. После броска воины первых двух шеренг могли пригнуться, укрывшись за щитами, – последующие шеренги метали пилумы над головами предыдущих шеренг под углом в 45 градусов, не задевая при этом впереди стоящих. Можно допустить, что последние шеренги вообще не метали пилумов до столкновения с противником, сберегая оружие до момента появления брешей в первых шеренгах.

В заключение можно сказать, что в III – II вв. до н. э. римская военная тактика являлась оптимальным выражением полисной военной системы в той своей части, которая касалась действий пехоты.

Примечания

¹ *Палибий*. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. СПб., 1995.

² *Тит Ливий*. История Рима от основания города / Пер. под ред. В. М. Смирин. М., 1994.

³ *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. М., 1994. Т. 1 – 2.

⁴ *Фронтин*. Стратегемы / Пер. А. Ранович. СПб., 1996.

⁵ *Вегетий*. Краткое изложение основ военного дела / Пер. А. Л. Смышляева // ВДИ. 1940. N 1.

⁶ *Аппиан*. Гражданские войны / Пер. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. М., 1994.

⁷ *Цезарь*. Галльская война. Гражданская война / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М., 1962.

⁸ *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1994.

⁹ *Винклер П. фон*. Оружие. М., 1992.

¹⁰ *Разин Е. А.* История военного искусства. СПб., 1994.

¹¹ *Токмаков В. Н.* Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней Республики // ВДИ. 1994. № 2; *Он же*. Структура и построение римской армии Ранней Республики // ВДИ. 1995. № 4.

¹² *Колобов А. В.* Римские легионы вне полей сражений (эпоха ранней Империи). Пермь, 1999.

¹⁴ *Дельбрюк Г.* История военного искусства...Т.1. С.208.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ИЕРУСАЛИМСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ В ПЕРИОД ТРЕТЬЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА (1188–1192 гг.)

В комплексе причин, вызвавших в 80-х гг. XII в. кризис Первого Иерусалимского королевства, внутривполитическая борьба занимает одну из определяющих позиций. Временами усиливаясь, иногда затихая, эта борьба продолжилась и в следующем веке, до самой гибели континентальных владений франков, усугубляя их геополитическую слабость.

События, связанные с внутривполитической борьбой в период Третьего крестового похода, не следует рассматривать как единое целое. Более верно разделить весь период 1188–1192 гг. на несколько этапов:

1. Конец 1187 – лето 1191 гг.: от появления на осколках Первого Иерусалимского королевства новой силы в лице Конрада Монферратского до урегулирования вопроса с короной европейскими монархами.

2. Лето 1191 – весна 1192 гг.: нарастание напряженности и новая попытка стабилизации.

3. Весна – осень 1192 г.: резкое изменение ситуации, связанное со смертью Конрада, и окончание крестового похода.

Рассмотрим основные события.

1. Лето 1187 г. повергло Иерусалимское королевство к ногам Салах ад-Дина, король Ги де Лузиньян и поддерживавшая его элита попали в плен, но существовавшая оппозиция находилась в более выгодной ситуации. Тир был защищен маркизом Конрадом Монферратским, опиравшимся на генуэзцев и возглавившим оппозицию вместо графа Раймунда Триполитского¹. Ситуация подтолкнула Салах ад-Дина отпустить Ги, которого Конрад не признал как короля, выражая всеобщее негативное к тому отношение. Однако нашлись феодалы, поддержавшие Лузиньянов. В конце августа 1189 г. собранные ими отряды начали осаду Акры. Летом 1190 г. ситуация изменилась, когда пришли вести о гибели Фридриха Барбароссы, что ослабляло Конрада, сдружившегося с немцами².

Осенью 1190 г. умерла иерусалимская королева Сибилла и ее дети от Ги де Лузиньяна. В лагере крестоносцев распространилось мнение о потере Ги прав на корону, полученных от жены. Эти права перешли к младшей сестре Сибиллы – Изабелле. Они могли быть распространены и на ее мужа. Могущественная группировка противников Ги расторгла брак Изабеллы с Онфруа Торонским и обвенчала ее с Конрадом. Такое самоуправство не прибавило Монферрату авторитета, хотя и продемонстрировало его силу. Ги оставался королем, венчанным в Иерусалиме. Спор претендентов мог быть разрешен только европейскими монархами, прибывши-

ми в Св. Землю весной 1191 г. Филипп-Август Французский прагматично принял сторону Конрада, а Ги отправился на Кипр добиваться расположения Ричарда Английского. Компромисс по вопросу о короне был достигнут уже после взятия Акры. Суть решения от 28 июля 1191 г. заключалась в следующем: Ги оставался королем до своей смерти, затем престол переходил Конраду и его потомкам, а пока Монферрат получал Тир, Сидон и Бейрут³.

2. Конрад остался неудовлетворенным решением монархов и попытался достичь реальной власти дипломатическим способом. На первый план выходит уже не соперничество Конрад – Ги, а попытки переговоров с Салах ад-Дином со стороны Конрада, противопоставленные инициативам Ричарда. В этот период резко усиливаются противоречия между английским и французским контингентом крестоносцев, нашедшие выход в февральском кризисе 1192 г. Конрад попытался овладеть Акрой, а так как он опирался на генуэзцев, то пизанцы стремились помешать ему. Ситуация разрешилась прибытием Ричарда, показав слабость Лузиньянов.

К весне 1192 г. Ричард осознал ненужность продолжения поддержки Ги. После восстания киприотов 4 апреля казалось перспективным признать Конрада хозяином в Палестине, а Кипр отдать Ги. Осуществив эту схему, Ричард выводил Ги из поля внутривосточной борьбы в Св. Земле. Победа досталась Монферрату на соборе 16 апреля 1192 г.: Конрад стал титулованным иерусалимским королем, а Ги – правителем Кипра. Ревизией решений от 28 июля 1191 г. завершается второй этап внутривосточной борьбы в период Третьего крестового похода⁴.

3. Создавшееся положение сохранялось недолго. Наступившие события коренным образом изменили расклад сил. 28 апреля 1192 г. Конрад был убит ассасинами в Тире. Анри Шампанский, племянник Ричарда, приехавший туда известить Конрада о благоприятных для того решениях от 16 апреля, оказался заменой Конраду. 5 мая Анри венчался с Изабеллой, что явилось благоприятным исходом дел для Ричарда.

Итак, к лету 1192 г. английский король окончательно становится гегемоном похода и контролирует внутривосточную ситуацию на освобожденных территориях Св. Земли. 2 сентября 1192 г. заключается перемирие между франками и сарацинами, с которого обычно ведут отсчет формального существования Второго Иерусалимского королевства.

Примечания

¹ *Baldwin M.W. Raymond III of Tripoly and the Fall of Jerusalem (1146–1187). Amsterdam, 1936. P.137.*

² *Prawer J. Histoire du Royaume Latin de Jerusalem. T.II. Paris, 1975. P.57–60.*

³ *Ibid. P.76; Кесслер У. Ричард I Львиное Сердце: король, крестоносец, авантюрист. Харьков, 1997. С.211.*

⁴ *Grousset R. Histoire des Croisades et du royaume franc de Jerusalem. T.III. La monarchie musulmane et l'anarchie franque. Paris, 1991; Кесслер У. Указ. соч. С.266; Prawer J. Op.cit. P.262–265; Edbury P.W. The kingdom of Cyprus and the Crusades. 1191–1374. Cambridge, 1991. P.27–29.*

ЗАЩИТА ВЕНЕЦИАНСКИХ ТОРГОВЫХ СУДОВ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ ОТ ПИРАТОВ (на примере Эгейды XIII–XV вв.)

Средневековым купцам, ведущим морскую торговлю, угрожали многочисленные опасности. Это и непогода, и осложнения с местными властями, и действия эскадр враждебных государств, и пиратство. При чем *periculum gentium* всегда превосходила *periculum maris*¹.

У Венеции, с 1204 г. получившей значительные владения на эгейских островах и Пелопоннесе, хватало врагов. Ее торговые суда страдали от нападений генуэзцев, с 1261 г. – византийцев, с начала XIV в. – турок и каталан. Иногда венецианские корабли подвергались нападениям рыцарей-госпитальеров.

В таких условиях перед республикой св. Марка вставала задача организации эффективной защиты своих торговых судов и островных владений. Как нам кажется, действия, предпринимаемые венецианцами в этом направлении, можно разбить на три категории:

1. Меры военно-оборонительного характера:

а) отправка государственных торговых галей в составе каравана (так называемые галей “линии”), организация эскорта галей “линии” патрульными галерами Гольфа. В ряде случаев держаться вместе рекомендовалось и частным торговым судам. Если ситуация становилась особенно угрожающей, Венецианский Сенат приказывал им не покидать портов;

б) вооружение торговых судов. Экипажи галей “линии” включали в свой состав арбалетчиков (баллистариев). Их число имело тенденцию к возрастанию (от 12 в 1350 г. до 32 в 1437 г.)².

Причисление судна к вооруженным зависело не только от наличия на борту арбалетов или пушек (с конца XIV в. на кораблях стали устанавливать бомбарды), но и от количества членов экипажа. Так, галера, команда которой не превышала 60 человек, считалась невооруженной. Как правило, экипаж вооруженной венецианской галеры XIV в. насчитывал от 140 до 180 человек. Мелкие, каботажные суда, лишенные башен – высоких надстроек на носу и корме, в любом случае считались невооруженными³.

Таким образом, принадлежность судна к вооруженным или невооруженным определялась его конструкцией, укомплектованностью экипажа, вооружением.

Меры по вооружению судов были тем более необходимыми, что экипажи венецианских кораблей имели обыкновение сдаваться, если пираты обещали сохранить им жизнь. В связи с этим 18 мая 1339 г. Сенат принял решение о том, что команды и пассажиры венецианских кораблей

должны оказывать сопротивление, от участия в сражении освобождались лишь клирики и пилигримы⁴;

в) отправка вооруженных кораблей (чаще всего галер или кокк) в погоню за пиратами, так называемое контрпиратство⁵. Охоту на пиратов, как правило, осуществляли должностные лица республики (капитаны галер, капитан Гольфа). Случаи участия в корсарских действиях венецианцев-частных лиц были очень редки. В XIV–XV вв. Венеция не разрешала своим подданным вооружать частные суда с каперскими целями⁶;

г) организация патрулирования адриатического и эгейского побережья вооруженными галерами;

д) участие в антитурецких лигах, вызванных морским разбоем эгейских эмиратов;

е) установление наблюдательных постов. Описание одного такого пункта на вершине горы на о. Сапиенца приводит флорентиец Лионардо ди Никколо Фрескобальди, в 1384–1385 гг. совершивший паломничество на Восток⁷.

2. Дипломатические акции:

а) включение статей, касающихся пиратства, борьбы с ним и ответственности в случае нанесения ущерба, в договоры между государствами. Так, подобные пункты были включены в договоры 1265, 1268, 1277, 1285, 1302 гг. между Византией и Венецией, а также в соглашения между Венецией и эгейскими бейликами. Последние, впрочем, оказывались малоэффективными;

б) отправка посольств к тому или иному государю, чьим непосредственным подданным являлся корсар, с целью получения компенсации за причиненный ущерб. Известны посольства такого рода в Геную, к великому магистру Ордена госпитальеров, к византийскому императору, к турецким эмирам.

3. Экономические санкции:

а) секвестр товаров, принадлежавших купцам-соотечественникам пирата, причинившего убыток венецианцам;

б) угроза отзыва своих торговцев. Так, Паоло Морозини, посол Светлейшей к великому магистру госпитальеров Жану де Ластикю (1437–1454), имел полномочия приказывать венецианским торговцам покинуть Родос в трехмесячный срок в случае, если Орден не выполнит требований Венеции⁸. Однако неясно, была ли эта угроза приведена в исполнение.

Все действия, принимаемые республикой св. Марка против пиратов, определял Венецианский Сенат. Для принятия эффективных мер сведения о пиратах тщательно собирались и анализировались.

Примечания

¹ Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов. М., 1994. С. 42.

² Талызина А. А. Баллистарии на венецианских галях Романи // ВВ. 1999. Т. 58. С. 60.

³ Hocquet J.-C. Le sel et la fortune de Venise. Lille, 1982. T.2. P.505.

⁴ Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Paris, 1958. T.1. P.41. N 92.

⁵ См. Katele J.B. Piracy and the Venetian State: The Dilemma of Maritime Defense in the Fourteenth Century // Speculum. 1988. N 63. P.865–889.

⁶ Tenenti A. Venezia e la pirateria nel Levante // Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973. V. 2. P.713.

⁷ Путевые записки итальянских путешественников XIV в. // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982. С.21.

⁸ Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Paris, 1961. T.3. P.180–181. N 2907.

С. Красиков

ВИЗАНТИЙСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ТЕОЛОГИИ: ОТКАЗ ОТ ЛОГИКИ?

(антилатинская полемика 30-х гг. XIV в.)

Известный византийский интеллектуал Никифор Григора обратился в 1334/35 г. к священному синоду с увещанием не возобновлять переговоров с латинянами об унии церквей. В его аргументации важное место занимает рассмотрение проблемы имен, которые употребляют латинские и византийские теологи для решения спорных вопросов. Очевидно, что помимо чисто теологического здесь имеется и гносеологический аспект, связанный с обоснованием надежности выводов, так как мышление даже в теологии остается человеческим. Это соображение Никифор Григора высказывает в своей речи: “Ибо мы именуем из нашего то, что касается Бога, как нам доступно”. (Hist.¹ I 514, 6 – 7). “Человечность” мышления предопределяет то, что “господствует столь великий раздор в отношении выражений и имен из-за равноименностей рассматриваемых предметов, так как они должны пониматься в одном смысле при Боге, в другом при этой порожденной и текучей природе” (Hist. I 510, 24 – 511, 4). Здесь обращается внимание слушателей на две стороны проблемы мышления в теологии.

1. Необходимо учитывать влияние языка на мышление, так как слова естественного языка многозначны, а поэтому следует избегать двусмысленности выражений (Hist. I 509, 20 – 510, 3). Для этого Григора, вслед за отцом церкви Григорием Назианзином, предлагает использовать “не такие имена, в которых находит логово многообразность и многосоставность смысла, но неоспоримо признанные и согласованные обеими сторонами и которые ведут нас к пониманию мыслимого по необходимости более просто, так как и эти весьма многочисленными цветут на Святом Писании”. (Hist. I 512, 9 – 13).

2. Следует раздельно мыслить божественное и природное, ибо природное в силу своей порожденности и текучести радикально отличается

от божественного. Григора дает общую негативную оценку возможности мышления в теологии: “Когда, на самом деле, столь великая ночь в отношении мыслимого и имён стоит на пути нашего рассуждения, кто смог бы в этом строить силлогизмы?” (Hist. I 514, 14 – 16).

В этом высказывании заметна попытка перевести проблему из плоскости рационального обсуждения в некоторую мистическую образность, когда оперирование рациональными понятиями заменяется оперированием мистическими символами, такими как „ночь“, „мрак“, „завеса“. Интересно, что Платон, впервые вводя в употребление понятие „теология“, сразу же связывает ее с поэтической мифологией (Pl. Respublica 379 a).

Итак, если невозможно образование понятий, т.е. имен о божественном, то невозможны и силлогизмы. Это заключение Никифор Григора приводит перед священным синодом. Однако им не отвергается возможность мышления вообще, так как „мыслимое и имена“ не отсутствуют, но только „закрыты для понимания.“ Следовательно, остается какая-то возможность для мышления особого рода, отличного от силлогистики. В чем заключается особенность такого мышления – можно без труда догадаться из того обстоятельства, что на смену рациональным понятиям приходят символы и риторические образы, тем самым логическая убедительность сменяется убедительностью риторической. Риторика в византийской теологии торжествует над логикой.

Примечание:

¹Hist. – Nicephori Gregorae Byzantina historia, cura L. Schopeni. Bonnae, 1829.

Д. Лоевский

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В VI–VII ВВ.

*Памяти друга детства
Алексея Косинова*

Одной из наиболее дискуссионных вопросов в истории Трёх Государств Корейского полуострова – Пэкче, Когурё и Силла – является вопрос о характере общественных отношений.

В советской историографии с точки зрения материалистического подхода М.Н. Паком была дана характеристика этих государств как раннефеодальных, “поскольку в основе их была эксплуатация зависимого общинного крестьянства. Государство при этом играло активную роль в закреплении крестьян и подчинении их власти крупных землевладельцев”¹. Таким образом, эти выводы были основаны на том, что некоторые государственные и частновладельческие *ноби*² вынуждены были обраба-

тывать землю. Точка зрения М.Н. Пака была принята советскими исследователями. Так, М.В. Воробьев также упоминает государство Пэкче как раннефеодальное. Кроме того, М.Н. Пак, а вслед за ним и все советское корееведение, рассматривает вопрос либо о возможном переходе корейских государств от первобытнообщинного строя сразу к раннефеодальным отношениям, исключая рабовладельческий строй, либо относя период рабовладельческих отношений ко времени, когда еще не существовало Трех Государств, т. е. к периоду Пуё и Махана.

Так как выводы М.Н. Пака в основном базировались на факте обработки земли некоторыми *ноби*, то следует заметить, что подобная форма отношений существовала и в Древнем Риме – рабский пекулий. По определению, “переводят на пекулий, значит, предоставляют участок и, давая возможность рабам обрабатывать его по своему усмотрению, обязывают их вносить определенный оброк”³. Схожая, если не идентичная, форма отношений, по всей видимости, была характерна и для государств Корейского полуострова.

Однако все же представляется необходимым охарактеризовать Силла, Когурё и Пэкче как рабовладельческие государства. Если проанализировать имеющиеся в древних источниках сведения, то структура древнекорейского общества может быть определена таковой (с точки зрения современных представлений). В рабовладельческом обществе всегда формируется система трех классов и трех сословий. Сословная структура, включающая в себя все общество в целом, и состоит из полноправных свободных (общинная знать во главе с *ваном*, родовые общинники, которые были собственниками земли и орудий труда и платили налог государству), неполноправных свободных (чужаки и жители завоеванных областей) и рабов – *ноби* (военнопленные, разорившиеся общинники, обращенные в рабство за долги). О существовании и достаточной распространенности последних сообщает китайский источник “Таншу”: “Не заплативший долга отдается в неволю”⁴. Кроме того, тот же источник сообщает о порабощении за кражу в Когурё: “Укрывший быка или лошадь берется в невольники”⁵. О существовании же служилой знати сообщает “Бэйши”: “Чиновники разделяются на 16 степеней. ... Сановники высших степеней носят на шляпе серебряные цветы. Чиновники от Эньшуай (3-й класс. – Д.Л.) и ниже не имеют постоянных должностей, а служат по разным судебным местам и заведуют разными делами. ... Чиновники через три года сменяются”⁶.

Здесь также выделяется три класса – эксплуататоры (общинная и служилая знать), эксплуатируемые (чужаки, рабы-производители) и мелкие собственники-производители (рядовые общинники-земледельцы).

“Главное в рабстве было не состояние несвободы. Свобода – это понятие не внеисторическое, в каждый конкретный этап развития оно име-

ло своё содержание. ... Важна была не свобода, а гарантия защиты интересов прав человека, то есть обладание не свободой, а правом. Общество, которое строго говоря делит людей не на свободных и рабов, а на “нерабов” и рабов, конечно, рабовладельческое”.

Примечания

¹ Пак М.Н. Очерки ранней истории Кореи. М., 1979. С.189.

² 奴婢 (кит.), 노비 (кор.) – 1) рабыня, служанка; 2) раб и рабыня, служанка;

奴, 隸 – раб; рабы (муж. и жен.). БКРС. М., 1984. Т.IV. С.976.

奴婢, 婢 (кит.) – служанка, рабыня. БКРС. М., 1983. Т.II. С.814.

³ Машикин Н.А. История Древнего Рима. М., 1949. С.502.

⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т.II. С.130.

⁵ Там же. С.100.

⁶ Там же. С. 63.

⁷ Шиллок Н.Ф. История древнего мира: Древний Восток. Екатеринбург, 1997. С.46.

Д. Макаров

ОБ ИСТОКАХ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ СВ. ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ (на материале двенадцатой гомилии): К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГАЛЕНОВСКОЙ ТРАДИЦИИ В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

В двенадцатой гомилии св. Григория Паламы содержится интересный пассаж, следующий за пересказом евангельского эпизода об исцелении бесноватого (Мф. 17.14-21): “история болезни” этого человека излагается и объясняется с медицинской точки зрения (PG. 151. 148С-149А). Приведя стих Мф. 17.15, Палама задается вопросом: “Почему же он сотрясался, скрежетал зубами и иссыхал (εξηραίνετο)?” (Ibid. 148С). В виде ответа следует описание передачи, говоря современным языком, возбуждательного и воспалительного процессов от головного мозга через нервную систему к прочим органам, что приводит к общему дисбалансу организма. Основа этой теории – учение Клавдия Галена (ок. 130 – ок. 200) о головном мозге как о седалище властительного начала души, переработанное в христианской литературе одним из первых св. Григорием Нисским в трактате “Об устройении человека” и, вероятно, дошедшее до Паламы как благодаря непосредственному ознакомлению с творениями Григория (ср.: Триады. 2.2. 29–30), так и через ряд промежуточных звеньев, одним из которых могла быть “Диоптра” Филиппа Монотропа (XI в.). Рассмотрим эти параллели, что позволит хотя бы в малой степени пролить свет на проблему источников медицинских и – шире – естественно-научных знаний в поздней Византии.

Выделим два основных момента теории Паламы, которые предстоит рассмотреть – учение о головном мозге и учение о передаче возбуждений по нервам и мускулам.

“У одержимого бесом, – пишет Палама (PG. 151. 148C), – прежде и больше иных частей тела подвергается страданию мозг; ибо бес пользуется [заключенным] в нем жизненным духом (τὸ...ψυχικὸ πνεῦματι) как опорным пунктом (οὐχῆματι) и оттуда, словно из некоей крепости, угнетает все тело”. Итак, мозг – изначальный центр возбуждения и орган, управляющий всей деятельностью человека, поскольку в нем заключается жизненный дух, благодаря которому человек и действует. Такой “субстанциалистский” подход к мозгу как кместилищу жизненной силы согласуется с положением Галена, писавшего о горячечных больных: “...поражается мозг, в котором находится владычественное души”¹. И хотя уже св. Григорий Нисский выступал против этого положения, считая, что ум как владычественное души не ограничивается какой-либо одной частью тела, Палама в данном случае кажется ближе к изначальному смыслу учения великого александрийца. Посредником между Галеном и двумя Григориями в этом вопросе могла бы оказаться “Диоптра” Филиппа Монотропа, 16-я глава 2-й книги которой открывается следующей фразой: “Утверждают, что дух (animus) является разумным естеством (intellectualem naturam) и вдыхает в органы тела жизненную силу (vitalem vim), [необходимую как] для способности чувств к действию (efficientiam), так и для действия. Ибо то, что бестелесно, всецело разумно...” (PG. 127. 789BC). Здесь, как видим, ум отождествляется с жизненной силой², которую Гален и Палама (в данном случае) помещают в мозг; все это немаловажно для исихастской аскетике.

“Когда же подвергается страданию мозг, – продолжает Палама, – оттуда по нервам и мускулам испускается некое истечение, вызывающее вспучивание и воспаление (φυσσώδης οἶσος καὶ φλεγματώδης) и заграждающее проходы жизненного духа” (PG. 151. 148D). В результате этого происходит расстройство (κλόνοϛ) работы органов и частей тела, контролируемых мозгом (λαστο τοῖς προαιρετικοῖς μορίοις), их разрыв и произвольное движение (Ibid.). Отсюда видно, что нервы и мускулы рассматриваются Паламой как каналы передачи нервных и соматических импульсов от головного мозга к остальным частям тела и от одних членов к другим, в результате чего организм функционирует как сбалансированная система. Вероятно, это представление восходит к учению Галена о трех типах нервов, первый из которых – двигательные (προαιρετικά) нервы, идущие от головного мозга через спинной³. В их функцию и входит передача сигналов от мозга к остальным частям тела.

Еще в 1962 г. О. Темкин отмечал, что галеновская традиция сохраняла свое влияние до конца византийской истории⁴. Указанные моменты сходства взглядов Паламы и Галена позволительно объяснять их генетичес-

кой связью. Остается лишь заметить, что физиологические проблемы интересовали Паламу не столько сами по себе, сколько в связи с разработкой учителем безмолвия общей антропологии, построенной на исихастском опыте духовного и телесного самоконтроля и умной молитвы.

Примечания

¹ Claudii Galeni Methodi Medendi Liber XIII // Opera omnia / Ed. D.C. Gottlob. Lipsiae, 1825. V. X. P.929.

² Напомним, что, по Паламе, умом называется и деятельность ума (PG. 150. 1120BC).

³ Claudii Galeni Liber de ossibus ad tirones // Opera omnia. Lipsiae, 1821. V.II. P.739.

⁴ Temkin O. Byzantine Medicine: Tradition and Empiricism // DOP. 1962. V.16. P.97.

Т. Михеева

СЕМЬЯ АСАНОВ: ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПАЛЕОЛОГОВСКОЙ ВИЗАНТИИ

Изучение и восстановление истории семей византийской аристократии, их значения в управлении государством и обществом является одной из наиболее важных исследовательских задач. Это необходимо не только для выявления влияния отдельных семей на систему управления, состав бюрократии того времени, но и для определения основных тенденций и принципов управленческой, государственной деятельности Византийской империи Палеологовского периода.

Целью данного исследования является реконструкция линияжа Асанов. История этой семьи любопытна и немаловажна, что и объясняет интерес к ней современных исследователей.

Данная фамилия упоминается в источниках того времени, и прежде всего у Григория Паламы и в «Песне Велизария». Среди исследователей необходимо назвать Б. Крекича, И. Божилова, Э. Траппа и др. В отечественной историографии труды, посвященные этой проблеме, отсутствуют.

Необходимо отметить, что в источниках существует два варианта написания фамилии – Асаны и Асени. Скорее всего, это определяется особенностями произношения. Так, в Болгарии эта фамилия упоминается именно как Асени, в то время как в Византии – именно Асаны (Ἀσάνης). В источниках Асени – болгарская королевская династия, основанная Асеном I в 1186 г. Исходя из имеющихся данных, византийские Асаны являются одной из ветвей этой династии. Свидетельства относительно этнического происхождения Асанов неопределенны. Были выдвинуты предположения о влахском, куманском или даже русском происхождении семейства, но ни одно из них не было окончательно доказано. Из этого семейства произошли несколько болгарских царей. Некоторые принцессы дома были замужем за византийскими императорами или другими правителями региона.

В поздневизантийское время семья Асанов насчитывала шестьдесят три представителя, из них шестнадцать – женщин.

Сведений о членах семейства достаточно много, так как у большинства определены не только пропомен, но и даты рождения или смерти, род занятий, родственные отношения, основные события в жизни.

Дошедшие до нас источники сохранили сведения не обо всех членах этого семейства. Но даже те из них, чьи имена попали в тексты документов или иные источники, не всегда с достоверностью определяются. Это осложняет исследовательскую работу как по отдельным фамилиям, так и по общей проблеме влияния семей византийской аристократии в определенных кругах. Есть члены семьи, о которых вообще нет никаких сведений. По меньшей мере для одиннадцати мужчин семьи Асанов и для четырех женщин, живших в разное время палеологовской эпохи, не сохранился пропомен. Причем есть упоминания сразу о двух членах семьи (без пропомен), которые родились в 1316 г. в Радоливо, близ Серр, и о двоих Асанах (также без пропомен), родившихся в 1341 г. в том же месте. Что касается представительниц этой семьи с несохранившимся пропомен, то можно обнаружить ряд данных. В частности, одна из них была землевладелицей в Константинополе, вдовой *επιτης τραπεζης*, другая – архонтиссой также в столице. Еще одна являлась женой Михаила Асана Палеолога Комнина, и в 1342 г. сторонники Алексея Апокавка пытали ее в Константинополе как приверженку Иоанна VI Кантакузина. Но нужно отметить, что иногда даже у лиц с обозначенным пропомен указывается лишь род их деятельности или даты из жизни. Сюда можно отнести Рауля Асана, о котором известно лишь то, что он родился в 1399 г. в Константинополе; Иоанна Асана, у которого указан лишь его возраст, и некоторых других.

Необходимо отметить, что сохранились не только отдельные данные о родственных связях внутри семьи, но и генеалогическое древо семейства в XIII – XIV вв., по которому можно определить состав семьи в данный период. Это – Иоанн Асан III Мико (*Μιτζης*), царь Болгарии в 1279 – 1280 гг., и его жена Ирина Палеологиня Комнина. Они имели несколько детей, причем сведения о них дошли неравномерно. Их дети – Михаил, Андроник, Константин, Мануил, Исаак, Феодора, жена Мануила Тагариса и Мария, жена Рожера де Флора. Есть также данные о семье Андроника: он имел двух дочерей – Елену и Ирину, выданную замуж за Иоанна VI Кантакузина, – и двух сыновей – Иоанна, женатого на дочери Алексея Апокавка, и Мануила (Мануил Комнин Рауль), женатого на дочери Феодора Синадина, Анне Комнине Дукине. Также мы знаем о детях Мануила и Анны – Иоанне, Андронике и Феодоре. Сохранились некоторые сведения о семье Исаака, который был дважды женат. От первого брака с Феодорой (до 1320 г.) детей не было, а от второго были дети: Андроник, Михаил, Андрей и дочь Ирина, вышедшая замуж за представителя семьи

Филантропинов. Также можно упомянуть о семье Павла Асана (умер в 1442 г.), имевшего детей: Матфея Асана Палеолога, Феодору Асанину и Симионию Асанину Палеологиню. И еще одна семья – Иван Александр Асан, царь Болгарии в 1331 -- 1371 гг., брат Комнина, деспота, и Елены, царицы Сербской. Он был дважды женат, от первого брака с Феодорой имел троих детей. Одним из них был Михаил, женатый на Марии, сопровительнице в Адрианополе.

Говоря о внешних родственных связях семьи, в первую очередь нужно напомнить о ее высоком, царском происхождении. Ведь именно это определяло положение линияжа в империи, в системе управления и даже в умах современников. Поэтому Асаны имели родственные отношения с Палеологами, Комнинами, Ангелами, Филантропинами, Раулями, Кантакузинами, Апокавками, Торниками, Дуками, Кондостефанам, Ласкарисами, Синадинами и другими родовитыми аристократическими семьями Византийской империи. Таким образом, Асаны входили в круг Палеологовского клана.

Если обратиться к той роли, которую играли Асаны в управлении государством, то важно отметить, что представители семьи занимали в различные периоды наиболее важные и значимые должности. Среди них были деспоты, севастократоры, великие дуки, а также паниперсевасты и великие примикирии. Здесь нужно сказать о вышеупомянутых Андронике Асане – севастократоре в 1354 г. и паниперсевасте в 1351 г.; Андронике Асане Палеологе – великом примикирии в 1351 – 1383 гг.; Иоанне Асане – севастократоре в 1347 – 1355 гг., деспоте в 1355 г.; Исааке Асане Палеологе – великом дуке до 19 ноября 1341 г., паниперсевасте с 19 ноября 1341 г. до октября 1351 г.; Мануиле Асане Комнине Рауле – деспоте в 1354–1355 гг., севастократоре в 1347–1354 гг., великом примикирии до 1347 г.; сюда же можно отнести Анну Асанину Комнину Дукиню Палеологиню, которая была великой примикириссой в 1321–1347 гг.

В отдельную группу следует выделить сопровителей и царей. Как уже было отмечено, Асаны были семьей царской крови, о чем свидетельствует их происхождение и соответствующий статус. Упомянем здесь лишь нескольких членов семьи: сопровителями в Болгарии были Иоанн Асан в 1337 г. и Михаил Асан в 1338–1355 гг.; царями Болгарии – Иван Александр Асан в 1331–1371 гг., являвшийся деспотом до 1331 г., и Иоанн III Асан (Мико) в 1279 – 1280 гг., также деспот в 1284 – 1302 гг.

Представители семьи играли немаловажную роль в церкви. Например, Исаак Асан – епарх Константинополя; Павел Асан – иеромонах (1343 г.); архонтами были Георгий Асан в 1465 – 1466 гг., Иоанн Асан – в Константинополе в 1371 г. и одна из женщин, у которой не определен гробовен, в Константинополе в 1453 г. Но многие члены семьи заканчивали свою жизнь в качестве монахов и монахинь, о чем свидетельствует,

в частности, наличие у них монашеских имен. Например, Симония Асанина Палеологиня была монахиней на Пелопоннесе в 1462 – 1464 гг.

Отметим также и особую роль членов линияжа в местном управлении. Асаны занимали довольно высокие должности – не ниже правителя области или крупного города. Так, Димитрий Асан – правитель Коринфа, Наупля в 1448 – 1453 гг. и на Пелопоннесе в 1456 – 1458 гг.; Иоанн Асан – Меленикона в 1342 г., Морра во Фракии в 1343 г., Константинополя в 1350 г.; Мануил Асан Ласкарис – правитель о. Имброс в 1438 – 1444 гг.; Матфей Асан Палеолог – правитель Коринфа в 1454 – 1458 гг. и Павел Асан – Константинополя в 1438 – 1440 гг. А правитель Мореи в 1316 – 1321 гг. и Фракии в 1341 – 1343 гг., Андроник Асан Палеолог Комнин, был также главнокомандующим армией в 1316 – 1342 гг.

Некоторые представители фамилии состояли в переписке с видными деятелями культуры империи того времени. Иоанн Асан был адресатом Димитрия Кидониса, иеромонаха Павел Асан стал адресатом Григория Паламы, Димитрий Асан – Георгия Амируца и Иоанна Докиана, а уже упомянутая Симония Асанина была адресатом Георгия Схолария. Отметим также владельцев рукописей, которых тоже можно отнести к интеллектуалам. Это Иоанн Асан, Константин Асан, который также был мелографом.

Не последнее место в империи занимали и земельные владения семьи Асанов. Члены фамилии часто упоминаются в источниках как землевладельцы. Например, Димитрий Асан, умерший в 1349 г., владел именьями на Халкидике, Филиппа Асанина – также землевладелица, а одна из женщин этой фамилии имела земли в Константинополе в 1400 г.

В заключение следует сказать о том, что члены семьи Асанов вели активную общественную и политическую деятельность. Здесь необходимо упомянуть следующих представителей: севастократор Андроник Асан в 1351 г. был участником паламитского Синода в Константинополе, как и Мануил Асан Комнин Рауль, деспот, севастократор и великий примизикий; архонт Иоанн Асан упоминается в источниках как сторонник Андроника IV Палеолога; Константин Асан владел антипаламитскими рукописями; Михаил Асан Палеолог Комнин был сторонником Андроника II Палеолога в борьбе против Андроника III Палеолога.

Таким образом, можно сделать вывод, что Асаны занимали значительное место в системе государственного управления; им принадлежали влиятельные должности в церкви; многие члены их клана были интеллектуалами, образованными личностями, хотя никак не проявили себя в военной сфере. Семья Асанов имела старинные корни, принадлежала к болгарскому царскому дому. Асанов, следовательно, можно отнести к палеологовской элите, так как их влияние было сосредоточено главным образом в управлении, причем высшем, а также именно им принадлежали наиболее важные, ключевые должности в Византийской империи в рассматриваемое время.

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УНИЯ В СВЕТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

В 1439 г. на Флорентийском соборе в Италии была заключена знаменитая православно-католическая церковная уния, которая формально означала воссоединение западной и восточно-византийской церквей. По своему замыслу этот акт, как известно, был направлен на решение чисто политических задач: такой ценой Византийская империя, погибая под ударами османского нашествия, пыталась получить поддержку христианского Запада. В этом смысле уния оказалась напрасной жертвой со стороны византийской церкви. Но тем не менее она всегда осознавалась как заслуживающий внимания исторический факт, которому посвящено множество исследований.

С историографической точки зрения флорентийская уния представляет собой довольно интересный феномен. Это событие всегда привлекало внимание как отечественных (прежде всего дореволюционных), так и западных исследователей. Тем не менее в потоке отечественной литературы так никогда и не было, в сущности, специального глубокого исследования этой проблемы. Ее интерпретация едва ли вышла за рамки концепции, созданной родоначальником в деле изучения флорентийской унии греком Сиропулом в его “Справедливой истории несправедливой унии”. Общий смысл этой концепции заключается в резкой критике и разоблачении унии как сугубо прагматического акта.

В ином свете предстает западная историографическая традиция. Пожалуй, ее главное отличие в том, что здесь проблема унии была осмыслена с точки зрения тех последствий, которые она имела в истории западной церкви. История унии рассматривалась в тесной связи с процессами, которые одновременно протекали внутри католического мира и известны как соборное движение, или конциляризм. Крайне слабая освещенность этого феномена в отечественной науке привела к тому, что из поля зрения выпали многие важные аспекты истории унии. В частности, недооценивалась или вовсе не учитывалась альтернативность путей заключения унии, которая стояла перед византийцами, но не была ими использована.

С точки зрения западных ученых, основное значение флорентийской унии состоит не в воссоединении церквей, которое так и осталось чисто декларативным актом. С ее помощью папство укрепило свой авторитет в системе католической церкви и получило возможность одержать победу над реформаторами соборного движения. Значение Флорентийского собора латинский Запад ощутил гораздо сильнее, чем византийский Восток.

ХАРАКТЕР РЕЦЕПЦИИ НИКИФОРом ВЛЕММИДОМ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ (“Царская статуя”)

Интерес к античности получил новый импульс в начале XIII в. в связи с завоеванием Константинополя латинянами в 1204 г. и осознанием византийцами духовной преемственности с греческой цивилизацией. С этого времени в использовании византийскими авторами античного наследия, воспринимавшегося прежде “формально и без какого-либо ясно-го внутреннего понимания”, появляются элементы творчества.

Этот поворот наиболее отчетливо прослеживается в творчестве ученого, богослова эпохи Никейской империи Никифора Влеммида (1197–1271/1272).

Произведение Влеммида “Царская статуя” (Βασιλικὸς Ἀνδριάς), написанное в античном жанре политической дидактической речи, содержит огромный пласт информации из области античной мифологии, истории, философии и изобразительного искусства. Детальный анализ этого материала позволит с большой достоверностью судить о достижениях образования и науки в Византии, о понимании византийцами времени, истории и роли личности в ней, а также об особенностях толкования и способах адаптации ими классического наследия к потребностям иной эпохи и иного мышления.

Основные итоги исследования. Никифор Влеммид демонстрирует в “Царской статуе” исключительную эрудицию в самых разных областях знания (включая медицину и военное дело), что отвечает представлению о нем как одном из образованнейших людей Никейской эпохи.

Количественно преобладают исторические и мифологические сюжеты: почти каждое наставление в “Царской статуе” Влеммид сопровождает примером (отрицательным или положительным) из античной истории или мифологии. Здесь отчетливо проявляются представления византийцев о назидательном, дидактическом смысле истории. Исход любого исторического события связывается с действиями правителя.

Исторический материал в “Царской статуе” предстает как массив необработанной, критически не осмысленной информации, взятой из античных источников. Этот массив состоит в основном из сведений об античном мире и исторически связанной с ним персидской державе.

Характер использования Влеммидом исторического материала отражает несколько идеализированное восприятие автором блестящего прошлого. Оно понимается Никифором Влеммидом как символ гармонии и порядка, как сокровищница мудрости и эталон добродетели. “Античные воспоминания” давали иллюзию тесной связи с этим прошлым, что приобретало особое значение в условиях латинской угрозы.

Мифологические сюжеты играют в произведении ту же роль, что и исторические. Эта особенность произведения не дает нам возможности уверенно определить, в каких случаях автор отличал одно от другого, а в каких нет. Мифологические персонажи описываются автором точно так же, как и исторические. Это позволяет нам говорить о некоторой мифологизированности сознания византийцев.

Отчетливо прослеживается попытка согласовать языческие сюжеты с положениями христианского вероучения. Эта “христианизация” являлась важнейшей составляющей процесса приспособления античного наследия к совершенно иному миропониманию византийского этноса.

В отличие от истории восприятие византийцами античной философии достигло достаточно высокого уровня. Автор не только хорошо знает философию, но и весьма образно определяет свое отношение к тому или иному философскому учению.

В тексте в значительном количестве присутствуют стереотипные античные фразы (например, неинформативные цитаты из Гомера и Аристофана). Они использовались как яркие средства художественного выражения. Краткое изречение возбуждало у читателей сложный ряд чувств, эмоций, образов, мыслей и ассоциаций. Это придавало ему выразительность и афористичность.

Э. Хрущева

ПРОБЛЕМА ИСТОКОВ И ЭВОЛЮЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ТРУДАХ М.Я. СЮЗЮМОВА

Проблема истоков и эволюции византийского государства является наиболее важной для понимания истории не только самой Византии, но и многих других государств, сходных с ней по форме правления. Рассматривая ее, историки разных стран приходили к судьбоносным выводам о политическом развитии собственной страны. Крайние позиции представляли Византию или как сильную монархию, достойную подражания, или как преемницу порочных государственных традиций Римской империи. Морализаторское отношение к государствам в прошлом характерно для всех исследователей, стремящихся часто постигнуть факты истории не столько ради них самих, сколько ради понимания современной ситуации.

В плане методики конкретно-исторического исследования решение этой проблемы на византийском материале сопряжено с многочисленными трудностями, связанными в первую очередь с трудностями знания комплекса источниковой информации по всем периодам византийской истории. В силу специализации византинистов по определенным периодам

“глобальность” данной проблемы позволяет многим ученым лишь приблизиться к ней. Концептуальность теоретического и масштабность конкретно-исторического поиска в сочетании с безупречным построением собственной оригинальной модели византийской цивилизации характерна для исследовательского почерка немногих византиноведов. Одним из таких творцов, чье научное наследие, бесспорно, предоставляет богатейший материал по указанной проблеме, является Михаил Яковлевич Сюзюмов, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета (1955 – 1982).

Творя в рамках марксистско-ленинской концепции истории, он тем не менее являлся уникальным исключением из плеяды советских византинистов, пройдя подготовку в исследовательской лаборатории до-революционного византиниста, главы Юрьевской (Тартуской) школы В. Э. Регеля.

Проблема перехода от Римской империи к Византии стала особенно актуальной в первое послевоенное десятилетие. М.Я. Сюзюмов первым указал на возникшую в ходе развернувшейся дискуссии терминологическую аберрацию, позднее признанную самими участниками диспута: “... были смешаны два разных процесса – переход к новому строю и возникновение нового государства”¹. В основе дискуссии выделились две принципиальные по своей аргументации и результативности научные позиции. Полемика М.Я.Сюзюмова и А.П.Каждана о процессе перехода от античной Римской империи к средневековой Византии являлась стержнем многих исследовательских усилий советской византистики 1960 – 70-х гг. Столкновение концепций континуитета и дисконтинуитета, имевшее место еще в XIX в., было перенесено на почву советской исторической науки.

Будучи блестящим знатоком византийских текстов, Михаил Яковлевич Сюзюмов в своих научных изысканиях часто пользовался методом исторической ретроспекции². В дополнение к значимой для него теории преемственности и диалектическому закону отрицания старого при зарождении нового мы получаем своеобразное теоретическое толкование проблемы перехода римской государственности в византийскую. Ученый отстаивал возможность сочетания конструктивного с деструктивным, когда развитие совершается на базе достижений старого при отмирании тормозящих прогресс основ прошлого строя³. Именно эта теоретическая наработка позволила исследователю представить два возможных пути Византии в средневековье.

Первый, “меровингский вариант”, по мнению ученого, привел Западную Европу к реорганизации общества и на фоне падения Западной Римской империи слабому возрождению государственности в форме политической децентрализации, социальной основой которой являлась

иерархия феодализованной знати. Второй – “венецианский вариант”, при котором рост политической мощи константинопольского патрициата на фоне административно-судебного произвола централизованного государственного аппарата мог привести к организации самостоятельных городских республик и, соответственно, к ослаблению императорской власти⁴. Оба этих варианта приводили к закономерному отмиранию римской централизованной государственности, чего, с точки зрения ученого, произойти не могло из-за мощного импульса античной культуры, носителем которой являлось население империи. Целая система правовых воззрений, общность гражданства и устойчивая общественная система из сословий с юридически закрепленным местом в государстве⁵ способствовали победе компромиссного варианта. В сюзюмовской теории континуитет выступает не просто механическим наследием античности, а своеобразным, активным спасением византийским государством своего политического наследия в борьбе двух социальных сил – городских бюрократии и провинциальной военной знати⁶. Триумф традиций централизованных городских сил осуществился в X в. победой македонских императоров над центробежными тенденциями провинциальной знати. Однако эта победа имела противоположные долгосрочные результаты, обернувшиеся укреплением военной земледельческой знати и переходом с 1081 г. к западноевропейскому пути развития децентрализованного государства⁷. Сохранение порочной практики использования доходов фиска на содержание громоздкого аппарата, а не на модернизацию военных сил, еще ранее подорвало византийскую способность к самообороне⁸. Децентрализация и отставание Византии от Западной Европы в развитии военного дела привели к закономерной гибели государства.

Данное краткое обозрение модели истории византийского государства М.Я. Сюзюмова позволяет нам разобраться в сложном переплетении социальных основ византийской государственности и, проанализировав вслед за ученым ее генетические основы, прийти к пониманию вышеописанной трансформации. В понятие “византийское государство” для исследователя включены два элемента – императорская власть, имеющая легитимизацию населения империи, и централизованный чиновничий аппарат, произвол которого породил общественное безразличие к судьбам империи. Взаимоотношения между этими двумя элементами сложные: верховная власть в лице императора по-восточному увенчивает централизованную государственную пирамиду и может являться рупором социально-политических целей столичной бюрократии. Но античный корень власти византийского императора формально диктует использование неограниченной власти ради “общего блага”. Несмотря на значимость теории божественного происхождения власти и добавления

к легитимной санкции религиозной, остается повод для свержения императора, не соблюдающего народного суверенитета. Для М.Я.Сюзюмова эта возможность отражала фиктивную зависимость верховной власти от народа и ее же реальную зависимость от борющихся социальных группировок⁹.

Несмотря на теоретическую возможность воздействия этих сил друг на друга в равной степени, исторические обстоятельства – появление третьей силы – провинциальной знати, а также стремление духовенства к теократии – вынудили городские элементы, выразителей интересов столичного чиновничества, умерить свои мечтания о политическом могуществе и сохранить свое подчиненное положение в централизованной пирамиде в отношении к императорской власти.

Подкупающая стройность этой концепции, подкрепленной массивом конкретно-исторической аргументации источников, выводит на историческую арену только четыре активно и сознательно действующие социальные силы – византийских императоров, духовенство, столичную бюрократию и провинциальную военную знать. Не думается, что использование основного населения империи в этой многовекторной борьбе происходило путем хитрого обмана, придумывания популистских лозунгов или сознательной ориентации широких масс на предпочтение уплаты налогов государству, нежели ренты – феодалу¹⁰.

Высочайший научный уровень теоретической и конкретно-исторической проработки отличает концепцию М.Я.Сюзюмова. В применении к условиям и обстоятельствам возникновения она выглядит не только целостной в своей сложности, но и открытой для дальнейшего развития. Некоторая терминологическая aberrация между понятиями “государство” и “строй” не заслоняет продуктивности и оригинальности взглядов исследователя.

Примечания

¹ Сюзюмов М.Я. Некоторые проблемы истории Византии // ВИ. 1959. № 3. С.98–100.

² Поляковская М.А. Исследовательские принципы в творчестве М.Я. Сюзюмова // Исторнография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С.106.

³ Там же. С.103–104.

⁴ Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. 1960. Т.17. С.12–13.

⁵ Там же. С.3–4.

⁶ Kazhdan A. People & Power in Byzantium. Washington. D. C. 1982. P.13.

⁷ Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях... С.15–16.

⁸ Сюзюмов М.Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории // ВВ. 1968. Т.29. С.36.

⁹ Там же. С.38–40.

¹⁰ Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях... С.9–10.

СЕКЦИЯ III. РОССИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

М. Акгюль, С. Дингилиши

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ (XVIII в.)

Обращение к истории дипломатических отношений между Россией и Турцией является актуальным в настоящее время. В условиях роста культурных, экономических, политических связей использование опыта дипломатии позволяет достигнуть большего взаимопонимания между государствами, избежать возможных ошибок.

Дипломатические отношения являются основной формой поддержания официальных отношений между государствами в соответствии с нормами международного права и практикой международного общения. Они призваны способствовать развитию дружественных отношений между странами и поддержанию международного мира и безопасности. Общий курс государства в международных делах определяет его внешнюю политику. В функции внешней политики входит регулирование отношений государства с другими государствами и народами в соответствии с его принципами и целями, осуществляемыми путем различных средств и методов. Важнейшим средством осуществления внешней политики является дипломатия, поскольку она представляет собой совокупность невоенных практических мероприятий, приемов и методов, применяемых с учетом конкретных условий и характера решаемых задач.

Задачи дипломатии России и Турции в XVIII в. во многом определялись целями этих государств на международной арене. В этот период в международных отношениях складываются новые принципы и закономерности, приходившие в столкновение со старыми обычаями феодального времени.

В сложной и противоречивой политике, проводимой Портой в начале XVIII в., проявилась тенденция к большой осторожности курса в Европе. Если раньше все конфликты решались с помощью войн, то в XVIII в. военные демонстрации уступили место конференциям с послами. Турция изучает расстановку сил на международной арене и строит свою политику на использовании противоречий между державами Европы. Турция поставила две цели – вернуть территории, потерянные по условиям Карловицкого договора (1699 г.), и создать условия для проведения модернизации.

Быстрое усиление России в годы правления Петра I создавало угрозу для Турции и внушало опасения государствам Европы. Учитывая это, Франция и Австрия, боявшиеся усиления России, старались ухудшить отношения России и Турции и довести их до военного конфликта.

В задачи России входило решение черноморской проблемы, получение территории Крыма, поддержка балканских народов.

Русская дипломатия в трудных условиях выдержала борьбу против угрозы войны на два фронта.

Идя на уступки, русские дипломаты переиграли дипломатию Турции и Франции, создав условия для завершения Северной войны.

Курс на обострение отношений России и Турции Франция и Австрия продолжили и в период правления Екатерины II. Опять же благодаря успехам русской дипломатии, Порты потеряла поддержку своих престижных конфидентов, приступивших к разделу Польши. Там, где неудачи преследовали русскую дипломатию (договоры Прусский (1711 г.) и Белградский (1739 г.)), успех праздновали турецкие дипломаты.

Наряду с решением черноморской проблемы, Россия задумывалась над тем, как оградить христианское население от возможной мести Османской империи в 1770-х гг. Конечной целью российской дипломатии на стезе покровительства единоверцам являлось обретение ими равноправия, что означало крах турецкого управления.

Кючук-Кайнаджирский договор (1774 г.) ознаменовал собой переломный пункт в истории русско-турецких отношений и в международном положении Турции. Он узаконил то, что Россия завоевала оружием.

Россия получила влияние на Черноморском побережье и право решения вопросов, касавшихся Османской империи, в частности определения судеб угнетенных народов Балканского полуострова и Кавказа.

Турция по-прежнему питала надежды на возвращение себе Крыма, что вело к новым военным конфликтам с Россией. Победы А.В. Суворова прославили российское оружие, но Ясский мир (1791 г.) не соответствовал затраченным усилиям: он предоставил России полосу земли между реками Буг и Днестр и подтвердил положения Кючук-Кайнаджирского договора, включая те, что относились к Балканам. Порты признала переход Крыма к России. Греческий трактат оставил заметный след в летописи дипломатии России, он ориентировался на образование на полуострове национальных государств, что означало отказ от прямых захватов и было отражением поисков других решений в спорных вопросах.

СОБЫТИЯ 11 МАРТА 1801 г. В ЗАПИСКАХ СОВРЕМЕННИКОВ И ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИСТОРИКОВ

Актуальность обращения к мемуарным источникам и трудам исследователей XIX – начала XX вв., посвященным царствованию Павла I, в связи с изучением проблемы его убийства, представляется несомненной. На данном вопросе заостряли свое внимание не только практически все авторы записок и монографий, посвященных жизни и царствованию Павла, но и многие историки. Стоит отметить, что если мемуары современников по своему определению не могут быть объективны, тем более в связи с непосредственной причастностью некоторых авторов к цареубийству, то в дальнейшем на упоминание об этом факте было наложено жесткое негласное табу, породившее версию смерти императора в результате апоплексического удара, что обусловило снижение интереса исследователей к истории этого драматического события. И только к началу XX в. вновь открыто заговорили о насильственном характере гибели Павла I.

В данном случае особенно важно при изучении источников, а ими здесь являются записки современников, и трудов, посвященных жизни и смерти Павла, рассматривать их в комплексе. Цареубийство само по себе является слишком важной страницей в истории любого государства, так как приводит к резким и глубинным изменениям в дальнейшем развитии страны, поэтому отношение пишущих о нем определяется не только и не столько стремлением соблюсти историческую правду, сколько личностью самого автора, возможностью его причастности к заговору, а следовательно, и целью написания мемуаров, а также, конечно, конкретными историческими условиями, которые определяли воззрения исследователя на рассматриваемый период. В некоторых случаях сыграл немаловажную роль, как это часто бывает, и перевод. Все многообразие этих факторов необходимо учитывать при обращении к проблеме любого цареубийства как явления, а в особенности Павла I, ибо оно и по сей день остается не только за завесой тайны, но и событием, внесшим коренные изменения в развитие России, поэтому являющимся в ее истории поистине переломным, и оттого грань, которую прочертила смерть самодержца, становится еще более заметной.

События 11 марта 1801 г. имеют в мемуарной литературе и в последующих работах историков XIX – начала XX вв. противоречивую оценку. В то время как многие современники расходятся в своих записках лишь во мнении о способе умерщвления заговорщиками Павла I, в дальнейшем об убийстве императора предпочитали просто умалчивать.

Среди мемуаристов, которые пытались в своих записках прежде всего оправдать свое участие в таком неблагоприятном мероприятии, как убийство помазанника Божьего, можно особо выделить одного из главных заговорщиков, Л.Л. Беннигсена, который считал день смерти Павла “днем избавления от беды, тяготевшей над ним целых четыре года”¹. К этому же стану авторов записок можно отнести барона К. Гейкинга, княгиню Д.Х. Ливен, офицера А.Н. Вельяминова-Зернова и некоторых других. Однако немало было и приближенных к императору, которые восприняли его гибель совершенно иначе, примером тому может служить верный Павлу генерал Н.А. Саблуков. Также здесь было бы уместно привести слова одного из современников монарха, графа А.Ф. Ланжерона: “Ферстер, Милорадович и я встретили это известие [о кончине Павла] с сожалениями, для нас вполне законными. Быть может, мы были единственными людьми в России, которые искренне оплакивали его, <...> и наши сожаления еще усилились, когда мы узнали, какой смертью он погиб”². С этими мемуаристами согласен и знаменитый в то время немецкий драматург А. Коцебу.

Однако заслуживает внимания и тот факт, что, несмотря на радость, причиной которой была смерть императора, многие из современников откровенно не поддерживают такой метод отлучения самодержца от власти. Один из наиболее объективных мемуаристов, А. Чарторыйский, пишет, что “если самая смерть Павла, быть может, и избавила государство от больших бедствий, то, во всяком случае, участие в этом кровавом деле едва ли могло считаться заслугой”³. О подобном же упоминает и М.А. Фонвизин, отмечая, что порядочные люди в России, не одобряя средство, которым они избавились от тирании Павла, радовались его падению.

В трудах историков XIX в. в качестве причины смерти Павла Петровича просто упоминается апоплексический удар. Такого мнения придерживаются придворный историограф Н.К. Шильдер, немецкие историки Шиман и Брикнер. Знаменитый же российский историк В.О. Ключевский в своих трудах предпочитает не поднимать вопрос о последних днях монарха.

С наступлением XX в. запрет на разглашение истинной причины смерти императора Павла был снят. Однако двойственность по отношению к этой проблеме у исследователей сохранялась. Например, если историк А.А. Корнилов воспринимает цареубийство как акт спасительный для России, то М.В. Ключков и Е.С. Шумигорский категорически не согласны с таким мнением, полагая, что “событие 11 марта осталось ... надолго официальной тайной и “тяжелой загадкой” для русского общества”⁴.

В связи с вышесказанным можно в очередной раз предположить, что истина находится, как всегда, посередине, однако, как известно, объективность и консенсус истории неподвластны.

Примечания

¹ Беннигсен Л.Л. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. М.: СП “Вся Москва”, 1990. С.121.

² Ланжерон А.Ф. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. С.153.

³ Чарторыйский А. Записки // Убийство императора Павла. Рассказы современников / Ред. П.Е. Щеглова. Ростов н/Д: Донская речь, б.г. С.72.

⁴ Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С.214.

О. Королева

НАПРАВЛЕНИЯ МИССИОНЕРСКОЙ ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Пермская губерния еще в первой половине XIX в. занимала твердое первое место среди губерний Российской империи по числу проживающих на ее территории представителей раскольнических сект. Традиционно центрами раскола в губернии являлись Осинский, Екатеринбургский, Шадринский уезды. Самым благополучным в этом отношении был Ирбитский уезд. Здесь, по официальным данным, к 1860 г. проживало всего 33, а к 1894 г. — 22 старообрядца.

Политика государства по отношению к “старой вере”, различным раскольническим сектам на протяжении всего XIX в. была четко определенной – “увещевание” раскола, возврат “заблудших овец” в лоно православной церкви. Большое значение противораскольнической политике придавал Николай I. При его непосредственном участии учреждается в 1825 г. в Санкт-Петербурге комитет по делам о раскольниках, ставший главным координирующим и контролирующим органом, не последнюю роль в котором играли чиновники Министерства внутренних дел. На местах достаточно жесткую линию государства проводили епархиальные противораскольнические миссии, действовавшие во многих епархиях в течение всего столетия. Некоторая либерализация законодательства о раскольниках происходит в период реформ, в 60–70-е гг. XIX в. Существенные изменения в государственной, а вслед за этим и в духовной политике по отношению к расколу во многом связаны с общероссийскими событиями 1905 г. Манифест свобод от 17 октября 1905 г., декларировавший свободу совести и слова, стал отправной точкой нового этапа взаимоотношений государства, православной церкви и старообрядчества.

В Пермской епархии противораскольническая миссия была открыта архиепископом Аркадием в 1830 г. Основные направления работы миссии и ее главного проводника — пермского архиепископа Аркадия – можно обозначить как массовое открытие единоверческих церквей, становление института окружного миссионерства, открытие приходских духовных

ных училищ в местах, "зараженных" расколом, и др. Входит в практику составление ежегодных отчетов: а) о числе раскольников с указанием имен, метрических данных, места жительства, к какой секте принадлежит; б) о числе обратившихся к святой православной церкви с указанием причин, какие усилия прилагал пастырь для уменьшения расколического населения и др. Порядок взаимоотношений служащего духовенства и проживающего на территории прихода расколического населения регламентировал Устав духовных консисторий от 1841 г., действовавший во второй половине XIX в.

После смещения Аркадия с епископской кафедры в середине 50-х гг. XIX в., вплоть до 1880-х гг., деятельность противорасколической миссии в Пермской губернии, по свидетельствам современников, приобрела формальный характер. Оживление ее активности происходит в начале 80-х гг. XIX в. при епископе Ефреме.

При Пермском архиепископе Ефреме основывается братство святого Стефана Пермского, ставившее своей целью поддержание чистоты нравов в народе. С той же целью в 1886 г. в образованной на территории пяти зауральских уездов (Екатеринбургский, Шадринский, Камышловский, Ирбитский, Верхотурский) Екатеринбургской епархии создается братство святого Симеона Верхотурского. Организационная структура братства во многом дополняла структуру миссии. От противорасколической миссии работу проводил епархиальный миссионер, на местах назначались окружные миссионеры. Братства в помощь епархиальной миссии в наиболее "зараженных" расколом пунктах учреждали миссионерские комитеты, состоявшие из священников не менее 3 приходов. Наряду с комитетами, в качестве помощников, действовали с 90-х гг. XIX в. миссионеры-сотрудники из мирян, в основном крестьяне. В миссионеры-сотрудники предписывалось приглашать грамотных мирян, твердых в вере, способных вести собеседования со староверами. Им выдавались особые удостоверения о праве вести собеседования от Совета братства. Миссионер-сотрудник мог получить небольшое денежное вознаграждение за труды по миссии до 15 рублей.

Крупным деятелем миссионерского дела в Пермской епархии в 80–90-х гг. XIX в. был священник Стефан Луканин (с 1882 г. — окружной миссионер Екатеринбургского и Кунгурского уездов, с 1890-х гг. — епархиальный миссионер). Трудями С. Луканина при активной помощи духовенства Пермской епархии в 1891 г. был открыт Белгородский миссионерский монастырь в Осинском уезде, ставший в некотором роде идейным центром и сыгравший свою роль в утверждении православия на пермской земле. Широкую известность миссионер С. Луканин приобрел своими религиозно-нравственными беседами с уральским населением, проводимыми по воскресным и праздничным дням.

Публичные собеседования, духовные чтения как форма миссионерской деятельности активно использовались окружными миссионерами, в единичных случаях — сельскими, заводскими священнослужителями (между последними более широко использовались другие формы работы: проповедь, беседа-наставление). По свидетельству публикаций в духовных журналах того времени, такие собеседования были неоднородны по форме и содержанию. Помимо обсуждения религиозно-нравственных предметов, предлагались общеобразовательные чтения о явлениях природы, об основах медицинских знаний, об открытиях и изобретениях, о политике государства по отношению к крестьянству. Проходили собеседования в форме рассказа, поучений, полемической беседы, некоторые священнослужители вводили элементы духовного и церковного пения. В 90-х гг. XIX в. Пермская и Екатеринбургская духовные консистории предписывали вводить внебогослужебные собеседования по воскресным и праздничным дням как обязательные во всех приходах.

Особой заботой духовных властей к концу XIX в. становится повышение образовательного уровня и улучшение миссионерской работы служащего духовенства. На рубеже веков в обеих уральских епархиях для духовенства организовывались миссионерские курсы. Духовные консистории составляют и рассылают по приходам сборники организационно-распорядительной документации по делам миссии. Так, в 1900 г. «Сборник постановлений по делам миссии» вручался ставленнику при рукоположении в сан в Екатеринбургской епархии. Курс расколистике вводится как обязательный не только в учебные программы семинарий, но и в программу подготовки низшего клира в псаломщическом классе при Пермской духовной семинарии, в псаломщической школе при архиерейском доме в Екатеринбурге. В официальных епархиальных изданиях появляется постоянно действующий раздел, посвященный миссионерской деятельности. В Екатеринбургских епархиальных ведомостях такой раздел появился в 1900 г., он носил название «Хроники собеседований со старообрядцами». С 90-х гг. XIX в. в местах проживания раскольнического населения создаются специализированные противораскольнические библиотеки. Литературой противораскольнического содержания комплектовались церковные архивы и библиотеки при церковно-приходских школах, школах грамотности, воскресных школах для взрослого населения. Активное привлечение служащего духовенства к участию в деле народного просвещения также предполагало утверждение православия среди местного населения.

Однако, как отмечают епархиальные миссионеры, число раскольников в губернии, отдельных ее уездах и на конец XIX в. было значительным. Сокращаясь в одном месте, раскол появлялся в другом. В отчете за 1896 г. «Екатеринбургский епархиальный миссионер» писал о причинах этого явления: «... приходское духовенство о возникновении

раскола по большей части умалчивает, и только тогда выявляется, когда становится известным существование в приходе раскола, когда на приход поступает новый священник — или же прежний пастырь приедет лично в Екатеринбург “перепрашиваться” на другой приход потому, что “нечем жить”¹.

Миссионерская противораскольническая деятельность духовенства, какой бы противоречивой по методам, по результатам она ни была, во второй половине XIX в. имела одну особенность. Местные приходские священнослужители оставили многочисленные свидетельства истории раскола на уровне конкретного села, завода, уезда; заметки, этнографические зарисовки активно печатались в епархиальных и губернских изданиях, собирались Пермским статистическим комитетом, Пермской ученой архивной комиссией, Уральским обществом любителей естествознания и другими учеными обществами. Некоторые из них представляют подлинную научную ценность с точки зрения исторического анализа причин раскола, сосуществования раскольнических сект с православным населением Урала, развития методов и форм борьбы светских и духовных властей на местном уровне. Были собраны и дошли до наших дней интереснейшие материалы этнографического характера. К их числу можно отнести работы протоиерея Чердынского уезда А.М. Луканина, печатавшиеся в Записках УОЛЕ, священника Васильевско-Шайтанского завода А. Топоркова, публиковавшиеся в губернских ведомостях, сборнике “Пермский край” (под редакцией Д.Д. Смышляева), а также священника-математика Шадринского уезда И.М. Первушина, посылавшего их в Пермский статистический комитет, Императорскую Академию наук, и др.

Примечание

¹ ГАСО. Ф.612. Оп.2. Д.8. Л.367.

К. Кочеткова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Изучение демографических процессов на определенной территории за конкретный исторический период имеет важное значение для понимания социально-экономического развития этой территории. Среди этих процессов рождаемость, брачность и смертность населения являются основными. В исследовании региональных показателей демографического развития главную роль играют их динамика, корреляция, факторы влияния, а также сравнение с аналогичными показателями на территории всей страны.

Во второй половине XIX в. на Урале в целом и в Пермской губернии в частности наблюдался достаточно устойчивый уровень рождаемости и смертности, хотя были и существенные отклонения. Нарушения в естественном движении населения главным образом были вызваны природными и социальными потрясениями: неурожаями, крупными реформами, войнами и др. Так, заметные спады естественного прироста населения в конце 1850-х и 1860-х гг., середине 1880-х были следствием неурожайных лет, а также реформы 1861 г., когда началось радикальное изменение привычного жизненного уклада людей и резко возросла миграционная подвижность населения. Влияние реформы привело к тому, что в 1863 г. имело место явление, называемое демографической катастрофой, когда рождаемость становится ниже смертности и естественный прирост приобретает отрицательное значение. Позже, в 1891–1892 гг., когда на Урал вместе с рядом неурожайных лет обрушилась эпидемия холеры, потери населения приняли катастрофические для воспроизводства его численности размеры¹.

В 1861–1913 гг. Пермская губерния занимала третье место в России по уровню рождаемости и первое – по уровню смертности населения¹. На протяжении всего обозначенного периода показатели рождаемости и смертности населения данной территории превышали общероссийские, в результате чего естественный прирост – разница между этими двумя показателями – часто был ниже, чем в среднем по всей стране. Особенно высокой была детская смертность: во второй половине XIX в. в Пермской губернии около половины родившихся детей умирали не дожив до 1 года. В России этот показатель был почти в 2 раза меньше¹. Во взрослой смертности существовали заметные различия по полу: мужчины умирали чаще и раньше женщин, и это явление имело тенденцию к росту².

Высокий уровень смертности населения Урала, а значит, и Пермской губернии объясняется расположением на территории региона многочисленных крупных промышленных предприятий. Этот факт влиял на здоровье человека непосредственно – через вырубку лесов, заболоченность прудов и плохое качество воды в них – и косвенно – вредными и тяжелыми условиями труда, которые, в свою очередь, приводили к высокому уровню травматизма среди работников. Положение усугублялось низким уровнем медицинского обслуживания большинства населения. Средняя продолжительность жизни в промышленных регионах страны составляла 32,5 года (в сельскохозяйственных – 40 лет)¹.

Динамика уровня брачности населения Пермской губернии во второй половине XIX в. в целом совпадала с общероссийской: высший показатель брачности был идентичен (11,6 на 1000 жителей). Но колебания брачности в Пермской губернии были гораздо значительнее: здесь ее уровень опускался до 5,4, тогда как по России – до 7,4 на 1000 жителей¹.

Уровень брачности постепенно снижался, что было следствием нарастающей урбанизации (население городов Пермской губернии с 1863 по 1897 гг. возросло на 90 %)³, активизации миграционных процессов, а также введения воинской повинности (1874 г.).

Кроме того, отсутствовала заметная корреляция между уровнями брачности и рождаемости, из чего следует, что динамика естественного движения населения в большей степени определялась не числом вновь заключенных браков или семейным положением населения, а природными и социальными факторами, воздействие которых скрывало несомненно существующую связь рождаемости и брачности.

Таким образом, изменение процессов рождаемости, смертности и брачности населения Пермской губернии во второй половине XIX в. повторяет аналогичную общероссийскую динамику. Своеобразие развития народонаселения здесь определяется проводимой государством экономической и социальной политикой и спецификой региона, как-то: географическим расположением (как части в составе развитого промышленного района страны – Урала) и связанным с этим экономическим состоянием, внутренними и внешними связями региона.

Совокупность особенностей территориального развития обуславливала степень и характер влияния различных социально-экономических, политических, природных факторов на демографические процессы в Пермской губернии.

Примечания

¹ *Алферова Е.Ю.* Динамика общих коэффициентов естественного движения населения в XIX–начале XX вв. // *Население России и СССР: Новые источники и методы исследования*: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 1993. С.19–23.

² *Галикова С.В.* Влияние промышленного освоения Урала в XVIII–XX вв. на народонаселение // *Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале*. Екатеринбург, 1997. С.124–129.

³ *Алферова Е.Ю.* Уральский город пореформенного времени: тенденции демографического развития // *Проблемы социально-политической истории Урала XIX – нач. XX вв.* Челябинск, 1991. С.68–80.

Е. Мухина

ОПЛАТА ТРУДА ДОМАШНИХ УЧИТЕЛЕЙ В РОССИИ XVIII в. (по мемуарным источникам)

В период петровских преобразований в России зародилась и в дальнейшем развивалась система государственных светских школ, однако в семьях различных сословий, преимущественно дворянских, родители стремились воспитывать и обучать ребенка дома, прибегая к услугам домашних учителей. В XVIII в. домашнее обучение являлось важнейшей составной частью российской системы просвещения.

Мемуары – ценные источники для изучения домашнего образования. Их авторы – россияне и иностранцы, представители разных профессий и социальных слоев -- приводят интересные сведения о том, как проходило домашнее обучение в семьях высшей бюрократии, среднего и мелкопоместного столичного и провинциального дворянства. Большой интерес представляют факты оплаты преподавательских услуг домашних учителей.

Представители высшей бюрократии стремились нанимать для своих детей учителей-иностранцев, выписывая их из-за границы, особенно со второй половины XVIII в. Удельный вес российских преподавателей, судя по мемуарам, был гораздо меньше. Размер жалованья, как правило, оговаривался в контракте, который заключался между учителем и родителями на несколько лет. Мемуаристы отмечают, что домашние преподаватели, особенно в столичных городах, получали за свой труд большие денежные суммы, причем к концу XVIII в. плата резко возросла. Немецкий пастор И. Виганд сообщал, что в конце 1740-х гг. он решил уехать из Германии, чтобы обучать детей в богатых дворянских семьях в России, так как заранее знал, что это будет выгодным предприятием и даст возможность заработать большие деньги. В записках немецкого астронома Иоганна Бернулли содержатся сведения о том, что в 1777 г. французский швейцарец Мариб на “блестящих” и “выгоднейших” условиях обучал племянника графа Н. Панина. В семье директора Российской Академии наук В.Г. Орлова в 1786–1787 гг. учитель музыки, итальянец-скрипач Галетти получал “помесياًно” 100 руб., или 1200 руб. в год. Писатель масон П.Г. Кичеев сообщал, что в семье фаворита Екатерины II графа А.М. Дмитриева-Мамонова в Петербурге в 1790-х гг. французская гувернантка “мадам Ришелье получала огромное жалованье, по окончании обучения детей ей полагалась такая же пенсия”, а преподавателю российской словесности, отцу Кичеева, платили гораздо меньше – 10 руб. за урок. Глава семьи просил снизить цену до 5 руб. за урок, однако учитель заявил, что в 1800 г. “и за 10 рублей учит только по старинному знакомству”. Жалованье же преподавателей Морского шляхетского кадетского корпуса, привилегированного учебного заведения, в 1757 г. было в среднем 200–250 руб. в год, или 16–20 руб. в месяц, т.е. домашнее преподавание оплачивалось в 8 раз выше.

И в российской провинции, по данным мемуаров, небогатые дворянские семьи платили иностранным учителям значительные суммы денег, хотя, конечно, гораздо меньшие, чем в столицах. Гувернеров приглашали в дома из крупных городов, но были и обрусевшие иностранцы, занимавшиеся преподаванием у себя на дому. В различных городах труд домашних учителей оплачивался по-разному. А.Т. Болотов, обучавшийся в 1740-е гг. в семье отставного капитана в Пскове и родовом селе Дворя-

ниново Тульской губернии, сообщал, что “немцев и французов в России того времени было мало, а которые были, просили за обучение детей большие деньги”. Мемуарист А. фон Риттер, вспоминая детство, подчеркивал, что в 1790-е гг. его родители для обучения детей хотели даже нанять швейцарца, который “требовал себе чуть ли не генеральское жалованье” (правда он не сообщил, в каком провинциальном городе это было).

По данным мемуаров курского воеводы И.П. Анненкова, в конце 1740-х гг. в Курске он платил за обучение своих детей учителям-иностранцам от 24 до 48 руб. в год за каждого, причем услуги немецких учителей стоили дороже, чем услуги французских. Немецким учителям И.П. Анненков платил по 3 – 4 руб. в месяц за обучение каждого сына, французским – 2 руб. в месяц (по 36–48 и 24–25 руб. в год соответственно).

Тамбовский помещик С. Протасьев подчеркивал, что во второй половине XVIII в. в провинции “курс на немцев возвысился”. Родители С. Протасьева в начале 1780-х гг. нанимали в течение трех лет учителей-немцев для обучения детей немецкому языку. Первому глава семьи платил 140 руб. в год, второму – уже 180 руб., третьему – 250 руб. в год, включая продукты натурой. За обучение детей действительного статского советника Н.Б. Энгельгардта немецкому языку и арифметике в 1770-х гг. в Витебске отставному поручику, обрусевшему немцу Брауншвейгу платили 60 руб. в год, французенке мадам Ленева, специально выписанной из Вильно в дом Н.Б. Энгельгардта для обучения детей французскому языку, положили оклад 500 руб. в год. Находившийся в ссылке в Оренбурге чиновник Г.С. Винский сообщал, что гувернер старик-француз Ганио в семье оренбургского губернатора в 1780-х гг. получал 500 руб. в год, находясь на полном содержании в доме.

Сведений об оплате труда российских домашних учителей в провинции в мемуарах немного. Ссылный чиновник Г.С. Винский учительствовал в семье майора Рыбкина в Оренбурге в 1780-е гг. вообще бесплатно, в доме же надворного советника Булгакова в Уфе ему платили за преподавание 300 руб. в год, включая полное содержание в доме. Для сравнения приведем данные о размере жалованья учителям государственных школ в провинции. В конце XVIII в. учителя Архангельского военно-сиротского дома получали в среднем 100–150 руб. в год, или 9–12 руб. в месяц. По данным же мемуаров А. фон Риттера, его родители, провинциальные помещики, в 1790-х гг. за обучение детей в течение месяца заплатили 17-летнему семинаристу Елизарию Аквилонскому, сыну дьяконицы, всего “3 рубля денег, 4 воза хворосту, пуд крупчатой муки, еще что-то из живности” (место, где происходило обучение, не известно).

Изучение мемуаров показывает, что в России XVIII в. домашнее учительствование высоко оплачивалось. Столичные и провинциальные дво-

рянские семьи платили учителям, как правило, намного больше, чем получали преподаватели государственных школ. Судя по воспоминаниям, особенно высоко оплачивался труд иностранных гувернеров, однако в конце XVIII в. и россияне начинают получать за преподавание крупные денежные суммы.

Л. Орлова

СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В первой половине XIX в. городское самоуправление состояло из Общей думы, Шестигласной думы, которую возглавлял городской голова, городского магистрата, сиротского суда. Существовали также различные общественные должности: бургомистры, ратманы, судьи и др.

Для организации выборов в Общую думу создавалось “общество градское” из лиц не моложе 25 лет, проживающих в Екатеринбурге и имеющих доход не менее 50 руб. или владеющих недвижимостью на эту сумму. Таковых в городе в первой половине XIX в. было в среднем 27 % от общего числа жителей. Они, в свою очередь, делились на 6 разрядов так, как это было записано в Жалованной Грамоте городам 1785 г., и из своей среды выбирали по несколько представителей от каждого разряда в Шестигласную думу – основной, постоянно действующий орган городского самоуправления.

Екатеринбург имел статус горного города, здесь находилась контора Главного начальника Екатеринбургских заводов, поэтому выбранные на должности люди должны были представляться ему на утверждение, так как по статье 787 Горного Устава “он стоял к горным городам в том же отношении, в каком губернатор к прочим городам”.

До начала 40-х гг. XIX в. власть горного начальника была в известной мере относительной. В 1837 г. на эту должность назначили В.А. Глинку, который предпринял ряд решительных мер для подчинения Екатеринбурга своей исключительной власти: сузил круг полномочий думы и городского головы настолько, что они практически лишились самостоятельности в принятии решений и управлении хозяйственными делами.

Главную должность городского самоуправления – должность городского головы – занимала верхушка екатеринбургского купечества (Казанцевы, Рязановы, Тарасовы), поэтому избирали на эту должность на собраниях купцов. Почти все представители этого сословия в Екатеринбурге были старообрядцами и, по сути дела, являли собой единую, сплоченную корпорацию, общину, внутри которой существовали узы взаимопомощи и под-

держки как в финансовом, так и в духовном плане. Крупное купечество занималось добычей золота в Сибири или предпринимательской деятельностью в Екатеринбурге: владело мыловаренными и салотопенными заводами. Большинство крупных купеческих семей переплеталось между собой родственными связями, это обстоятельство еще больше их объединяло и позволяло проводить свою линию в общественных делах города.

Городская дума собиралась ежедневно на 3–4 часа, как правило, в неполном составе. На заседаниях зачитывались документы от различных лиц и ведомств. Самостоятельных решений дума чаще всего не принимала, она апеллировала к горным властям и губернской администрации. В полномочия думы, определенные Жалованной Грамотой городам 1785 г., входили вопросы благоустройства, поддержания медицинских, образовательных учреждений, составление городского бюджета.

Бюджет Екатеринбурга в первой половине XIX в. был довольно скромным. В 1807 г. доходы города выразились в сумме 6 916 руб., а в 1849 г. – 20 063 руб., расходы соответственно – 6 326 руб. и 15 552 руб. Эти цифры показывают, что сметы Екатеринбурга сводились с дефицитом из-за недостатка средств на покрытие расходов. Ведущее место среди источников городского дохода занимали доходы с разных зданий, принадлежащих городу, с городских заведений, с общественного имущества и с промышленников. Расходная часть бюджета Екатеринбурга складывалась в основном из обязательных расходов: на содержание городской думы, магистрата, сиротского суда, управы благочиния (полиции), на благоустройство города (содержание зданий, ремонт дорог), а также на содержание окружной больницы и учебных заведений. Утверждал бюджет начальник Екатеринбургских заводов, а исполнение контролировала гражданская администрация. По горному положению 1806 г. горное начальство должно было принимать участие в расходах города на содержание полиции и благоустройство, но оно всячески уклонялось от этого.

Недостаток средств служил поводом к игнорированию благоустройства Екатеринбурга. Современники характеризовали город двояко: с одной стороны, отмечали его “европейский вид” и большое число красивых и изящных каменных домов, с другой – указывали на небогатые улицы, грязь в весеннее и осеннее время. Дума пыталась изыскивать средства на благоустройство: посылала прошения министру внутренних дел, губернатору, горному начальнику. Несмотря на обещания высших властей, город не получал средств для решения этой проблемы.

Деятельность городского управления по улучшению состояния в области здравоохранения практически не велась также по причине недостатка средств. В Екатеринбурге была лишь одна больница, содержавшаяся на средства, выделяемые органами самоуправления. Она находилась в плачевном состоянии.

Учебных заведений в городе было несколько, ведущим из них являлось четырехклассное училище, средства на содержание которого выделялись городской думой. Училище отвечало интересам горного города: оно давало начальные знания по минералогии, иностранным языкам, политэкономии, необходимые для поступления в институт горных инженеров.

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что органы самоуправления Екатеринбурга в первой половине XIX в. не были в полной мере самостоятельными. Они зависели как от губернской администрации, так и от горного начальства. И эта двойная зависимость резко снижала эффективность их работы.

Е. Свалов

РУССКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЕРЕДИНЫ XVII в. (политический аспект)

История России XVII в. полна событий, которые привлекают внимание исследователей. Это и Смута, и воцарение новой династии, и начало правления Петра. Не уступает им по важности и присоединение Украины к России (1654 г), которое существенно изменило расстановку сил на южных рубежах Российского государства.

Данный вопрос рассматривали многие отечественные историки. Можно выделить 2 группы исследований – работы по истории России и труды, посвященные вопросу присоединения Украины к России.

В первую группу входят труды В.О. Ключевского (Полн. собр. соч. : В 9 т. Т.3.), С.М. Соловьева (Полн. собр. соч.: В 18 т. Т.V–VI), Н.И. Костомарова (“Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей”).

Из исследований, посвященных проблеме Украины и России, наибольший интерес представляют работы И.В. Галактионова (“Из истории русско-польского сближения в 50–60-е гг. XVIII в.”), В.А. Голобуцкого (“Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–54 гг.”), Д.Н. Бантыш-Каменского (“История Малой России”).

Из современных исследований необходимо отметить работы Л.И. Ивопиной (“Тридцатилетняя война и Восточная Европа”), “Историю государства Российского: жизнеописания XVII в.”, Л.Н. Гумилев (“От Руси до России”).

Личности Богдана Хмельницкого посвящены работы Н.И. Костомарова (“Богдан Хмельницкий”), Г. Карнова (“Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого”), В.А. Залепинского (“Богдан Хмельницкий”).

При изучении данной темы нельзя обойтись без огромного пласта украинской литературы. На первое место следует поставить видного украинского историка М.С. Грушевского (“Очерк истории украинского

народа”, “Хмельницкий и Хмельнитчина”). Можно выделить таких исследователей, как В.А. Смолин и В.С. Степанков (“Богдан Хмельницкий: хроники жития и деятельности”), О.М. Опанович (“Гетманы Украины и кошевые атаманы Запорожской Сечи”), И.И. Полищук (“Формирование Украинской державы в 1648–57 гг.”) и др.

Большинство украинских историков рассматривают присоединение Украины к России как насильственно совершенный акт, который противоречил идее создания “Самостийной Украины”, ущемляя интересы украинского казачества и шляхты. Многие считают, что Переяславская Рада 8 января 1654 г. – это подписание военно-политического союза между Москвой и Украиной и что Россия в дальнейшем нарушила эти договоренности.

Российская и советская историография по-другому оценивает события середины XVII в. Большинство историков сходятся на том, что присоединение Украины к России было актом добровольным и поддерживалось основной массой населения, хотя и признают тот факт, что часть казачьей верхушки сопротивлялась власти Москвы. Факт огромной поддержки идеи союза Украины с Российским государством отражен во многих опубликованных источниках (“Акты Южной и Западной Руси...”, сборник документов и материалов “Воссоединение Украины с Россией” в 3 томах).

Ситуация на Украине в середине XVII в. была крайне тяжелой. Православное население испытывало на себе “тройной гнет” – религиозный, национальный и феодальный. От первых двух моментов можно было бы избавиться только перейдя в подчинение Москве. Но хотелось бы отметить, что это была в основном точка зрения крестьянства и беднейшего казачества.

Украинская шляхта и верхушка казачества тоже поддерживали идею союза с Россией, но, зная великодержавные амбиции Москвы, боялись потерять ту толику свободы, которую имели в составе Речи Посполитой.

К концу 40-х гг. XVII в. ситуация на Украине опять стала накаляться. Началом войны принято считать 1648 г. Новый виток борьбы с Польшей связан с именем Богдана Хмельницкого, который с самого начала войны ищет союзников. Татары и турки оказываются ненадежными союзниками, и тогда Хмельницкий обращается к Москве. Между 8 июня 1648 г. и 3 мая 1649 г. он отправляет около 10 писем в Москву и приграничным воеводам с просьбой о военной помощи и предложением услуг казачества Российскому государству. Но русское правительство на данном этапе согласилось помочь лишь фуражом и небольшим количеством оружия. Россия боялась оказаться вовлеченной в украинские дела и вызвать этим недовольство Речи Посполитой.

Военные же действия шли своим чередом. Украинские войска нанесли ряд поражений полякам (Желтые Вязы, Корсунь, Замостье), и, в итоге, 8

августа 1649 г. был подписан Зборовский мирный договор, по которому территорией казаков считались Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства, реестр определялся в 40 тысяч человек, подтверждались все права и вольности казачества. Тут-то и можно проследить характер русско-украинских отношений: чем уверенней чувствовал себя гетман, тем меньше внимания уделялось вопросу присоединения Украины к России.

Но дипломатические отношения России и Украины никогда не прекращались: они постоянно обменивались посольствами. Между тем в феврале 1651 г. Земский собор принял решение о воссоединении с Украиной и вступлении России в войну с Речью Посполитой. Но дальше решения дело не пошло: Россия была еще не готова к этому шагу.

1651 г. для казачества был менее удачен, и, в итоге, 18 сентября 1651 г. был подписан Белоцерковский договор, который существенно отличался от предыдущего. К этому времени силы Украины и Польши были подорваны и активных боевых действий они не вели, но тем и другим было ясно, что войны не избежать. В этих условиях на первое место выходит дипломатия. Отношения между Украиной и Россией существенно активизировались, увеличилось количество просьб о присоединении. И, наконец, 1 октября 1653 г. Земский собор решает принять Украину под “государеву высокую руку”. На Украину отправили посольство Бутурлина, и 8 января 1654 г. на Переяславской Раде было торжественно провозглашено присоединение Украины к России. В марте были подписаны “Статьи Богдана Хмельницкого”, которые стали основным законом Украины. По этим статьям Украина провозглашалась автономной, реестр определялся в 60 тысяч человек, подтверждались все права и привилегии казачества.

После этих решений характер войны меняется. Собственно говоря, начинается русско-польская война за Украину, которая закончилась подписанием Андрусовского перемирия в 1667 г. и Вечного мира в 1686 г. За Россией закреплялась левобережная Украина, за Польшей – правобережная.

Можно по-разному смотреть на проблему присоединения Украины к России. На мой взгляд, в то время это было единственно верным решением.

Е. Смольникова

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА В XVIII – XIX вв.

История создания и функционирования органов местного самоуправления в России неоднократно являлась предметом изучения в отечественной историографии. В настоящее время она также представляет научный и практический интерес в связи с возрождением в стране института местного самоуправления.

Вышесказанное в значительной степени относится и к Екатеринбург, который в течение долгого времени оставался единственным горным городом в Российской империи, и весь уклад его жизни определялся специальным уставом и порой непростыми взаимоотношениями между горнозаводской администрацией и городской думой. Поэтому, фактически, институт местного самоуправления был учрежден в Екатеринбурге Жалованной грамотой городам от 21 апреля 1785 г., введенной на Урале только в конце 1787 г.

Цель данного сообщения заключается в том, чтобы рассмотреть процесс развития органов городского самоуправления в XVIII – XIX вв. на примере Екатеринбургской городской думы и выявить основные направления ее деятельности.

Не имея возможности в достаточно кратком сообщении дать полную историографию вопроса, назовем основные работы.

Во-первых, это фундаментальный труд И.И. Дитятина, посвященный устройству и управлению городов Российской империи, в котором автор приходит к выводу, что деятельность общей думы, подобно деятельности собрания градского общества, на практике совершенно сошла на нет, так что единственным сколько-нибудь значимым фактором городского самоуправления осталась шестигласная дума¹. И.И. Дитятин также отмечает особую роль городского головы в структуре городского самоуправления: "... в сущности, голова при наличии с его стороны известных качеств был всем, а дума – ничем"².

Также следует отметить монографию К.А. Пажитнова "Городское и земское самоуправление", где исследователь, анализируя историю развития органов местного самоуправления в XVIII – XIX вв., делает вывод, что вплоть до Городской реформы 1870 г. местное самоуправление в России существовало лишь на бумаге³.

Итак, органы местного самоуправления были созданы в Екатеринбурге в 1787 г. В соответствии с Грамотой на права и выгоды городам Российской империи структуру городского самоуправления составили следующие органы: городское собрание, Общая дума, Шестигласная дума.

Первичным органом сословного "самоуправления" было городское собрание, состоящее из всех "городовых обывателей"; на нем избирались городской голова и другие должностные лица. Собрание выбирало также распорядительный орган сословного "самоуправления" – Общую городскую думу, состоящую из городского головы и гласных из всех шести групп населения города. Собираясь раз в три года (исключая экстренные случаи), Общая городская дума избирала исполнительный орган – Шестигласную думу, в которой каждая группа населения имела по одному гласному. Председателем этого постоянно действующего органа был городской голова, чаще всего он избирался на собраниях купцов Екатеринбурга.

Городской голова руководил всей деятельностью городской думы. Дума собиралась группами на 3–4 часа почти ежедневно, за исключением праздничных и воскресных дней. Чаще всего она заседала в составе городского головы и по одному представителю от купцов, мещан и цеховых. На заседаниях обсуждались вопросы благоустройства, торговли, сбора налогов и др. Большая часть времени уходила на заслушивание указов, распоряжений и предложений горного начальства, губернских властей, правительственных учреждений. Никаких самостоятельных решений по всем официальным бумагам дума не принимала⁴.

В 1870 г. было введено новое Городовое положение, ставившее своей целью открыть доступ к участию в городском управлении всему городскому населению. На созданные по этому положению городские органы самоуправления (городские думы и управы) возлагались административные и хозяйственные задачи. Попечительству городских дум и управ подлежали вопросы благоустройства города, заведование школьным, медицинским, благотворительным делом, торговлей, кредитом и т.п.⁵

Выборы в городскую думу проводились по трем избирательным съездам – крупных, мелких и средних налогоплательщиков, избравших по равному числу гласных.

Городская дума являлась распорядительным органом: она издавала инструкцию, которая устанавливала распределение занятий и порядок действия управы и подчиненных ей органов. Члены управы избирались думой и не нуждались в утверждении администрацией; постановлением думы члены управы могли быть устранены от должности или преданы суду.

Городской голова также избирался думой, но утверждался в должности губернатором; он возглавлял и думу, и управу, координируя деятельность этих органов.

Усиление реакции, наступившее с восшествием на престол Александра III, не замедлило отразиться на положении органов местного самоуправления. Принятое в 1892 г. новое Городовое положение значительно урезывало их права и усиливало контроль администрации над ними.

Таким образом, к концу XIX в. в Екатеринбурге сложилась стройная система органов городского самоуправления, состоящая из городской думы, городской управы и ряда комиссий по различным вопросам. Но деятельность этих органов не выходила за пределы хозяйственных и административных функций и подлежала жесточайшему контролю со стороны губернских властей.

Примечания

¹ *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов Российской империи: В 2 т. Т.2. Ярославль, 1877.

² Там же. С.168.

³ *Пажитнов К.А.* Городское и земское самоуправление. СПб., 1913.

⁴ *Очерки истории Свердловска. 1723–1973.* Свердловск, 1973. С.34.

⁵ *Темникова И.В.* Обзор архивного фонда “Екатеринбургская городская управа” // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: Материалы науч.-практ. конф. 21 – 22 апреля 1998 г. Екатеринбург, 1998. С.68–69.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ В 1861–1914 гг. (региональный аспект)

В последние годы историки уделяют все больше внимания изучению закономерностей и особенностей развития России в эпоху капитализма. В сложном комплексе проблем, возникающих в ходе изучения, важное место занимает вопрос о роли иностранного капитала в развитии отечественной экономики, о его месте в системе российского капитализма. Сейчас Россия в целом как суверенное государство и отдельные ее регионы вступили в такой период развития, когда привлечение прямых производственных иностранных инвестиций становится чрезвычайно актуальным.

Особое значение для характеристики актуальности исследования этого вопроса имеет то, что в историографии не уделяется внимание региональным проблемам.

Только на основе тщательного изучения развития каждого региона, каждой отрасли хозяйства, всех важнейших монополий и крупнейших предприятий и банков можно будет представить действительную, а не упрощенную, схематичную картину российской промышленности и прийти к более полным выводам.

В этой связи закономерным является обращение к периоду 1861 – 1914 гг., стремление проанализировать инвестиционный климат, рассмотреть формы организации промышленного производства и, наконец, охарактеризовать направления деятельности иностранного капитала.

Реформы 60–70-х гг. XIX в. значительно улучшили политические и правовые условия для развития производительных сил и формирования капиталистических отношений в России. Привлечение иностранного капитала явилось закономерным явлением в условиях развития российской экономики, так как на развитие промышленности требовались большие финансовые ресурсы, которых в России не было.

Только после длительного знакомства с Россией как с должником по государственному займу и подготовки в России удобной для себя почвы иностранный капитал решился войти в ее промышленность. Однако еще долгое время шаги его были робки и неуверенны. Одной из причин, сдерживающих приток иностранного капитала в форме прямых инвестиций в промышленность России, была неупорядоченность ее финансовой системы. В российском министерстве финансов были предприняты значительные усилия для решения этой проблемы. В течение 1880–90-х гг. шло активное накопление золотого запаса, что позволило в декабре 1895 г. перейти на золотую валюту¹.

Долгое время сдерживал заграничные капиталовложения и очень низкий российский таможенный тариф. В этой ситуации европейский капи-

тал спешил заполнить Россию готовой продукцией, а не помочь ей создать свою собственную промышленность. “Первым оборонительным валом против товарной интервенции из Европы стало введение в 1877 г. так называемых “золотых пошлин”. Это означало взимание пошлин по прежней ставке, но в золотой валюте, вследствие чего, размер пошлин фактически увеличился на 50 % и более”².

Обращаясь к региональным аспектам проблемы, необходимо отметить, что Урал вплоть до середины 90-х гг. XIX в. продолжал оставаться одним из главных районов горнозаводской промышленности России.

В середине XIX в. на Урале сложилась довольно противоречивая ситуация: с одной стороны. этот район имел богатейшие месторождения различных полезных ископаемых, в том числе и драгоценных металлов, а с другой – здесь сохранялись сильные пережитки крепостничества, поэтому Урал был отсталым в плане технического оснащения заводов. В результате процесс развития горнозаводского Урала был значительно замедлен.

С середины XIX в. началось техническое переоснащение уральских горных заводов, связанное с началом промышленного переворота в металлургической промышленности. Такой сдвиг требовал больших финансовых средств, необходимы были также специалисты для внедрения новых технологий.

Кроме того, почти до конца XIX в. Урал был оторван от общероссийской железнодорожной сети. Главными и почти единственными транспортными средствами края с начала XVIII в. и до конца 70-х гг. XIX в. были водные пути и гужевой транспорт.

Соединение Урала с общероссийской сетью железных дорог имело решающее значение для ускорения развития капитализма. Железнодорожный транспорт сокращал время обращения капитала и, следовательно, стимулировал прилив крупных средств в ведущие отрасли.

В результате промышленного переворота и последовавших за ним перемен изменилось и отношение к иностранному капиталу, так как выяснилось, что у государства не хватает не только опыта, но и средств на осуществление далеко идущих планов. Следовательно, встал вопрос о привлечении дополнительных инвестиций.

В погоне за высокой нормой прибыли на Урал с его дешевой рабочей силой стал проникать иностранный капитал. В чем заключалась привлекательность уральского региона для иностранных предпринимателей? Во-первых, как уже отмечалось, здесь была дешевая рабочая сила, во-вторых, богатейшие источники сырья и, наконец, наличие внутренних рынков сбыта.

Особенностью организации промышленного производства на Урале была окружная система: подавляющее большинство заводов объединя-

лось в горнозаводские округа. Такая система возникла вместе с промышленным освоением Урала в начале XVIII в.³ Сущность ее заключалась в том, что заводы обеспечивались всем необходимым для производства не через рынок, а путем приписки к ним рудных месторождений, лесов и рабочей силы. Такая система могла сложиться лишь в условиях господства в стране натурального хозяйства.

С развитием капитализма на Урал начинают проникать другие формы организации производства. В частности, акционирование горнозаводской промышленности Урала становится важнейшим элементом развития уральской экономики. При этом акционировались не отдельные заводы, а целые горнозаводские округа. По-видимому, это было вызвано стремлением получить максимальную прибыль при минимальных затратах (так как округ включал в себя все необходимые элементы производства).

“Акционирование капитала, явившееся удобной организационной формой отделения собственности на капитал от его приложения к производству, сделало возможным не только мобилизацию гигантских масс капитала, но управление ими горсткой монополистов”⁴. Оно открыло путь для развития участия и сращивания банков с промышленностью.

В России иностранный капитал устремился прежде всего в тяжелую индустрию. На горную, горнозаводскую и металлообрабатывающую отрасли приходилось более 70 % всех иностранных капиталовложений в промышленность⁵. Кроме того, Германия вложила крупные средства в электротехническую и химическую промышленность. Небольшая часть английских производственных инвестиций приходилась на горнопромышленные предприятия.

Учитывая приведенные факты, можно сделать вывод, что уральский регион в пореформенный период являлся одним из наиболее привлекательных для иностранцев объектов инвестирования, так как в середине XIX в. он объединял черную металлургию, выплавку меди, добычу золота и платины, а это были отрасли, которые пользовались наибольшим спросом у иностранных предпринимателей.

По степени активности действия иностранного капитала можно выделить два этапа. На первом этапе (1861–1886 гг.) иностранный капитал действовал на Урале осторожно и, в целом, не очень удачно. В этот период в основном собиралась информация об условиях вложения капиталов на Урале. Действия возникших компаний были кратковременны. На втором этапе (1887–1914 гг.) иностранный капитал действовал более активно и успешно.

Измеряя роль иностранного капитала в различных областях экономической жизни Урала, не следует ограничиваться показателями, подчас исключительно высокими, его участия в тех или иных отраслях хозяйства. На деле эта роль была неизмеримо выше, так как именно иностран-

ный капитал выступил в качестве “тягача” промышленного развития, не только организовав новые для Урала производства, но и ставя уже известные на качественно иной уровень.

В ссудной форме иностранный капитал подпитывал госбюджет, активы национальных коммерческих банков, в инвестиционной – способствовал освоению перспективных районов, становлению отраслей тяжелой индустрии, оживлению акционерного процесса. Он внедрялся не только в сейфы частных банков, но и непосредственно в производство, к чему предрасполагала беспрецедентная норма прибыли, дешевизна рабочей силы, облегчавшие сбыт дорогостоящей продукции, казенные заказы.

Вместе с иностранным капиталом хозяйство Урала восприняло и привнесенные им прогрессивные формы организации промышленного и банковского дела на всех уровнях – от низшего до государственного. Важно также, что на российской почве свободно состязались перенесенные из западноевропейских национальных хозяйств различные методы организации промышленности и банковского дела, а также схемы взаимоотношений между ними. При широкой помощи извне на Урале был создан промышленный потенциал, еще недостаточный для поддержания высокого уровня жизни, но уже достаточный для обеспечения военной, политической и в значительной мере экономической безопасности России.

Примечания

¹ *Донгаров А.Г.* Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С.15.

² Там же. С.17.

³ *Вяткин М.П.* Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С.2.

⁴ *Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала в России. М., 1984. С.105.

⁵ *Донгаров А.Г.* Иностранный капитал... С.21.

А. Торопов

ПРОБЛЕМА ДАТЫ И МЕСТА РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО МЕТАЛЛУРГА П.П. АНОСОВА

Имя великого русского металлурга П.П. Аносова хорошо известно не только специалистам, но и всем, кто интересуется отечественной историей. Но до сих пор остаются не изученными до конца проблемы, связанные с его биографией. Одна из них – дата и место рождения знаменитого ученого и заводского деятеля. Об этом уже в дореволюционных исследованиях высказывались противоречивые мнения. Так, в некрологе П.П. Аносова говорилось, что он скончался на 52-м году жизни¹, т. е. мог родиться не ранее 1799 г. В словаре Брокгауза и Эфрона датой его рождения указан 1797 г.², а в Русском биографическом словаре – 1798 г.³ Один из первых биографов П.П. Аносова Н.Я. Нестеровский называет датой его рождения 1797 г.⁴

Эти противоречия возникали из-за того, что, во-первых, не была найдена запись о рождении Аносова в метрической книге, а во-вторых, из-за разных данных о возрасте Аносова в разные временные периоды.

Это положение сохранялось и после революции, пока такие авторы, как И.С. Пешкин, Д.А. Прокошкин, И.К. Богачев, не пришли к единому мнению, что П.П. Аносов родился в 1799 г., на основании изучения его формулярных списков.

Так, И.С. Пешкин, указывая дату 1799 г., пишет: “В некоторых публикациях, а также изданиях последнего времени указывается, что Аносов родился будто бы в 1797 г. Однако обнаруженные формулярные списки показывают, что это неверно”⁵. Такого же мнения придерживается и И.К. Богачев: “Дату 1799 год мы приводим по недавно обнаруженному в Свердловском областном архиве формулярному списку П.П. Аносова⁶. Эта дата является, очевидно, достоверной, так как тождественная с датами трех формуляров Аносова, хранящихся в Алтайском краевом государственном архиве”⁷.

Действительно, в формулярных списках П.П. Аносов сам указывает свой возраст, но он по какой-либо причине (умышленно или неумышленно) мог называть его неправильно.

Дата 1799 г. была указана и в третьем издании Большой Советской энциклопедии⁸, она прочно вошла и в другие энциклопедические издания последних лет. В 1999 г. златоустовский краевед А.В. Козлов, анализируя разные источники, даже попытался сузить временной интервал, в который мог родиться П.П. Аносов. Он пришел к выводу: “Наиболее вероятно, что П.П. Аносов родился во второй половине мая – июне 1799 года (июнь – первая половина июля по новому стилю)”⁹, т. е. как будто не осталось никаких сомнений, что П.П. Аносов родился в 1799 г.

Однако в 1999 г. были введены в оборот малоизвестные или неизвестные ранее архивные документы, которые дали возможность по-новому взглянуть на проблему не только времени, но и места рождения П.П. Аносова.

Запись в метрической книге о смерти П.П. Аносова от 13 мая 1851 г. называет его возраст 52 года¹⁰, из чего следует, что он мог родиться в 1798 или 1799 г. Но это, видимо, связано с теми же проблемами, которые возникают при изучении формулярных списков.

Другой документ – формулярный список П.П. Аносова от 2 декабря 1817 г. В нем указан его возраст 20 лет¹¹, т. е. он родился, скорее всего, в 1797 г. Этому соответствуют документы, связанные с определением Павла Аносова и его брата Василия в Горный кадетский корпус¹². Из них вытекает, что на 13 мая 1809 г. П. Аносову было 12 лет, из чего следует, что он родился в 1796 или в 1797 г.

Екатеринбургский историк М.Е. Главацкий выдвинул версию о том, что возраст П. Аносова мог быть искажен в этих документах намеренно,

в связи с тем что в Горный кадетский корпус принимали детей начиная с 12 лет¹³, а если П. Аносов родился в 1799 г., то ему в 1809 г. было не больше 10 лет, поэтому он до окончания корпуса мог указывать свой возраст неправильно (этому соответствует и формулярный список от 2 декабря 1817 г.). Потом же он вернулся к своей настоящей дате рождения.

В ходе поисков был отработан еще один вариант. Так, в Санкт-Петербурге не было найдено записи в метрической книге о рождении П.П. Аносова, но, возможно, он родился не там. С одной стороны, все исследователи утверждают, что П.П. Аносов родился в Санкт-Петербурге, с другой – известно, что его отец, Петр Васильевич Аносов, служил в Тверской губернии и только в 1798 г. получил назначение в Берг-коллегию в столицу.

В ответ на запрос в Государственный архив Тверской области была прислана копия записи за 1796 г. из метрической книги тверской Симеоновской церкви. В ней говорится, что 29 июня родился “у секретаря Петра Васильевича с[ы]на Аносова сын Павл”¹⁴.

Казалось бы, проблема даты и места рождения великого русского металлурга снята, но остаются еще два вопроса:

1. Являются ли секретарь Петр Васильевич Аносов и Петр Васильевич Аносов одним и тем же лицом?

2. Если да, то не возможен ли такой вариант, при котором в записи говорится не о П.П. Аносове – известной исторической личности, а о его старшем брате, названном также Павлом, но умершем во младенчестве до рождения самого П.П. Аносова.

Сомнения, пусть мизерные, остаются, потому что, во-первых, версия о намеренном искажении возраста с целью поступления в кадетский корпус очень убедительная, во-вторых, в упомянутом выше формулярном списке от 2 декабря 1817 г. дается возраст П. Аносова 20 лет, из чего следует, что он не мог родиться 29 июня 1796 г., потому что тогда бы 2 декабря 1817 г. ему был 21 год.

Конечно, метрическая запись более достоверный источник, но нельзя выпускать из виду и другие документы.

Чтобы убедиться окончательно, нужно найти хотя бы один документ, подтверждающий запись в метрической книге тверской Симеоновской церкви от 29 июня 1796 г.

Примечания

¹ Сын Отечества. 1851. Т. XII. Декабрь. С.38.

² Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е.Андреевского. СПб., 1890. Т.1. С.820.

³ Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т.II. С.203.

⁴ *Нестеровский Н.Я.* Материалы к биографии Павла Петровича Аносова // Горный журнал. 1918. Т.1. С.63.

⁵ *Пешкин И.С.* Аносов. Челябинск, 1987. С.12.

⁶ ГАСО. Ф.43. Оп.2. Д.1696. Л.56–57.

⁷ *Богачев И.К.* П.П. Аносов и секрет булата. М.: Свердловск, 1952. С.121–122.

⁸ Большая Советская энциклопедия. М., 1970. Т.2. С.44.

⁹ *Козлов А.В.* Когда родился Аносов? // Златоустовский рабочий. 1999. 10 марта. С.3.

¹⁰ ГАОО. Ф.16. Оп.2. Д.156. Л.85 об.–96.

¹¹ ЦГИА. Ф.16. Оп.1. Д.3119. Л.49.

¹² ГАСО. Ф.24. Оп.33. Д.72. Л.2.

¹³ *Генерал от металлургии Павел Аносов* / Под ред. проф. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1999. С.296.

¹⁴ ГАТО. Ф.160. Оп.1. Д. 15211. Л.90–91.

М. Чехомова

ИЗ ИСТОРИИ ФОТОТЕХНИКИ: ОТ КАМЕРЫ-ОБСКУРЫ ДО ПАВИЛЬОННОЙ ФОТОКАМЕРЫ (XVIII – конец XIX вв.)

Вся сложная фототехника: фотокамеры, всевозможные объективы, вспышки, светофильтры и еще многое другое – вся она начиналась с простейшего прибора – камеры-обскуры (темной комнаты). Принцип ее действия описал Аристотель¹. Он отмечает, что, если в стене темной комнаты сделать отверстие, луч света, попадая в это отверстие, будет проецировать на противоположную стену предметы, находящиеся перед отверстием, за пределами комнаты, при этом изображение будет перевернутым и обратным – чем дальше находится предмет, тем больше он будет в камере-обскуре. Это последнее свойство использовали художники для своих зарисовок. Подробное описание камеры-обскуры принадлежит Леонардо да Винчи². Качество изображения в камере-обскуре зависело от величины отверстия – чем меньше было отверстие, тем более четким и менее ярким было изображение. Впоследствии в отверстие камеры-обскуры стали помещать собирающую линзу, а саму камеру для возможности фокусировки делали из двухдвигающихся друг в друга частей. Для устранения искажений отверстие камеры (объектив) диафрагмировалось. Использовал диафрагму, состоящую из нескольких лепестков, уже один из родоначальников фотографии – Н.Ньепс. Однако это устройство было забыто, и его «изобрели» снова много лет спустя – сейчас большинство объективов современных фотокамер снабжено ирисовой диафрагмой. С изобретением в 1839 г. Ньепсом, Дагером и Тальботом фотографии, с распространением дагерротипии и тальботипии начинается, можно сказать, эпоха создания и усовершенствования фотокамер – более современных, более совершенных и более удобных в использовании, ведь выдержка в камере-обскуре достигала 30 минут.

Уже в 1840 г. венгерский ученый И.Петцваль рассчитал и изготовил портретный объектив, по образцу которого оптики конструировали объективы почти сто лет. Тогда же Шарль Шевалье изобрел для объектива оправу, которая позволяла менять в ней линзы – это помогало изменять фо-

кусное расстояние объектива и его светосилу. А годом позже Фойхтлендер сконструировал фотокамеру для дагерротипии с металлическим корпусом и портретным объективом Петцваля.

В России первые фотографические изображения появляются в мае 1839 г. И с этого времени в процесс усовершенствования фототехники включаются отечественные изобретатели. Московский дагерротипист А.Ф. Греков в 1840 г. сконструировал первый в России фотографический аппарат оригинальной конструкции – он совмещал камеру-обскуру и отделение для проявления пластин. Камера-обскура состояла из двухдвигающихся друг в друга ящиков, наводка на резкость производилась по матовому стеклу, посредством перемещения внутренней коробки. Матовое стекло ставилось перед съемкой на место кассеты с пластинкой. В другом отделении аппарата Грекова пластины йодировались и проявлялись парами ртути.

Хорошо известная нам павильонная фотокамера с мехом была предложена С.Л. Левицким – основоположником русской профессиональной фотографии.

В 1847 г. он изготовил по собственному проекту фотокамеру, приспособив к камере-обскуре меха от русской гармоники³. Это намного снизило вес и размеры аппарата, расширило технические и творческие возможности фотографа (растягивающийся мех используют и в современных камерах).

С.Л. Левицкий изобрел и фотоаппарат с двумя объективами, в котором светочувствительная пластинка делилась на две части заслонкой. Фотоаппарат предназначался для съемки двойного портрета – снявшись один раз, портретируемый мог поменять позу, место, костюм и сняться еще. Трудность такой съемки при мокроколлоидном процессе заключалась в том, что перемены необходимо было произвести за считанные секунды, пока светочувствительная пластина была мокрой.

С 1880-х гг. изобретения шли одно за другим. Талантливый изобретатель поляк Леон Варнеке, живший в Петербурге, создал первый катушечный фотоаппарат с роликковой кассетой для фотографирования на съемный бромосеребряный коллоидный слой, нанесенный на бумажную ленту.

С ростом светочувствительности сухих бромосеребряных желатиновых фотоматериалов возникает необходимость в затворах – моментальный и шторный затворы изобретает С.Г. Юрковский. Затворы давали возможность фотографировать отдельные стадии быстрых движений. Шторный затвор сейчас широко применяется в малоформатных фотокамерах.

Для съемки в полевых условиях И.И. Филипенко был сконструирован и построен «походный фотографический прибор». Комплект – фотоаппарат и походная лаборатория – умещался в небольшом чемодане. Пла-

стина вместо кассеты помещалась в мешке. Сначала она вдвигалась в фотоаппарат, экспонировалась, затем втягивалась обратно в мешок, переносилась в коробку-лабораторию и обрабатывалась.

В 1894 г. на Российской промышленной выставке демонстрировались фотоаппараты И.И. Карпова. Наиболее интересной была зеркальная камера «Рефлекс». При съемках меха выдвигались вверх, что позволяло увидеть изображение в зеркале, которое поворачивалось в момент экспонирования, открывая доступ лучам света. По образцу «Рефлекса» позднее конструировались аппараты нескольких зарубежных фирм.

Таким образом, к концу XIX в. фотоателье всего мира были оборудованы фотокамерами как ящичного типа, так и оснащенными раздвижными мехами, при этом изобретения российских конструкторов намного расширили возможности фотографов.

Примечания

¹ См.: *Чибисов К.В.* Очерки по истории фотографии. М., 1987. С.13.

² См.: *Митчел Э.* Фотография. М., 1988. С.9.

³ См.: *Головня И.А.* С чего начиналась фотография. М., 1991. С.166.

В. Шубаев

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛЕСНОГО ВЕДОМСТВА НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (дореформенный период)

В первой половине XIX в. Урал являлся ведущим районом отечественной металлургии. История развития уральской горнозаводской промышленности тесно связана с историей лесного хозяйства, так как “горные заводы хребта Уральского” с самого начала и до XIX в. работали на древесном топливе. Увеличивающиеся с каждым годом темпы вырубок в заводских лесных дачах привели к заметному сокращению лесов. Так, в заводских дачах Гороблагодатских заводов “леса вырубались самые лучшие и ближайšie к заводам без всякого порядка, и в некоторых дачах образовались обширные степи, так, по крайней мере, их можно назвать, ибо возрождение на них лесов слишком медленно и далеко от того, чтоб предложить успешное, но даже едва возможное их устройство”¹. В условиях обострения потребности уральской горнозаводской промышленности в древесном топливе правительство предпринимает ряд мер по лесовоспроизводству и лесоохранению. По мере реализации этих усилий на Урале решались и вопросы управления лесным хозяйством.

Отношение правительства к данной проблеме нашло свое отражение в целом ряде законодательных актов, направленных на решение вопросов организации снабжения древесным углем уральских горных заводов.

Среди работ по истории лесного ведомства дореволюционного периода следует отметить труды Ф. Арнольда, В. Врангеля, Н. Шелгунова.

Ф. Арнольд в своей работе “История лесоводства в России, Франции, Германии”, которая вышла в 1895 г. в Петербурге, дал краткую историю русского лесного ведомства. По его мнению, сама идея о лесе как об объекте, имеющем государственное значение, не возникла до Петра I, основавшего лесное управление в России. Именно Петр впервые придал лесному управлению самый строгий характер, так как хоть лесов тогда еще оставалось много, но избытка строевого леса, годного на кораблестроение, уже не было в удобных для сплава местах.

В.Е. Врангель в своей книге “История лесного законодательства Российской империи” сделал обзор основных законов по лесному хозяйству, изданных к 40-м гг. XIX в. Им было выделено несколько периодов, которые, по его мнению, составляли предысторию и историю лесного законодательства. Началом лесного законодательства, по его мнению, стало царствование Алексея Михайловича, когда у казны возникает потребность в лесе. Именно тогда была сделана первая попытка подчинить часть казенных лесов особому управлению. Особенно сильно государство стало нуждаться в лесе при Петре I. Лесные законы с этого времени стали преследовать фискальную цель, что выразилось во взимании “попенных денег”.

Н.Шелгунов попытался довольно подробно изложить содержание многих законов о лесах XV – середины XIX вв. При этом автор преувеличивал роль отдельных императоров в деле сохранения лесов, в ряде случаев противореча самому себе. Так, например, он высоко оценил лесную политику Екатерины II, при которой владельцам лесов была дана полная свобода в порубке леса, что шло вразрез с лесной политикой Петра I, тоже получившей высокую оценку у Н. Шелгунова².

Из историков советского периода, изучавших развитие лесного ведомства на Урале в дореформенный период, следует отметить В.И. Крылова и Н.М. Лушникову.

В. Крылов в статье “Управление лесным хозяйством в дореволюционной России” дал его краткую историю со времен Петра I до 1917 г., где подробно показал основные структурные преобразования лесного департамента. Однако вопрос об управлении лесным делом на местах, в частности на Урале, им не был рассмотрен³.

По мнению Н.М. Лушниковой, историю лесного законодательства следует начинать с актов Древней Руси, когда происходит оформление и развитие частной собственности на лес.

Конец XVII – начало XVIII вв., согласно ее точке зрения, является важной вехой в истории лесного законодательства. В связи с созданием флота и развитием промышленности леса были объявлены государственной собственностью и были разработаны правила их эксплуатации. Одновременно шла приписка лесов к заводам, разделение лесов по ведом-

ствам. Все это требовало учета запаса леса и установления его точных границ.

В первой половине XIX в. был издан ряд законов, требовавших ведения лесного дела “по правилам” науки, был разработан и принят проект лесного устава.

В 1842 г. был издан Лесной устав, без существенных изменений переизданный в 1857 г. Он представляет наибольший интерес, по мнению Н.М. Лушниковой, с точки зрения истории развития лесного ведомства на Урале.

Этот устав явился итогом политики правительства в вопросах устройства лесного хозяйства дореформенного периода. По уставу все леса, приписанные к промыслам, заводам и фабрикам, отдавались под надзор лесного хозяйства. Леса же, приписанные к казенным заводам и отведенные к частным горным заводам, полностью изымались из ведомства лесного начальства и, как правило, передавались в подчинение горным правлениям. В обязанности горных правлений входило разрешение широкого круга вопросов, связанных с лесным хозяйством заводов: уточнение размера приграничных к заводам лесов, а также границ заводских дач, установление годовой потребности в лесах, отвод к заводам новых лесов⁴.

Проанализировав данные статьи, автор публикации пришел к выводу, что вопросам истории уральского лесного ведомства в дореформенный период исследователями было уделено мало внимания. В основном изучались проблемы истории русского лесного законодательства и центральных учреждений лесного управления. И здесь следует особо отметить работы Н.М. Лушниковой, изучавшей развитие лесного хозяйства на Урале в первой половине XIX в.

Примечания

¹ ГАСО. Ф.55. Оп.2. Д.2. С.44.

² *Шелгунов Н.* История русского лесного законодательства. СПб., 1857. С.51, 82, 213, 361.

³ *Крылов В.И.* Управление лесным хозяйством в дореволюционной России // Лесное хозяйство. 1978. N 9. С.74–77.

⁴ *Лушникова Н.М.* Лесное законодательство в России и горные заводы Урала // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1969. С.72–81.

СЕКЦИЯ IV. ИСТОРИЯ РОССИИ И ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XX В.

М. Акюль, С. Дингилиши

ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В КОНСТИТУЦИЯХ РОССИИ И ТУРЦИИ

Россия и Турция – страны, имеющие много общего. Обе находятся на территории Европы и Азии. Это говорит о смешении культур, влиянии на них со стороны Запада и Востока. Эти страны испытывали на себе влияние Запада, перенимали прогрессивные элементы. Однако эти элементы имели своеобразный характер, специфику в каждой из двух стран. Принцип разделения властей – один из таких элементов, который, будучи заимствованным, преломился, обрел новые черты в теории и практике России и Турции. Он является одним из основных принципов конституций как России, так и Турции. В статье 10 Конституции Российской Федерации установлено: “Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны”. В статьях 7, 8 и 9 Конституции Турции говорится о законодательной, исполнительной и судебной компетенциях, которые соответственно осуществляют Великое национальное собрание, президент и Совет министров, независимые суды.

Конституция Турции так же, как и Конституция России, была принята в трудное для страны время. В обоих случаях это было время политического и экономического кризиса. Конституция Турции была принята в 1982 г. путем референдума. Этому событию предшествовал военный переворот. 12 сентября 1980 г. высшее военное руководство страны взяло власть в свои руки. Созданный генералами Совет национальной безопасности во главе с начальником генерального штаба К. Эвреном распустил парламент, отстранил от власти правительство. Деятельность всех политических партий была приостановлена. Конституция Российской Федерации была также принята путем референдума 12 декабря 1993 г. Ее принятию предшествовал период политических и экономических реформ.

Сравнивая органы законодательной власти Турецкой республики и Российской Федерации, можно выделить ряд отличительных черт. Во-

первых, двухпалатность Федерального Собрания Российской Федерации и однопалатность Великого национального собрания Турции (ВНСТ). В Российской Федерации внутри законодательной власти существует система “сдержек и противовесов”. Совет Федерации сдерживает более радикальную Государственную Думу. Еще одним отличительным признаком является большая компетенция Великого национального собрания Турции в вопросе формирования правительства по сравнению с Федеральным Собранием России. Если в России Государственная Дума как палата Федерального Собрания утверждает предлагаемую президентом кандидатуру председателя правительства и не участвует в назначении министров, то в Турции Совет министров создается лидером партии, обладающей большинством в парламенте, а президент назначает на должность премьер-министра, уже создавшего правительство из членов меджлиса и утвержденного ВНСТ. Также можно выделить компетенцию парламента Турции по избранию президента, в то время как в России такая практика отсутствует. В области принятия законов можно отметить, что ВНСТ может преодолеть отлагательное вето президента абсолютным большинством голосов, а преодоление вето президента России Федеральным Собранием имеет характер долгого и сложного процесса.

Рассматривая и сравнивая органы исполнительной власти Турецкой республики и Российской Федерации, можно сделать несколько замечаний. Во-первых, в отличие от России, исполнительную власть в Турции возглавляет президент республики. Также можно отметить, что высшие органы исполнительной власти Турции фактически формируются или избираются представительным и законодательным органом – Великим национальным собранием Турции. Президент избирается меджлисом, а Совет министров формируется из членов партии, обладающей большинством в парламенте. В России же парламент лишь утверждает президентскую кандидатуру председателя правительства и за отвержение трех кандидатур президента может быть распущен. Исполнительная власть в Турции, в отличие от исполнительной власти в России, имеет право издавать постановления с силой закона.

Сравнивая органы судебной власти, можно отметить большое количество судов высшей инстанции с узкой компетенцией в Турции, а также важное место в ее судебной системе судов государственной безопасности. Конституция Турции выделяет и военные суды, наделяя их специальными полномочиями. В отличие от Конституционного суда Российской Федерации Конституционный суд Турции является одновременно и Верховным судом.

В заключение можно сделать некоторые выводы относительно разделения властей в конституциях двух стран. Разделение властей в Турецкой республике имеет более демократичный и реальный характер. Это

связано с тем, что президент входит в систему исполнительной власти. Законодательная власть так же, как исполнительная и судебная, имеет много каналов влияния на две другие ветви власти. Система «сдержек и противовесов» дееспособна. В России же, несмотря на провозглашение разделения властей и равенства их, сильная президентская власть, имеющая и законодательные, и исполнительные, и судебные полномочия и стоящая фактически выше органов каждой ветви власти, ставит под сомнение саму сущность разделения властей. Обращает на себя внимание вольное право президента на роспуск Государственной Думы при обстоятельствах весьма сомнительных и даже гипотетически спровоцированных посредством выдвижения неподходящей кандидатуры председателя правительства либо «просьбы» правительства проголосовать за доверие к нему. Президент фактически руководит исполнительной властью, не являясь формально ее главой. В области судебной власти президент имеет право выдвигать для принятия Советом Федерации кандидатуры судей и прокуроров. Надо отметить, что и президент Турции обладает весьма широкими полномочиями, но Великое национальное собрание может реально влиять на президента и преодолевать его вето. В то же время преодоление вето президента в России для законодательной власти является практически невыполнимым.

Сейчас в России идет дискуссия по введению изменений в конституцию для усиления роли законодательной власти с целью реального осуществления разделения властей. В данном случае нам может быть полезен опыт Турции. В частности, можно применить в России, конечно, с изменениями, турецкую систему взаимоотношений между законодательной властью и президентом.

И. Акулич

СТАНОВЛЕНИЕ И СВЕРТЫВАНИЕ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В ГОДЫ НЭПА

Финансово-кредитная система должна быть адекватна сложившейся рыночной экономике. Это объясняется тем, что формирование рынка влечет за собой необходимость создания инфраструктуры, которую в первую очередь представляют банки. Они являются своего рода “кровеносными сосудами”, по которым движется капитал. Так было в России и в 1920-е гг., когда существование многоукладной экономики повлекло за собой становление адекватной финансово-кредитной системы.

Сформированная в конце XIX – начале XX вв. финансово-кредитная система России была разрушена большевиками сразу после Октябрьского

переворота. Первым шагом в создании послереволюционной кредитно-денежной системы стала национализация Государственного банка Российской империи, который являлся эмиссионным центром, кассиром казначейства и крупнейшим в стране кредитором. В декабре 1917 г. на базе объединения национализированных частных коммерческих банков и банкирских контор с Государственным банком был создан единый Народный банк РСФСР, который уже в январе 1920 г. был упразднен¹. Несмотря на эти преобразования, страна продолжала испытывать острый дефицит в финансовых средствах, так как денежная система оказалась парализованной в результате изъятия из обращения значительной части денежной массы зажиточным крестьянством, национальной и иностранной буржуазией. Ситуация осложнялась также и тем, что в годы гражданской войны и иностранной интервенции на территории, находившейся в зоне военных действий, возникли многочисленные самостоятельные эмиссионные центры.

Начиная с августа 1921 г. происходит переход на новую экономическую политику (нэп), направленную на развитие государственного и кооперативного товарообмена и денежной формы товарообмена. Восстановление и развитие товарно-денежных отношений сопровождалось сложным и длительным процессом денатурализации хозяйственных связей и оплаты труда.

Начальным шагом в области восстановления кредитной системы было воссоздание в октябре 1921 г. Государственного банка РСФСР “в целях способствования развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также в целях концентрирования денежных оборотов и проведения других мер, направленных к установлению правильного денежного обращения”².

Одновременно с образованием Госбанка создавались и специализированные банки долго- и краткосрочного кредитования, вследствие чего удельный вес Госбанка снижался. Тем самым была создана многозвенная система государственных кредитных учреждений в виде отраслевых банков. Это были своего рода отделы наркоматов. Они позволяли усиливать регулирующее влияние на отрасль, так как считалось, что специализированный банк сумеет лучше выполнять кредитное обслуживание предприятий отрасли, успешнее аккумулировать средства и их перераспределять. Сфера деятельности каждого специализированного банка определялась иногда по объекту кредитования, иногда – по субъекту (составу клиентуры). При этом, однако, ни один спецбанк не вел кредитования официально закрепленной за ним отрасли в полном объеме. В результате возникал параллелизм кредитования, с чем неустанно боролись в те годы.

В период нэпа необходимо было сосредоточить финансирование государственной промышленности в одном кредитном учреждении, которое находилось бы в теснейшей связи с Всероссийским советом народно-

го хозяйства (ВСНХ). Таким кредитным учреждением стал Торгово-промышленный банк (Промбанк), созданный в октябре 1922 г. в форме акционерного общества. Одновременно с Промбанком для кредитования главным образом электрохозяйства и элекрификации было создано небольшое акционерное общество «Электрокредит». В 1924 г. оно было преобразовано в Акционерный банк по электрификации (Электробанк).

Развитие внешней торговли СССР потребовало создания специального кредитного учреждения, и 12 декабря 1922 г. в Москве был организован Российский коммерческий банк (Роскомбанк) с привлечением шведского капитала (в лице Олафа Ашберга). В апреле 1924 г. этот банк передается в ведение Наркомата внешней торговли и преобразуется во Внешторгбанк. Важное значение имело кредитование кооперации. Вначале оно было возложено на кооперативный отдел Наркомфина. Затем функции кредитования кооперации перешли к Госбанку. Чтобы наиболее полно мобилизовать ресурсы самой кооперации и объединяемого ею населения, а также улучшить кредитное обслуживание кооперативных организаций, в феврале 1922 г. был учрежден дополнительно Всероссийский Банк потребительской кооперации (Покобанк) в форме паевого кооперативного товарищества с участием Госбанка, который в феврале 1923 г. был преобразован во Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк).

Для организации общегосударственной помощи жилищному и коммунальному хозяйству и контроля над местными коммунальными банками в марте 1923 г. при Государственном банке первоначально был создан отдел коммунального кредита. Рост государственных вложений в жилищно-коммунальное хозяйство приводит к тому, что в начале 1925 г. создается Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк).

Помимо всего прочего, еще одной не менее важной задачей в период нэпа являлась организация сельскохозяйственного кредита. Постановлением II съезда Советов СССР от 1 февраля 1923 г. было принято решение об организации Центрального сельскохозяйственного банка. Следует отметить, что в построении системы сельскохозяйственного кредита сочетались государственное и кооперативное начала.

В 1922 г. была разрешена организация мелких частных паевых кредитных учреждений под названием обществ взаимного кредита (ОВК), а также ссудосберегательных и кредитных обществ. Широко распространенные общества взаимного кредита предназначались для кредитования частной промышленности и торговли, городских кооперированных ремесленников и кустарей. С начала 1923 г. создается на новых началах система местных сельскохозяйственных банков — обществ сельскохозяйственного кредита. Их учредителями были Госбанк, Наркомзем и Всекобанк. Для обслуживания частной клиентуры организовывалась сеть кредитных

учреждений. К ним относились коммунальные ломбарды, сберегательные кассы, сбережения которых полностью обращались на поддержку кредитных операций государства.

Во второй половине 1920-х гг. в кредитно-денежной системе страны начинаются серьезные трудности: обнаружилась несовместимость банковской системы с общей структурой народного хозяйства. Развивающаяся промышленность и торговля все больше и больше нуждались в кредитах. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства выявили необходимость перестройки системы кредитования. Первым шагом в этом направлении стал декрет ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. «О принципах построения кредитной системы»³. Согласно ему были уточнены компетенция и взаимоотношения между отдельными кредитными учреждениями. Прежде всего декрет был направлен на усиление централизованного планового руководства кредитной системой и доминирующей роли Госбанка.

С этого момента прослеживается тенденция к централизации управления кредитом, которая неизбежно должна была привести к устранению его коммерческих основ, превращению в разновидность централизованного финансирования. Появляется конкуренция между Государственным банком и специализированными банками. Именно тогда встает вопрос о разделении клиентуры между всеми банками с отведением каждому определенного круга организаций. Итогом такого разделения явилось то, что некоторые отрасли оказались «разорванными» между банками. Отдельные отрасли кредитовались одновременно и параллельно различными кредитными учреждениями.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. в стране сформировалась довольно разветвленная сеть банковских учреждений, состоявшая из Государственного банка, за которым сохранялась лишь функция общего регулирования, и специализированных кредитных учреждений. Данная система была довольно эффективна в условиях многоукладной экономики. Только в начальный период деятельности сети спецбанков (1923–1924 гг.) в народное хозяйство было инвестировано 541 млн рублей банковских средств, в 1925–1927 гг. – уже 3418 млн рублей. Причем 83 % вложений составляли краткосрочные ссуды, и 50 % из них приходилось преимущественно на легкую промышленность⁴. Следует отметить, что перспективы развития были, но начавшееся в 1927 г. реформирование кредитной системы свело их на нет.

Примечания

¹ Поляков В.П., Московкина Л.А. Основы денежного обращения и кредита. М., 1995. С.170.

² Мехряков В.Д. Развитие кредитных учреждений в России. М., 1996. С. 97.

³ Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет. М., 1939. С.51.

⁴ Новиков А. Спецбанки в период нэпа // Страницы истории банков и банковской деятельности в России. М., 1997. Вып. III. С.104.

**НЕВИЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН И УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ:
АЛЬТЕРНАТИВЫ КУРСА БРИТАНСКИХ
КОНСЕРВАТОРОВ В 1929–33 гг.**

Период с 1929 по 1933 гг. был чрезвычайно важным для Англии. Во-первых, страна оказалась в тисках Великой депрессии, которая резко обострила внутривнутриполитическую борьбу. Во-вторых, в те годы консервативная партия уступила первое место лейбористам и перешла в оппозицию. Среди членов партии возросло недовольство ее лидером С. Болдуином, которого обвиняли в этой неудаче. Витал вопрос о его замене, и здесь реальными претендентами на пост лидера партии могли стать хорошо известные политики Невилл Чемберлен и Уинстон Черчилль.

Несмотря на принадлежность к одной партии, их политические взгляды серьезно расходились по многим проблемам. Из них на первое место в 1930–32 гг. в силу целого ряда причин вышла индийская проблема.

У. Черчилль, аристократ по крови и духу, был державником, убежденным сторонником централизованной колониальной империи. Он горячо доказывал, что английское владычество над Индией должно остаться неизблемым. Он утверждал, что общественный порядок и тот прогресс, который имел место в Индии, объясняются действиями англичан, что индийцы не смогли бы самостоятельно достигнуть такого уровня развития. Ратуя за жесткий контроль над населением Индии и за решительное подавление недовольства, он не понимал, что эти меры устарели и что одним лишь насилием индийский народ нельзя удержать в повиновении.

Н. Чемберлен же мыслил более реалистично. Он сознавал, что для сохранения былого величия Британии необходимо делать подвластным землям некоторые уступки, поэтому он в указанный период выступал за введение в Индии ограниченного самоуправления с перспективой получения ею статуса доминиона. Он хотел предоставить не только индийской аристократии, но и промышленным и финансовым кругам возможность участвовать в управлении собственной страной, одновременно сохраняя в целом британский контроль над общим развитием Индии.

Аналогичных взглядов придерживались и С. Болдуин, и вице-король Индии лорд Ирвин, и большая часть консервативной партии. Когда У. Черчилль понял, что он оказался в явном меньшинстве, он вышел из теневого кабинета и принял с поразительной энергией объединять вокруг себя ту часть партийной верхушки, которая стремилась избавиться от С. Болдуина. Тем самым он начал борьбу за руководство в партии и за пост ее лидера, и эта борьба поначалу казалась не совсем безнадежной затеей.

Однако У. Черчилль расходился с большинством и по другим важным вопросам, в частности относительно путей выхода из кризиса. По

крайней мере до 1932 г. он был убежденным фритредером. А его соперник, Н. Чемберлен, как и его отец, горячо отстаивал идею протекционизма. Он стремился установить высокие таможенные пошлины на ввоз иностранных товаров, а внутри империи, наоборот, сохранить свободу торговли. Правда сначала он хотел защитить английский рынок даже от импорта из доминионов. Был в его жизни и период, когда он временно отошел от идеи протекционизма, но потом вернулся к прежней позиции.

Эту идею разделяло не только большинство консервативной партии, но и Манчестерская торговая палата, и Экономический комитет Британского конгресса тред-юнионов, и собрания крупнейших банкиров и предпринимателей. И хотя силы были явно не равны, упрямство У. Черчилля на долгое время сохраняло своеобразный раскол консервативной партии в этом вопросе.

Н. Чемберлен стремился обострить отношения У. Черчилля с партийной элитой не потому, что мечтал стать лидером партии. Его цель состояла в том, чтобы не допустить на этот пост У. Черчилля, на что имелось несколько причин. Во-первых, между ними существовали серьезные политические разногласия. Во-вторых, У. Черчилль был человеком сильным и решительным, и он никому не позволил бы оказывать на себя давление. Наконец, Н. Чемберлен всегда смотрел на Черчилля неприязненно, называл его “юнцом” и “выскачкой”.

Н. Чемберлен не нуждался в официальном первенстве. Он и без того играл важнейшую роль в определении политики партии. Слабохарактерного С. Болдуина он почти полностью подчинил своему влиянию. В 1930 г. он стал главой административного центра партии и получил еще большую власть, хотя официально лидером оставался С. Болдуин.

В августе 1931 г. в результате серьезных политических перегруппировок было сформировано “национальное правительство” во главе с Р. Макдональдом. Через два месяца состоялись внеочередные выборы, на которых консервативная партия получила 473 места в парламенте. Это был крупный успех, он означал, что новое правительство имеет весьма широкую поддержку в стране.

Н. Чемберлен занял в новом кабинете второй по значимости пост канцлера казначейства. Он выступил инициатором рискованной операции по сокращению пособий для рабочих. Несмотря на бурные негодования среди малоимущих слоев населения, эти меры были проведены. Н. Чемберлен, конечно, понимал, что такой способ выхода из кризиса не самый лучший: он много лет имел дело с рабочими и знал, что ухудшать их положение, и без того тяжелое, опасно. Однако в данный момент такой шаг был необходим, так как позволял сэкономить значительные средства, и он был проведен вопреки протестам профсоюзов и ряда левых организаций.

В новом кабинете Н. Чемберлен, в целом, имел сильные позиции и нередко оказывал давление на самого премьер-министра Р. Макдональда, навязывая ему свое мнение. В марте 1932 г. при его прямом участии был проведен закон о десятипроцентной пошлине на импорт. Однако для колоний и доминионов пошлины не вводились. Был составлен список товаров, не подлежащих обложению: в первую очередь, в него вошли продукты питания и сырье из стран Содружества. Впоследствии вопрос о повышении или снижении пошлин решался специальным органом, учрежденным по замыслу Н. Чемберлена, – Совещательным комитетом по тарифам. Этот комитет непосредственно зависел от канцлера казначейства, а значит, Н. Чемберлену предоставлялась возможность изменять размер пошлин, вести переговоры с другими странами “с позиции силы”, давать или отбирать у доминионов определенные привилегии.

Летом 1932 г. Чемберлен был главной фигурой английской делегации на конференции в Оттаве, где велись переговоры с представителями доминионов. Предстояло завершить тарифные реформы в масштабе всей империи. В итоге были подписаны двенадцать соглашений, которые ввели систему имперских преференций, т. е. тарифных предпочтений собственных или имперских товаров импорту из третьих стран. Доминионы также получили гарантии, что для ввоза из других стран пошлины будут достаточно высоки, чтобы обеспечить реальное преимущество “своих” экспортеров.

Результаты конференции оказались не столь уж впечатляющими, как ожидали ярые приверженцы тарифной реформы. Тем не менее, введение протекционизма наряду с другими факторами способствовало экономическому оживлению и подъему в Англии в 1932–35 гг. Этим еще раз была подтверждена правильность общего курса “национального правительства”, который в решающей степени определял Н. Чемберлен. Он очень высоко оценивал значение этих нововведений и часто повторял, что наконец-то сбылась многолетняя мечта его отца, Джозефа Чемберлена.

У. Черчилль в это время довольствовался ролью аутсайдера в консервативной элите и заднескамеечника – в палате общин. Он оказался в решительной оппозиции к С. Болдуину и Р. Макдональду и не хотел работать под их руководством. Ему пришлось заняться не столько политической, сколько литературной деятельностью: он начал писать шеститомную “Жизнь Мальборо”, повествующую о его знаменитом предке. Возможно, здесь тоже имелся свой расчет: поддержать свою известность, теперь уже в качестве писателя, и подчеркнуть свое аристократическое происхождение.

В 1931–32 гг. У. Черчилль путешествовал по Канаде и США. Там он уделял большое внимание живописи и верховой езде и, совмещая приятное с полезным, старался завязать как можно больше знакомств среди влиятельных людей в англоязычном обществе. Все это способствовало расширению его кругозора и углублению его опыта.

В 1932 г., собирая материал для своего произведения, он посетил Германию, проехав по местам сражений герцога Мальборо. Там он в полной мере ощутил атмосферу нарастания германского реваншизма. Ему стало понятно, что возрождение германского милитаризма при нацистах представляет собой серьезную опасность для Европы вообще и для Англии в частности. Он даже хотел встретиться с А. Гитлером, чтобы лучше понять фюрера, но тот, узнав об антинацистских высказываниях У. Черчилля, отказался принять его. После этой поездки У. Черчилль убедился, что Германия – главный враг Англии, и стал выступать за перевооружение британской авиации и флота. Вообще, в отличие от многих британских политиков, он всегда правильно оценивал значение техники в войнах XX в.

Таким образом, сравнительное исследование политических взглядов двух видных деятелей консервативной партии в 1929–33 гг. показывает, что позиции Н. Чемберлена в целом оказались достаточно реалистическими и позволили решить ряд сложных проблем, стоявших в тот период перед Британией и ее империей, тогда как концепции У. Черчилля в большинстве случаев страдали утопичностью и непродуманностью и вполне резонно были отвергнуты широкой публикой и консервативной партией. Это обстоятельство вместе с сохранявшимися их острым личным соперничеством в решающей степени определило своеобразную внутрипартийную поляризованность двух видных деятелей консерваторов вплоть до вступления Великобритании в войну в сентябре 1939 г.

А. Васильева

ТЕАТРЫ ПЕТЕРБУРГА НА РУБЕЖЕ XIX – XX вв.

Театр – это средоточие жизненных сил общества. Он не может существовать вне общества и не подвергаться его воздействию.

Русский театр рубежа XIX – XX вв. неразрывно связан с изменениями в обществе и культуре России того времени. Рубеж веков – это эпоха перемен, во всех сферах жизни. Это время, когда общество начинало выходить из состояния апатии, вновь проявляя стремление к изменению сложившейся ситуации. Это эпоха быстрого подъема экономики страны, обострения социальных проблем, а также время развития в культуре разнообразных направлений и жанров. И русский театр, являясь частью культуры, тоже не стоял на месте. Он постоянно изменялся, чутко улавливая новые веяния и отражая их на сцене.

Вообще, основным направлением искусства данной эпохи был модернизм. Его влияние можно увидеть и в литературе, и в театре, и в живописи, скульптуре, архитектуре.

Русская поэзия переживала “серебряный век”, который длился фактически первые пятнадцать лет XX в. Эти 15 лет дали русской культуре

немало крупных поэтов и писателей, среди которых А. Блок, В. Маяковский, А. Ахматова, Н. Гумилев, З. Гиппиус и др.

В живописи и скульптуре также осуществляется поиск новых средств художественного выражения. Чрезвычайно популярными становятся пейзаж и портрет, причем даже в этих классических жанрах чувствуется стремление к новому.

Начало XX в. было временем дальнейшего расцвета сценического искусства. Петербург, являясь столицей Российской империи, был центром культурных вибраций. Исследователи пишут об эстетическом взрыве, происходившем на рубеже веков. Здесь возникают новые театры, формируются объединения, общества, где обсуждаются проблемы современности; возрастает роль художественной критики, которая стремится не столько рассказать об определенном художественном событии, сколько связать это событие с культурной ситуацией, проанализировать его и найти закономерности развития искусства в целом.

В то время в Петербурге было три императорских театра (Александринский, Мариинский и Михайловский) и большое количество частных театров. Самыми известными были: театр Литературно-артистического кружка, который более известен как театр А.С. Суворина; театр В.А. Неметти; Новый театр Л.Б. Яворской; Общедоступный театр П.П. Гайдебурова и Н.Ф. Скарской; Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской; “Кривое зеркало”; Троицкий театр миниатюр, а также окраинные театры в рабочих районах (сцены Попечительства о народной трезвости и Невского общества народных развлечений и др.).

Инновации в петербургских театрах начала XX в. связаны прежде всего с репертуаром и драматургией, с искусством декорации и режиссурой. Кроме того, именно в это время русский императорский, а затем и частный театр впервые в истории русского сценического искусства выезжает за границу.

Модернизм, проявившийся в русском искусстве XX в., не мог не отразиться на театральном репертуаре. В это время в театре сталкиваются полярные точки зрения. С одной стороны, символисты стремились к восстановлению чистого искусства. Они не ограничивались только критикой существующего театра, а пытались создать что-то новое, свое. Попытки эти выражались в создании не только новых символических пьес, но и новых театральных сцен в Петербурге.

С другой стороны, быстро возникают театры миниатюр, интимные театры, театры фарса. Именно тогда происходит некоторое опошление жанра фарса и оперетты, поскольку наиболее популярными становятся фарсы с раздеванием (до нижнего белья), с канканом, с сюжетами вокруг интимных отношений и т.д. Большое распространение получает также легкая комедия, своей сюжетикой тяготеющая к пикантности.

Происходят изменения и в искусстве декорации. Впервые для постановки новых пьес в Александринском театре были привлечены художники-консультанты и археологи. В это же время формируются высокие требования к постановке пьес – они должны быть тщательно поставлены и хорошо срепетированы. Поэтому на должность режиссера в Александринский театр принимаются образованные люди и не похожие на прежних.

В начале XX в. происходит ознакомление Европы с русской театральной традицией. Сначала за границу выезжают актеры-одиночки, а затем и труппы. Этот процесс был начат поездкой ведущей актрисы Александринского театра М.Г. Савиной. По ее стопам пошли Л.Б. Яворская, затем П.Н. Орденов и др. Новый этап завоевания западных подмостков наступает с первой поездки МХТ в начале 1906 г. После этого русское искусство стремительно завладевает зарубежной сценой.

Поскольку Петербург в начале XX в. был столицей Российской империи, поэтому все культурные, экономические и политические инновации концентрировались и наиболее ярко отражались именно здесь. Театры Петербурга не только диктовали “моду” театрам всей страны, но и впитывали в себя и развивали все новое, что появлялось в театрах России. Петербург обладал определенным, отличным от Москвы, театральным вкусом – он умел сочетать старое и новое, прошлое и нравственное, причем делал это спонтанно. В результате мы пришли к выводу, что театры Петербурга имели огромный творческий и новаторский потенциал, который фактически был сведен на нет революцией 1917 г.

П. Головатина

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕНД-ЛИЗА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Политическая ситуация в нашей стране оказывала немалое влияние на характер и направления исследования ленд-лиза. В годы Отечественной войны помощь союзников в целом оценивалась положительно и всячески приветствовалась. На завершающем этапе боевых действий и в период “холодной войны”, когда усилилась конфронтация между союзниками, в отечественной историографии оформилась тенденция к занижению размера, значения и качества помощи. Причем, главным образом, уделялось внимание поставкам вооружения и игнорировались другие виды поставок, которые и составляли большую часть союзнической помощи. Эта тенденция сохранялась в официальной историографии вплоть до середины 1980-х гг. Советские историки вслед за Н.А. Вознесенским определяли размер помощи в 4 % от общего объема производства СССР в годы войны. Начиная с середины 1980-х гг., и особенно в последнее десяти-

тилетие, отечественные историки пытаются совместно с зарубежными коллегами оценить реальный вклад каждой страны в победу. Проводятся международные конференции, появляются совместные исследовательские проекты, растет число публикаций.

В настоящее время оформились следующие направления исследования. Рассекречивание архивов и открытие госхранов способствовали расширению представлений о размерах, качестве и спектре поставок. Появляется ряд работ, рассматривающих отдельные виды поставок, пути и формы доставки союзнической помощи по ленд-лизу. Т.е. происходит более детальное освещение поставок, проводится оценка ленд-лиза по отдельным видам поставок.

Несмотря на своего рода конкретизацию исследований, на наш взгляд, не полностью проанализировано общее экономическое значение ленд-лиза. Известно, что в денежном выражении поставки по ленд-лизу оцениваются разными авторами от 9,8 до 11,3 млрд долларов. Но при этом забывают, что ленд-лиз – это особая форма помощи, при которой материалы, использованные во время войны, уничтоженные, утраченные или оказавшиеся непригодными для дальнейшего применения, не подлежали оплате. Долг СССР, т.е. те виды вооружения, оборудования, материалов, которые сохранились и использовались после войны, оценивается в 722 млн долларов – достаточно большую сумму. Таким образом, мы получили своеобразный кредит для восстановления народного хозяйства. Дальнейшая разработка этого направления требует участия ученых-экономистов.

При оценке экономического значения ленд-лиза в отечественной историографии нет глубокого анализа, намечены лишь отдельные направления исследований, которые требуют в дальнейшем детальной разработки. Результаты исследований последних лет показывают, что ленд-лиз охватывал все отрасли экономики нашей страны. Но до сих пор нет общей картины значения поставок для функционирования советской промышленности в годы войны. Это связано со сложностью задачи. Хотя сегодня, вероятно, и можно найти документы и материалы, раскрывающие механизм распределения поставок по отраслям народного хозяйства, районам, конкретным предприятиям, но их анализ – это колоссальная работа, требующая времени и людских ресурсов, что в современной ситуации вряд ли возможно в ближайшее время.

На наш взгляд, проблему можно решить следующим образом. Рассмотреть экономическое значение поставок по ленд-лизу для развития народного хозяйства не всей страны, а на примере отдельного региона. При этом важно выбрать регион, игравший ключевую роль в функционировании экономики. Таким, на наш взгляд, можно считать Урал. Конечно, найти необходимые документы об экспортных поставках на отдельные предприятия или в отрасли региона не менее сложно, чем о поставках для

страны в целом, поэтому мы считаем, что возможен другой путь. С одной стороны, существуют публикации о работе уральской промышленности в военные годы. С другой – в некоторых современных исследованиях выделены отдельные виды и категории поставляемых союзниками материалов и оборудования, в которых особенно нуждалась наша страна. Сравнивая их, можно оценить размеры помощи по ленд-лизу нашей экономике военных лет и соответственно вклад в достижение общей победы.

Кроме того, получая новые станки и оборудование, наши специалисты познакомились с новыми технологиями, достижениями инженерной мысли. Это в дальнейшем способствовало развитию нашей промышленности. Данный аспект помощи требует более тщательного освещения. Ко всему прочему, слабо разработана еще одна проблема – моральная сторона ленд-лиза. Столкновение советских людей, живущих в условиях доминирования коммунистической идеологии, с фактом помощи “враждебных” капиталистических держав сказалось в дальнейшем на развитии демократических принципов в нашей стране.

Ю. Запарий

МИРОТВОРЧЕСКАЯ МИССИЯ ООН В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ В 90-е гг. XX в.

Последнее десятилетие уходящего века было омрачено “конфликтами нового поколения”. Под этим термином принято понимать чреватые серьезными и многообразными негативными последствиями конфликты, которые создают реальную международную угрозу даже в тех случаях, когда они являются внутрисударственной проблемой¹. Данному определению соответствует вооруженный конфликт в Боснии и Герцеговине 1991–1995 гг.

В связи с рядом социально-политических процессов, возникших в союзной Югославии, которые привели к ее распаду, произошел конфликт между центральной и местной элитой, поддержанной рядом европейских государств. Ставка была сделана на развал страны посредством раздела этого славянского государства по конфессиональному принципу. Конфликт перерос в вооруженное противостояние. Это не могло оставить равнодушной общественность Европы и мира, что нашло свое отражение в миротворческой миссии ООН.

В связи с обострением ситуации в зоне конфликта, грубыми нарушениями прав человека и норм международного права, Совет Безопасности на основании глав 6 и 7 Устава ООН принял решение о мерах по регулированию ситуации в данном районе. Началась операция по поддержанию мира. В районе конфликта были развернуты Силы ООН по охране

мира (СООНО). Резолюцией Совета Безопасности № 781 от 9 октября 1992 г. был наложен мораторий на все военные полеты над Боснией, кроме самолетов миссий ООН. Выполнение этого моратория было возложено на силы ООН. Согласно резолюциям Совета Безопасности ООН № 819 от 16 апреля и № 824 от 6 мая 1993 г. на этой территории были созданы зоны безопасности.

В связи с обстрелом воюющими сторонами зон безопасности, Совет Безопасности ООН резолюцией № 836 от 4 июня 1993 г. принял решение об использовании воздушных сил для усиления роли миротворческих сил ООН при защите указанных зон. В результате использования авиаударов и вмешательства войск ООН, силы сербской стороны были подорваны.

В результате наступления мусульман установилось военное равновесие между конфликтующими сторонами. В итоге сербы и мусульмане стали заинтересованы в ведении мирных переговоров с международными организациями в роли посредников. В ходе переговоров на американской военно-воздушной базе недалеко от Дейтона, штат Огайо (США), была достигнута договоренность об окончании военных действий в Боснии и заложены основы миротворческого процесса. Рамочные соглашения о мире в Боснии и Герцеговине были парафированы 21 ноября 1995 г.

Однако прекращение военных действий не означало полного искоренения причин конфликта. Предстояло решить более сложную задачу – построения нового государства на демократических началах и обеспечения прав человека. Дейтонские соглашения создали законодательную базу для широкого международного присутствия как военных сил, так и представителей международных организаций.

Дейтонские соглашения создали федеративное государство с группировкой населения на своих “титულных” территориях. Это объективно ведет к созданию предпосылок к развитию Боснии и Герцеговины в национальные государства. Суверенитет Боснии и Герцеговины существенно ограничен размещением международных сил по выполнению соглашения и внешним участием в органах власти и институтах государства (в комиссиях по правам человека, по делам беженцев, Конституционном суде и др.).

Необходимо отметить, что современная миссия ООН во многом определяется положениями Дейтонских соглашений. Важнейшими функциями современных миротворцев в Боснии и Герцеговине являются: переход от СООНО к Силам по выполнению Соглашения (СВС), как это предусмотрено в приложении 1-А к Мирному соглашению, а также координация деятельности ООН по выполнению Мирного соглашения; доставка гуманитарной помощи, поддержка беженцев; разминирование территорий и объектов; обеспечение соблюдения прав человека; осуществление проведения демократических выборов; восстановление инфраструктуры и экономики.

Миссия Организации Объединенных Наций в Боснии и Герцеговине (МООНБГ) была основана решением Совета Безопасности ООН 21 декабря 1995 г. и действует по настоящее время. Специальным представителем Генерального секретаря является Элизабет Рен (Финляндия), она же возглавляет миссию. Полковник Детлеф Булвит (Германия) возглавляет полицию. На начало 1999 г. общая численность миссии (сотрудники полиции) составляла 1995 гражданских полицейских наблюдателей из более 40 стран мира². Всего за время проведения операции погибло шестеро членов МООНБГ.

С момента создания в декабре 1995 г. по июнь 1999 г. утвержденные расходы МООНБГ должны были составить 502,1 млн долларов США в валовом исчислении, а сумма неизрасходованного остатка — 21,1 млн долларов США в валовом исчислении³.

В соответствии с Приложением № 11 Дейтонских соглашений были созданы полицейские силы. Перечислим возлагаемые конкретно на Специальные международные полицейские силы (СМПС–ООН) функции: мониторинг, наблюдение и проверка правоохранительной деятельности и объектов, консультирование сотрудников и сил правоохранительных органов; подготовка персонала правоохранительных органов; содействие в осуществлении сторонами правоохранительной деятельности; консультирование органов власти в Боснии и Герцеговине относительно организации эффективных гражданских правоохранительных органов; помощь сотрудникам правоохранительных органов.

В 1998 – 1999 гг. МООНБГ проводила реформу и реорганизацию полиции. Сотрудники миссии ООН наблюдали за работой полиции, реорганизацией и реформой полицейского аппарата, оценивали состояние судебной системы и предпринимали меры по укреплению правовой системы в плане защиты прав человека. МООНБГ придерживалась стратегии привлечения к данному процессу высших должностных лиц в Республике Сербской и Федерации Боснии и Герцеговины путем прикрепления к ним советников СМПС и проведения серии совещаний между представителями министерств внутренних дел обоих образований.

Еще одной важной проблемой для МООНБГ стал город Брчко, в котором в настоящее время действуют три полицейские службы, поскольку по решению арбитража здесь предусматривается создание единых многоэтнических полицейских сил. Это единственные на сегодняшний день многоэтнические полицейские силы в Республике Сербской и эти силы могут использоваться в качестве примера для других общин в Республике Сербской, и в Федерации. Руководители МООНБГ считают, что привлечение представителей меньшинств к работе и создание совместных патрулей позволят стабилизировать ситуацию и облегчат работу полиции в общинах, в которые начали возвращаться представители меньшинств.

Таким образом, деятельность МООНБГ показывает, что процесс урегулирования ситуации в Боснии и Герцеговине, в целом, идет по плану, обозначенному Дейтонскими соглашениями. Однако идея фактического разделения народа по национальному признаку не всегда срабатывает, что подтверждает опыт совместных патрулей, накопленный СМПС.

Сложной задачей до сих пор является утверждение самостоятельных политических институтов в Боснии и Герцеговине. Практически не разработанным остается вопрос о разоружении, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов (т.е. лиц, принимавших участие в вооруженных конфликтах). Совет Безопасности признает в одном из своих последних докладов, что разоружение, демобилизация и реинтеграция должны рассматриваться не изолированно, а как непрерывный процесс, который основывается на более широких усилиях по обеспечению мира, стабильности и развития и укрепляет их. Опыт миссии ООН в Боснии и Герцеговине очень важен для последующих подобных операций, поскольку она включала в себя несколько этапов – операции по поддержанию мира, по принуждению к миру и по выполнению мирных соглашений.

Таким образом, пример миротворческих операций в Югославии свидетельствует о возможности и даже необходимости вмешательства мировой общественности в местные вооруженные конфликты с целью их прекращения. Однако реальное решение конфликтов возможно только с учетом интересов всех сторон, без нанесения кому-либо ущерба. Дейтонский процесс встретил неоднозначную оценку специалистов, однако само его наличие способствует наработке опыта в решении возможных международных конфликтов.

Примечания

¹ Морозов Г. Миротворчество и принуждение к миру // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 2. С.60.

² Официальный документ ООН. S/1999/284.

³ Официальный документ ООН. A/53/800.

А. Кораблева

ОТНОШЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ К СОВЕТСКОМУ ОБЩЕСТВУ: ЗА И ПРОТИВ

Высказывать в России правдивые мысли всегда было небезопасно. Это приводило, как правило, к печальным последствиям: тюрьмам, ссылкам, иным формам изоляции человека от общества.

Другое дело – иностранцы. Возвращаясь на родину из нашей страны (были, правда, и такие, кому это не удавалось, и они разделяли судьбы российских правдоискателей), они могли открыто поведать миру обо всем,

что видели, слышали, что чувствовали, знакомясь с нашими порядками, специфическим бытом наших людей.

Автору данной работы хотелось бы уделить преимущественное внимание отношению иностранцев к “советскому человеку”, так как именно граждане Советской страны оказывали колоссальное впечатление на иностранных визитеров. Для изучения данной темы были использованы воспоминания иностранцев, побывавших в СССР в 1930–40-е гг. – Джона Скотта, работавшего в 1930-е гг. на строительстве Магнитогорского металлургического комбината, а также писателей Андре Жида и Леона Фейхтвангера.

Джона Скотта, несомненно поразили примитивные условия жизни и нищета, но несколько не меньше изумили его энергия и целеустремленность, проявлявшиеся буквально во всем. В Магнитогорске он увидел неграмотных людей, учившихся читать, и неквалифицированных рабочих, овладевших умением работать на станках и управлять оборудованием. Он видел, как полуголодные и плохо одетые рабочие трудились на комбинате по шестнадцать часов подряд без перерыва.

По мнению А. Жида, нигде отношения с людьми не завязываются с такой легкостью, непринужденностью, глубиной и искренностью, как в СССР.

Таким образом, жители Советского Союза прямо-таки восхищались иностранцев своей радостью, общительностью и бесконечным энтузиазмом по поводу строительства нового общества. Это действительно поражало, тем более, что в других странах граждане, как говорит сам Л. Фейхтвангер, в основном непрерывно жаловались на свои правительства, несмотря на то, что их уровень жизни был несравненно выше уровня жизни граждан СССР.

В оценке общественного мнения в СССР 1930-х гг. А. Жид и Л. Фейхтвангер используют один термин – конформизм. Л. Фейхтвангер сводит конформизм в Советском Союзе к трем пунктам, а именно: к общности мнений по вопросу об основных принципах коммунизма, всеобщей любви к Советскому Союзу и к разделяемой всеми уверенности, что в недалеком будущем СССР станет самой счастливой и самой сильной страной в мире. Интересно замечание А. Жида о том, что в СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение. “Впрочем сознание людей сформировано таким образом, что этот конформизм им не в тягость, он для них естественен, они его не ощущают, и не думаю, что к этому могло бы примешиваться лицемерие...”

В целом, иностранцев, конечно, поражала колоссальная работоспособность и трудолюбие советских граждан. Однако мы можем наблюдать практически полярные мнения по этому вопросу.

Л. Фейхтвангер писал: “... мне бросилась в глаза как раз исключительная деловитость, активность, трудолюбие москвичей, которые мчат-

ся по улице с сосредоточенными лицами, торопливо пересекают мостовую, теснятся на станциях метро, бросаются в трамвай, суетятся всюду, как муравьи.”

Интересно узнать мнение Джона Скотта по этому вопросу, ведь он провел пять лет непосредственно на производстве в Магнитогорске. Он приводит следующий пример: “Недостаток рабочей силы усугубляется большими потерями рабочего времени, вызванными в основном “абсентизмом” – прогулами – старым русским обычаем просто не выходить на работу, либо не выходить на следующее утро после выпивки, либо просто не хотелось идти на работу”. А “стахановское движение”, по мнению А.Жида, было замечательным изобретением, чтобы встряхнуть народ от спячки. В стране, где рабочие привыкли работать, “стахановское движение” было бы не нужно. Но здесь, оставленные без присмотра, они тут же расслабляются, считал писатель.

Что касается идеологии, то особенно тщательно эти вопросы освещены у А. Жида. Его поразила безликость людей и быта, и все это при всеобщем счастье. Главную причину этого счастья писатель видит в прерывании всяких связей с зарубежными странами, т. е. людям попросту не с чем было сравнивать свою жизнь. “Их счастье – в надежде, в вере, в неведении”.

В общем взгляд иностранцев на СССР отличается оригинальностью. Его нельзя назвать беспристрастным, но все же это было мнение лиц, в основном мало заинтересованных в том, что подумает и скажет о них советское руководство, т. е. людей относительно свободных в своем творчестве и более или менее искренних в своих убеждениях.

А. Коровкин

**К ВОПРОСУ ОБ “ЭСЕРОВСКИХ ИЗВРАЩЕНИЯХ”
И “ПСЕВДОСОВЕТСКИХ РАБОТАХ” В ИЗУЧЕНИИ
“ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ”
В 1920-х гг.**

Характерной чертой советской историографии являлось отсутствие концептуального динамизма. По вполне понятным причинам изучение большинства тем отечественной истории XX в. находилось под жестким контролем партийного руководства. Подобная ситуация не могла не отразиться и на современной историографической ситуации. Осмысление некоторых сюжетов русской истории XX в. продолжает, по нашему мнению, оставаться под гипнозом ленинских постулатов. Так, сравнительно мало новизны ощущается в изучении “демократической контрреволюции”.

В связи с вышеизложенным для современной исторической науки было бы полезным, по нашему мнению, обратить внимание на те отечественные работы, которые создавались в период 1920-х гг. и попали впоследствии в разряд “идеологически вредных”. При изучении историографии “демократической контрреволюции” к этому разряду могут быть отнесены такие категории исторических работ, как мемуары, публицистические издания, собственно исторические труды.

Еще советская историография отмечала, что для мемуаристики гражданской войны характерно стремление к привлечению документальных источников и некоторых методов научного исследования проблемы. Это обстоятельство позволяет отнести значительное количество мемуаров в разряд явлений историографического порядка.

О значимости мемуарной литературы для историографии “демократической контрреволюции” говорит тот факт, что сам этот термин был введен в научный оборот благодаря воспоминаниям И. М. Майского. Заслуженный мемуаристов является не только выдвижение концепции “третьего пути”, но и выражение своих собственных взглядов на ход Уфимского совещания (Н.В. Святицкий, Л. Аргунов), политическую ситуацию к моменту создания Директории (В.Л. Утгоф, В.Г. Болдырев), Западно-Сибирский комиссариат (Г.К. Гинс), уральское правительство (Л.А. Кроль). Особенно ценным представляется личностный подход к истории, характерный в изучении “демократической контрреволюции” лишь для мемуаристики.

Менее ценными, но все же недостойными забвения, являются публицистические брошюры издательства “Народ”, представлявшего интересы одноименного политического движения. Данные работы можно считать первыми очерками истории Комуча. Среди авторов этой группы следует назвать К. Буревого, И.И. Ракитникова, к ним примыкает Н.В. Святицкий.

Собственно научные публикации, признанные идеологически неблагонадежными, появлялись в большинстве случаев в провинциальных научных центрах, где политический контроль не был столь ощутим. Известный советский историограф В.П. Наумов упоминает, в частности, о целой группе сибирских авторов, которые “сделали попытку доказать, что пролетариат и крестьянство Сибири оказали поддержку эсеро-меньшевистским “правительствам””.

Выбиваются из общей картины советской историографии и работы П.С. Парфенова. При всей обоснованности упреков П. Парфенову в отношении слабой достоверности его источников нельзя не признать, что представленная им концепция “демократической контрреволюции” в Сибири является одной из интереснейших по этой теме. Наибольшей критике подвержена статья П.С. Парфенова о восстании славгородских крестьян, в которой при всем антиэсеровском пафосе отмечается, что крестьяне восстали исключительно из-за злоупотреблений местных властей при про-

ведении мобилизации². Наиболее серьезным трудом П.С. Парфенова является монография “Гражданская война в Сибири 1918–1920 гг.”. Значительная часть этой работы посвящена периоду “демократической контрреволюции”. Говоря о ее гибели, автор выдвигает оригинальную концепцию “двух переворотов”. По его мнению, свержение советской власти происходило сразу на двух уровнях – центральном, где к власти пришли эсеро-областнические организации, и местном, “где фактическими хозяевами положения ... стали начальники гарнизонов, коменданты”³ и другие далекие от демократии силы. Это и привело к изначальной обреченности демократической контрреволюции. К сожалению, несмотря на то что эта идея не противоречила официальной идеологии, она так и не была взята на вооружение советской исторической наукой.

Практически все вышеупомянутые работы были признаны советской историографией “псевдосоветскими”, а то и вовсе “эсеровскими извращениями”. Однако во многом благодаря историографическим работам, в которых, пусть негативно, но все же рассматривались идеологически неблагоприятные авторы, у советских историков была возможность ознакомиться с этой группой исторических работ.

По нашему мнению, для разработки новых подходов к изучению “демократической контрреволюции” исторической науке было бы полезно обратиться к работам 1920-х гг., когда наблюдался большой диапазон мнений и гипноз ленинских постулатов еще не ограничивал исследование проблемы.

Примечания

¹ Летопись героической борьбы. М., 1972.

² Парфенов П.С. Сибирские эсеры и расстрел славгородских крестьян в августе 1918 года // Пролетарская революция. 1922. № 7.

³ Там же. С. 38.

С. Куницкий

РАЗВЕДОРГАНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ПРОБЛЕМА ИНФОРМИРОВАННОСТИ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА ОБ АГРЕССИВНЫХ НАМЕРЕНИЯХ ГЕРМАНИИ (1939–41 гг.)

Тезис о “вероломном нападении” Германии на СССР 22 июня 1941 г., объяснявший трагические неудачи первых месяцев войны, как бы предполагал, что советская разведка не справилась со своими функциями, т. е. вовремя не предупредила руководство страны о надвигающейся угрозе. Однако появившиеся в последние годы мемуарные и документальные публикации свидетельствуют о том, что объем информации об угрозе германской агрессии был велик. Что же представляла собой эта разведин-

формация, и почему советское руководство не предприняло адекватных этим данным мер?

В 1930-е гг. и внешняя разведка НКВД, и Разведуправление РККА сумели создать агентурный аппарат в основных европейских странах, в том числе в фашистской Германии, где их агентура имела доступ к секретным документам министерства иностранных дел, руководства НСДАП, разведывательных органов, полиции, гестапо, отдельных немецких посольств. Ценная информация по Германии поступала и из третьих стран, особенно из Великобритании, где высокоэффективно работала группа агентов, позднее ставшая известной как “кембриджская пятерка”¹.

Обрушившиеся в 1937–38 гг. на разведку репрессии отрицательно сказались на ее деятельности. Было отозвано и ликвидировано подавляющее большинство сотрудников и руководителей зарубежных резидентур и агентов-нелегалов. В результате чисток обе структурные части разведки потеряли до 80 % профессиональных сотрудников, что привело к разрыву связи с ценнейшей агентурой за рубежом. Многие из того, что удалось подготовить для плодотворной работы, было разрушено, намеченные мобилизационные и оперативные мероприятия почти перестали проводиться. Однако к началу 1940 г. агентурные позиции в значительной мере были восстановлены. Другим негативным следствием репрессий явилось ухудшение взаимоотношений между ИНО НКВД и Разведупром РККА. Постепенно закреплялось подчиненное положение военной разведки, а предоставляемая ею информация зачастую воспринималась в удобном для сталинского окружения духе.

Учитывая эти обстоятельства, становится ясно, что советская разведка не получила полной информации о стратегических планах германского руководства, а также о предшествующих агрессии политических акциях. О принятом Гитлером 22 июля 1940 г. решении начать разработку плана войны против СССР советская разведка узнала в декабре 1940 г., когда уже была подписана директива № 21 – операция “Барбаросса”. Сведения же о самом плане, поступавшие на протяжении первой половины 1941 г., представляли собой противоречащие друг другу донесения, в которых по-разному определялись направления вторжения вермахта, в том числе направление главного удара, и сроки начала военных действий. Вплоть до июня 1941 г. наиболее ценные источники в Германии – “Корсиканец” и “Старшина” – четыре раза изменяли дату начала агрессии и три раза вообще ставили под вопрос возможность нападения на СССР. Именно здесь проявилось недоверие к военной разведке. Р. Зорге (“Рамзай”), имевший доступ в германское посольство в Японии, предоставил исчерпывающую информацию о намерениях Германии. Эта информация должна была рассматриваться наиболее внимательно, так как Япония как союзник Германии получала действительно надежные сведения. Но рож-

денное репрессиями отношение к армии и военной разведке диктовало иную линию восприятия ее данных².

С марта 1941 г. поток информации о военных приготовлениях Германии усилился. Однако разведка тогда не оценила совокупности добытых сведений, не проанализировала поступившей информации. В то время существовал порядок докладывать руководству страны каждый материал в отдельности, в таком виде, в каком он поступал, без аналитической оценки и комментариев. Стремясь быть в курсе всего и оставляя за собой функции анализа развединформации, И. Сталин в некоторой степени обесценивал работу разведки. Будучи должной советскому руководству в разобленном виде, информация о военных приготовлениях не создавала сколько-нибудь убедительной и целостной картины происходящих событий, т. е. не отвечала на главные вопросы: с какой целью осуществляются эти приготовления? принято ли руководством Германии политическое решение о нападении? когда следует ожидать агрессии? каковы будут стратегические и тактические цели военных действий?

Сведения о военных приготовлениях не могли убедительно свидетельствовать о политическом решении Германии начать войну. Это вносило определенные сложности в оценку советским руководством развединформации.

Другим важным обстоятельством, затруднявшим принятие правильного решения, была широкая дезинформационная кампания, проводившаяся Германией. Очень опасным было доведение до советской разведки направленной информации, выработанной в рамках этой кампании. Трагедия разведки состояла в том, что информацию о якобы готовящемся ультиматуме, который бы предшествовал началу войны, без преднамеренного умысла отражали в своих сообщениях практически все источники, что подкрепляло иллюзию о ее достоверности. Тем более что ход ультиматумом вполне укладывался в логику действий Гитлера.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что оперативные структуры советской разведки в целом справились со своей задачей. Ослабленная репрессиями, разведка сделала практически все, что было в пределах ее возможностей. Однако, добыв максимально возможный объем информации и предоставив его советскому руководству, разведка не смогла повлиять на процесс оценки добытых сведений. Руководство СССР полагалось не на весь комплекс данных, а только на сообщения отдельных источников, что не позволило дать однозначный ответ на вопрос о намерениях Германии летом 1941 г.

Примечания

¹ Царев О., Костелло Д. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ. М., 1995. Гл. 4–5.

² Календарь сообщений "Корсиканца" и "Старшины" // Воен.-ист. журн. 1995. № 5.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В “СКАЗКАХ СТАРОЙ АНГЛИИ” Р. КИПЛИНГА

Два сборника рассказов Р. Киплинга – “Пак с холма Пука” и “Награды и феи” – вышли в свет в начале XX в. и сразу же стали мировой классикой. Через 10 лет, в середине 1920-х гг., они уже были переведены на 27 языков. В нашей стране полный перевод этих произведений появился лишь в середине 1990-х гг.

Один из основных вопросов при изучении этих сборников связан с определением жанра повествования. На первый взгляд кажется, что перед нами беллетризованная история, популярный пересказ исторических событий для детей. Но история Англии у Киплинга предстает в своеобразном преломлении: здесь на равных действуют люди и боги, реальные исторические персонажи и мифологические существа. В таком случае следует определить жанр сборника как историческую легенду, близкую к мифу. Но здесь необходимо вспомнить, что английская литературная сказка всегда опиралась на миф (творчество Биссет, Барри, Трэверс и др.), тогда мы должны определить жанр сборников точно так же, как и жанр “Книги джунглей”, – перед нами литературная волшебная сказка, тесно связанная с легендой и мифом.

Вторая особенность этих сборников заключается в том, как Киплинг трактует историю своей страны. Историкам (особенно российским) свойственно рассматривать историю страны как историю одного народа. Когда же речь идет о вмешательстве других этнических групп, они говорят о войнах, нашествиях и завоеваниях. Киплинг стоит на других позициях. Его Англия – это в равной степени страна пиктов и римлян, кельтов и норманнов, саксов и нормандцев. Все они внесли свой вклад в историю “старой Англии”, и все они являются полноправными историческими персонажами.

Специфичен Киплинг и в выборе героя: им в равной степени может стать и великий, и маленький человек. Судьбу Англии определили и Иоанн Безземельный, и безвестный ростовщик-еврей; перед историей все равны – и Вильгельм Завоеватель, и английский контрабандист.

История эта рассказана детям, но герой Киплинга – мифический Пак не пытается ее смягчить. В истории любой страны есть свои “темные пятна” – это тоже история, и не нам, а тем более не духу “доброй старой Англии” ее править.

**ПРОТИВОБОРСТВО США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
СО СТРАНАМИ ОСИ НА СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ
ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
(октябрь 1942 – май 1943 гг.)**

Осенью 1942 г. на важном театре военных действий второй мировой войны – Средиземноморском – развернулись события, повлекшие за собой изгнание стран оси с Африканского континента. В конце октября началось наступление 3-й английской армии с рубежа Эль-Аламейн, 7–8 ноября произошла высадка англо-американских войск в Марокко и Алжире – ситуация изменилась в пользу западных держав.

Английские авиация и флот имели подавляющее превосходство в регионе. Снабжение немецко-итальянских войск Э. Роммеля постепенно ухудшалось из-за потопления авиацией и подводными лодками союзников большей части предназначенных для него транспортов. Господство союзников на море во многом определило неудачный для стран оси исход североафриканской кампании.

Оборону в Триполитании Э. Роммель считал невозможной, так как все позиции там могли быть легко обойдены англичанами. Поэтому он предлагал уйти из Триполитании и закрепиться в Тунисе. Гитлер же категорически настаивал на удержании Триполитании как плацдарма для нового наступления. Это мнение разделяли главнокомандующий немецкими силами в Средиземноморье А. Кессельринг и начальник итальянского генштаба У. Кавальеро. Они считали, что противник в ходе наступления утратил свою мощь и может быть остановлен в Триполитании даже слабыми силами. Необоснованность этих взглядов вскоре стала очевидной, когда контрнаступление советских войск под Сталинградом и на Кавказе резко ослабило возможности усилить войска Э. Роммеля.

Тем временем в Тунисе создавался плацдарм вермахта против 1-й и 8-й армий союзников. С 10 ноября 1942 г. в Тунис начали прибывать немецкие части (всего пять дивизий). Позднее прибыли итальянские части (три дивизии). Они были сведены в 5-ю танковую армию генерала Ю. фон Арнима. Его назначение ликвидировало единоначалие в командовании войсками стран оси в Африке, что также неблагоприятно сказалось на дальнейшем ходе событий.

Э. Роммель предполагал, создав оборонительный рубеж против 8-й армии, нанести быстрый удар против англо-американских войск, разбить их и отбросить в Алжир, обезопасив себя с запада, затем провести быструю передислокацию и нанести мощный удар по Б. Монтгомери.

Эти удары Э. Роммель планировал нанести для того, чтобы выиграть время для эвакуации закаленных в боях немецких дивизий в Европу с

целью формирования на их основе сил отражения высадки союзников в Италии. В длительной перспективе, как верно полагал Э. Роммель, ни Ливию, ни Тунис удержать было невозможно в силу складывавшейся в тот период общей стратегической ситуации в ходе мировой войны и особенно безнадежных для Германии перспектив битвы в Атлантике.

Но взгляды Э. Роммеля решительно отвергались Гитлером. Кроме того, испытав поражения, Э. Роммель утратил часть бывшего авторитета и теперь в решающий момент не мог настоять на своем перед итальянским командованием, которому были подчинены армии стран оси в Тунисе. Многое в успехе операции зависело от действий войск, подчиненных не Э. Роммелю, а Ю. Арниму, что осложняло выполнение плана.

14 февраля 1943 г. была прорвана оборона 2-го американского корпуса, части вермахта преодолели перевал Кассерини. Замысел Э. Роммеля нанести удар через Тебессу в направлении основных коммуникаций союзников с их алжирскими базами был одобрен в Риме только 19 февраля и в урезанном виде: удар наносился не на Тебессу, а на север – на Талу. В результате обходной маневр получился недостаточно глубоким: удар был нанесен именно там, где ждали его союзники, и успеха не имел. 22 февраля Э. Роммель прекратил наступление и начал отход.

Кроме явного опоздания с созданием единого командования, отрицательно сказалась и потеря времени, лишившая контрнаступление внезапности. Ю. Арним нанес удар по позициям союзников в районе города Тунис и тем самым сорвал переброску немецких дивизий против 8-й армии. Поэтому наступление там началось только 6 марта, и это позволило Б. Монтгомери подтянуть резерв. В итоге наступление Э. Роммеля захлебнулось в тот же день.

По мнению Б. Лиддел Гарта, немцы только растратили силы в таких бесплодных ударах. Сохранив свои скудные резервы, они могли значительно продлить борьбу. При последовательном выполнении плана Э. Роммеля “африканские качели” могли двинуться с новой силой. А после провала этих контрударов Э. Роммель уже не сомневался в необходимости своевременной эвакуации войск из Туниса.

В результате наступления Б. Монтгомери на линию Марет 16–28 марта 1-я итальянская армия маршала Мессе оставила свои позиции.

Несмотря на весьма значительное превосходство в силах, союзникам долго не удавалось сломить искусно организованное сопротивление, и успех пришел за счет внезапной переброски бронетанковой дивизии на противоположный фланг для удара по отсечной позиции, т. е. обходного действия.

6 апреля одновременно был нанесен удар 8-й армией у Вади-Акарит и американским корпусом с рубежа Гафса, Фондук на восток. Позиции у Вади-Акарит пришлось спешно оставить. Попытка 9-го корпуса союзни-

ков отрезать пути отхода противника не увенчалась успехом. Это означало, что на заключительном этапе североафриканской кампании войска союзников, постоянно “нависая” над арьергардами противника, так и не окружили сколько-нибудь значительных его сил.

Новые оборонительные позиции армий оси протянулись от Анфидавия до мыса Серрат. Пытаясь слабыми силами оборонять два важнейших объекта (Тунис и Бизерту), Германия и Италия предоставили союзникам возможность нанести удар по любому из них.

Заключительное сражение в Тунисе прошло довольно скоротечно. Александр, полагая, что противник ожидает главный удар на юге силами 8-й британской армии, решил нанести его в центре, где были сосредоточены четыре дивизии. Остальные части 8-й армии должны были атаковать на юге сковать противника.

Перегруппировка завершилась к 4 мая. Немецкое командование не могло раскрыть перемещений сил противника, так как авиация союзников господствовала в воздухе. 5 мая оборона немцев на направлении главного удара была прорвана. 7 мая были заняты Бизерта и Тунис. Бои завершились 12 мая, в плен попало около двухсот пятидесяти тысяч человек, из них около половины – немцы.

Таким образом, Гитлер, лишив Э. Роммеля летом 1942 г. крайне необходимых ему двух танковых дивизий, сорвал вполне реальную возможность захвата армией “Африка” Суэцкого канала. А именно сохранение британского плацдарма в Египте позволило союзникам с конца октября – начала ноября 1942 г. осуществить в целом успешную кампанию в Северной Африке. В итоге Гитлер для удержания Туниса вынужден был перебросить больше сил, чем ранее было достаточно для захвата Египта. И главное, немецкие войска в Тунисе оказались в ловушке. Между тем они могли составить основу заградительных сил на Сицилии и в других районах Европы, где ожидалась высадка союзников.

Одной из главных причин изгнания держав оси из Северной Африки была сильная скованность вермахта на советско-германском фронте – главном фронте второй мировой войны. Однако важную роль играли и другие факторы: явно неадекватный уровень руководства боевыми действиями в Северной Африке из Берлина и, прежде всего, непрофессиональное вмешательство Гитлера в действия Э. Роммеля, двусмысленная ситуация во взаимоотношениях Э. Роммеля и итальянского верховного командования, которому тот в принципе подчинялся, наконец, неспособность Берлина и Рима обеспечить даже минимально необходимый объем военного снабжения через Средиземное море.

С учетом этих факторов, а также огромного перевеса сил западных союзников следует признать, что сопротивление держав оси в Северной Африке оказалось неожиданно упорным и длительным. Это, в свою оче-

редь, оказало немалое влияние на разработку дальнейшей стратегии борьбы США и Великобритании и на общий ход второй мировой войны.

А. Ожиганов

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА КОЛЧАКА (историография вопроса)

Хотя историография гражданской войны в России и, в частности, Восточного фронта весьма обширна, исследований, касающихся внешней политики правительства Колчака, очень мало. Со стороны советских историков интерес к этой проблеме возник сразу после окончания гражданской войны, еще в 1920-е гг. Об этом свидетельствуют краткие предисловия и введения к подборкам документов из архива МИД Омского правительства, попавшего к красным в Иркутске, опубликованные в журналах “Пролетарская революция” и “Красный архив”. Некоторые аспекты истории внешней политики белых правительств, в том числе правительства Колчака, представлены в одной из первых научных монографий по истории гражданской войны – в книге Н.Е. Какурина “Как сражалась революция” (М.; Л., 1925, 1926), без упоминания которой не обходится ни один историографический обзор, что закономерно. Рассматривая внешнюю политическую обстановку и историю правительства Колчака, Н.Е. Какурин охарактеризовал отношение держав Антанты к белым правительствам, проследил историю взаимоотношений Омского правительства с интервентами и их влияние на ход военных действий. При этом автор неоднократно подчеркивал полную зависимость А.В. Колчака от “высоких покровителей” в лице интервентов. Среди работ советских историков 1920-х гг. также необходимо упомянуть о двух книгах И. Субботовского и М. Левидова, посвященных интервенции в России. Первая отличается тем, что представляет собою пересказ основных документов МИД с публицистическими комментариями. Вторая же является настоящим исследованием, но ориентированным на внешнюю политику союзников. В 1920-х гг. вышло еще несколько трудов об истории колчаковщины и гражданской войны на востоке, так или иначе затрагивающих внешнеполитическую деятельность правительства Колчака. В 1930 и 1932 гг. были опубликованы воспоминания и дневники иностранных представителей в Сибири генералов У. Грэвса и М. Жанена, затрагивающие некоторые внешнеполитические вопросы.

Последовавший после этого 20-летний перерыв в изучении данной темы объясняется закрытием советских и западных архивов, что делало невозможным проведение оригинальных исследований. Но и после второй мировой войны, когда открылись дипломатические архивы Англии и

США и началась широкая публикация их документов, исследователи сосредоточились на внешней политике не колчаковского правительства, а союзников. К тому же их волновали не причины неудачи белого движения, а история советско-западных отношений и истоки “холодной войны”. Это произошло также в силу традиционного подхода к белым в советской историографии, в которой прочно укоренилась мысль, что правительство адмирала Колчака было, как и все прочие белые правительства, “марионеткой империалистов”, а А.В. Колчак играл роль их ставленника (работы А.В. Березкина, Ф.Д. Волкова и др.). Подобной же точки зрения придерживался советский историк Б.Е. Штейн. В своей книге, посвященной перипетиям так называемого “русского вопроса” во время Парижской мирной конференции, созванной для подведения итогов первой мировой войны в 1919 г., он осторожно пытался указать на факт существования белой дипломатии. Однако, трактуя известную телеграмму А.В. Колчака, адресованную в начале июня 1919 г. “Совету четырех” в Европу, советский автор видел в ней не более чем пособническое согласие Верховного правителя России на расчленение страны, хотя из текста названного послания, добросовестно процитированного самим же Б. Штейном, можно совершенно недвусмысленно понять, что самостоятельность Финляндии, Польши, Бесарабии, Прибалтики и Кавказа А.В. Колчак оговаривал обязательным условием разрешения этого вопроса общероссийским Учредительным собранием.

Со второй половины 1960-х гг. в советской историографии наметились новые подходы с привлечением новых данных из архивов, хотя белой политике уделяется по-прежнему мало внимания. Среди литературы 1970–80-х гг. можно выделить два сборника статей об интервенции и гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке, вышедших в Новосибирске и во Владивостоке, работы С.Г. Лившица и М.И. Светачева об интервенции в Сибири, а также исследования Г.З. Иоффе и Н.Г. Думовой, посвященные белым, с краткими экскурсами в их внешнюю политику. Тем не менее внешняя политика правительства Колчака как специальная тема оставалась вне научных интересов советских исследователей, ибо точка зрения проигравших и сошедших с исторической сцены не была для них актуальной.

Лишь в последние годы в связи с устранением ограничений на использование архивных документов из спецхранов и снятием идеологического пресса появился целый ряд работ, в которых предпринята попытка комплексного подхода к поставленной проблеме и даются новые оценки внешнеполитического курса Омского правительства. Среди них необходимо отметить статью С.Ф. Фоминых, раскрывшую перипетии дипломатического признания правительства адмирала Колчака союзниками по Антанте, коллективную работу питерских историков “Интервенция на Се-

веро-Западе России (1917–1920 гг.)”, в которой рассматривается история борьбы омского МИД против отделения Финляндии и Прибалтики, а также статьи и диссертацию А.В. Шмелева “Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.)”. Данная работа является первым специальным изысканием по этой теме, основанным на широком круге новых и малоизученных источников. Автор стремится опровергнуть стереотипную оценку Омского правительства как “марионеточного” и определить роль белой внешней политики в формировании политики иностранных держав, в привлечении их помощи и моральной поддержки в деле защиты русских интересов. А.В. Шмелев считает, что хотя Омское правительство было слабым и зависимым, оно пыталось проводить самостоятельный курс в внешней политике, несмотря на неодобрение западных держав. Он видит в этом не реакционность и ненасытную национальную гордость белых, а защиту стратегических интересов и национальной безопасности России.

А. Плюснин

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ И СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В рамках данной темы целесообразно остановиться прежде всего на международных аспектах объединения Германии, непосредственно затрагивавших интересы СССР и ФРГ и урегулированных в результате интенсивных переговоров.

Впервые понимание советской стороной международных аспектов объединения было сформулировано в выступлении министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварнадзе в политической комиссии Европарламента в декабре 1989 г. Вот некоторые из выдвинутых условий: определение места Германии в европейских военно-политических структурах; создание гарантий того, чтобы объединение не нанесло ущерба безопасности других стран; признание Германией существующих европейских границ и отказ от любых территориальных притязаний; решение вопроса о военном потенциале Германии; урегулирование проблемы присутствия иностранных войск на ее территории и др. Таким образом, в этом выступлении был очерчен круг первоочередных вопросов, по которым впоследствии развернулась основная дискуссия.

Однако, несмотря на то что основные вопросы, которые предстояло решить, были определены, оказалось, что в Советском Союзе не было конкретных представлений о путях и методах объединения Германии. Советское руководство также не определило и жизненно важных интересов своего государства в германских делах.

Наиболее характерными чертами политики советского руководства в период объединения Германии были непоследовательность и полное отсутствие инициативы. Кроме того, политика в этом вопросе определялась узким кругом лиц во главе с М.С. Горбачевым, без должного обоснования и обсуждения с компетентными специалистами и учреждениями и явно не поспевала за бурными темпами объединения, заданными из ФРГ. Хотя разработки ученых-германистов и специалистов предлагались нашему руководству, но их мнение, как правило, игнорировалось.

Советское руководство не сумело воспользоваться даже тем, чем была готова пожертвовать западногерманская сторона, хотя здесь следует отметить, что процесс объединения Германии объективно требовал больших уступок с советской, чем с западногерманской стороны. В России до сих пор идут дискуссии о том, что М.С. Горбачев во время переговоров с канцлером Г. Колем в июле 1990 г. с легкостью, без серьезных встречных уступок с западногерманской стороны согласился на членство объединенной Германии в НАТО. При этом сторонники М.С. Горбачева утверждают, что иного пути не было, а противники считают, что этот шаг явился предательством национальных интересов.

Думается, что вопрос об участии или неучастии объединенной Германии в НАТО понимался советской стороной первоначально нереалистично, были попытки добиться неучастия объединенной Германии в НАТО. Руководство ФРГ твердо заявило с самого начала, что оно не жертвует членством своей страны в Североатлантическом союзе даже ради решения германского вопроса, и эту позицию поддержали основные союзники ФРГ по НАТО. Хотя возможное неучастие ФРГ в военной организации НАТО поддерживала Франция. Скорее всего и у советского руководства в тех условиях не было иного выбора, как согласиться на членство объединенной Германии в НАТО.

Следует признать, что советское руководство действительно не использовало всех возможностей для отстаивания интересов собственной страны, однако это не относится к вопросу о членстве ФРГ в НАТО.

Реально советская сторона могла бы выторговать у Запада заметную помощь для реформирования экономики и добиться более благоприятных условий вывода Западной группы войск. Общая сумма, выделенная ФРГ для России, составила 12,55 млрд немецких марок, что, очевидно, далеко не соответствовало ни затратам России, ни значительно большим финансовым возможностям Германии, которая лишь на операцию “Буря в пустыне”, направленную против Ирака, одновременно выделила 17 млрд марок.

В целом, объединение Германии произошло по сценарию, не выгодному ни для СССР, ни для ГДР, а именно путем самоликвидации ГДР. Можно сказать, что западногерманской стороне удалось добиться почти

невозможного в небывало короткие сроки. При этом объединение было достигнуто мирным путем, без угроз и применения силы, при общем одобрении соседей как на Западе, так и на Востоке.

Объединение Германии и впоследствии развал СССР коренным образом повлияли на международное положение Германии и России, на изменение баланса сил в Европе и мире и оказывают и продолжают оказывать значительное воздействие на формирование и развитие двухсторонних российско-германских отношений.

С. Потапов

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ И ТИХООКЕАНСКОГО ТЕАТРОВ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ У. ЧЕРЧИЛЛЯ И Ф. РУЗВЕЛЬТА (1942–1943 гг.)

Проблема взаимодействия главных театров военных действий (далее – ТВД) стала ключевой при выработке англо-американской “большой стратегии” ведения второй мировой войны. Ф. Рузвельт и У. Черчилль оказывали основополагающее влияние на этот процесс, исходя из собственного понимания национальных интересов и учитывая военные потенциалы США и Великобритании и общий ход мировой войны.

В январе-ноябре 1942 г. Черчилль был серьезно озабочен неудачами в Африке, на Дальнем Востоке и развитием событий на восточном фронте, но при этом твердо оспаривал американский план организации в 1942 г. даже ограниченной высадки в Европе. По-прежнему ключевым для британских интересов премьер-министр считал средиземноморский ТВД, а следовательно, англичане не могли проводить крупные операции против Японии.

Ф. Рузвельт, санкционируя отвлечение на данном этапе большей части наличных военных ресурсов США на Тихий океан, тем не менее поддержал идею Дж. Маршалла подготовить план высадки во Франции, что, будучи ответом на желание Москвы отвлечь значительную часть вермахта с востока, в то же время могло бы стать реальным действием англо-американской стратегии создания “предполя” в Европе на случай решительной победы летом – осенью 1942 г. одного из противников на восточном фронте. Но, летом 1942 г. постепенно происходит эволюция взглядов президента: высадка в Европе откладывается, все больше внимания уделяется Средиземноморью. В результате Ф. Рузвельт согласился с проведением операции “Торч”. Президент правильно оценил значение европейского стратегического поля борьбы и не дал увлечь себя призывами

сосредоточиться в 1942 г. на Тихом океане. В этот период взгляды У. Черчилля вписывались в более широкий контекст взглядов Ф. Рузвельта на проблему взаимодействия европейских и тихоокеанского ТВД.

С осени 1942 г. на новом этапе войны У. Черчилль, подчеркивая необходимость “гибкой стратегии”, предлагал продолжить давление на страны оси с североафриканского плацдарма, заслужив репутацию автора “средиземноморского варианта” наступления на Германию, который исключал возможность высадки во Франции в 1943 г. и значительно ограничивал масштабы операций на Тихом океане. Сам У. Черчилль в ряде случаев предпочитал не замечать этого, но его военные советники убеждали в неосуществимости предполагаемых премьер-министром крупных наступательных операций на других, кроме средиземноморского, театрах военных действий.

Ф. Рузвельт, в отличие от премьер-министра, сразу осознав значение возможных последствий Сталинградского контрнаступления и возможного приближения сроков открытия “второго фронта” в Европе, в переписке с И.В. Сталиным в конце ноября – середине декабря 1942 г. настойчиво убеждал того в необходимости спешной встречи “большой тройки” – в пределах декабря 1942 – февраля 1943 гг. – с целью согласования правил “политической игры” в Европе в период вступления в нее войск СССР, США и Великобритании. С учетом этого президент допускал возможность высадки союзников во Франции в 1943 г. Несмотря на отказ И.В. Сталина, Ф. Рузвельт настоял в решениях конференции в Касабланке (январь 1943 г.) на сохранении свободы выбора направления главного удара летом – осенью 1943 г. Когда стало очевидным, что ситуация на востоке Европы в феврале – мае 1943 г. не оправдала оптимистических взглядов Вашингтона на быстрое крушение вермахта, Ф. Рузвельт и У. Черчилль пришли к согласию о реальности высадки во Франции весной 1944 г.

В сентябре – октябре 1943 г. между западными лидерами возникли серьезные разногласия относительно начала подготовки будущей операции “Оверлорд”, что ставило под вопрос осуществление плана вторжения во Францию в мае 1944 г. Британские военные инстанции в этом вопросе были скорее на стороне американцев, а не своего премьер-министра. В качестве альтернативы У. Черчилль пытался усилить приоритет не только средиземноморского, но и тихоокеанского ТВД. Очевидно, премьер-министр, в отличие от Ф. Рузвельта, отставал от понимания изменения общей ситуации в ходе мировой войны и “железной” необходимости учитывать твердую позицию Москвы в вопросе разделения тяжести борьбы с Германией.

Кроме того, Ф. Рузвельт понимал, что возникает реальная угроза промедления с появлением англо-американских войск в Западной Европе, а это ставило под вопрос установление геостратегического господства со-

юзников в данном регионе. Придавая все большее значение проблеме взаимодействия восточноевропейского и потенциального западноевропейского ТВД и учитывая готовность Москвы к этому, Ф. Рузвельт твердо взял курс на выработку соглашения с И.В. Сталиным, принуждая У. Черчилля отказаться от лелеемой им “периферийной стратегии”. Такое соглашение было достигнуто в Тегеране. Причем высокая степень совпадения глубины и уровня стратегического мышления Ф. Рузвельта и И.В. Сталина привела к серьезному ослаблению взаимопонимания двух западных лидеров по проблеме взаимодействия европейских и тихоокеанского ТВД.

Осознание У. Черчиллем неизбежности принятия общекоалиционной стратегии “большой тройки” смягчило разногласия премьер-министра и президента на встрече в Каире. В декабре 1943 г. между ними был достигнут компромисс относительно некоторого повышения удельного веса тихоокеанского ТВД в перечне приоритетов “большой стратегии” западных держав.

В целом, в 1942–43 гг. военно-стратегические взгляды У. Черчилля часто отставали от динамики мировой борьбы, были слишком тесно связаны с сугубо британскими европейскими и имперскими интересами. В то же время военно-стратегическое мышление Ф. Рузвельта было, как правило, адекватно общей логике мировой борьбы, соотношению сил двух противоборствующих коалиций и реальной роли каждого из сколько-нибудь важных театров военных действий в общем ходе мировой войны в 1941–43 гг.

СЕКЦИЯ V. УРАЛ В XX ВЕКЕ

Н. Брылунова

БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СПЕЦКОНТИНГЕНТОВ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К началу Великой Отечественной войны на Урале находились многочисленные контингенты спецпоселенцев и заключенных. В годы войны их число значительно увеличилось, в том числе и за счет представителей репрессированных народов Северного Кавказа, немцев Поволжья, калмыков, крымских татар и др. Одна из основных целей изоляции этих людей от общества определялась дешевизной их рабочей силы. Именно этой цели была подчинена и вся система содержания спецконтингента, рассчитанная лишь на поддержание трудоспособности при минимуме затрат. Высокие потери “человеческого материала” являлись вполне естественным следствием такого содержания. Компенсировались эти потери за счет рекрутирования в ГУЛАГ все новых групп населения, которые объявлялись враждебными по отношению к существующему строю.

Заключенные, спецпоселенцы и “мобилизованные” немцы имели различный правовой статус, по которому должны были предусматриваться различия в режиме содержания, организации труда и быта. Однако эти различия были мало заметны на фоне главной цели изоляции этих групп населения от общества.

Для размещения переселенных на Урал людей создавались замкнутые спецпоселки из расчета 100–500 семей на один поселок. Тех спецпоселенцев, кого направляли работать в сельском хозяйстве, обычно расселяли в порядке уплотнения среди местного населения. Различными указами и законодательными актами предусматривалось наделение спецпоселенцев жилой площадью из расчета 3 кв. м на человека. Однако реально на одного человека приходилось 1,5–2,0 кв. м жилой площади. Люди жили в бараках, землянках, банях, амбарах, складах, клубах и даже в шалашах. Зачастую в помещениях не было дверей, печей; в окнах не было стекол. Дети, женщины и мужчины спали на нарах все подряд, на голых досках.

“Мобилизованные” немцы и заключенные содержались в отдельных лагерных пунктах, обнесенных колючей проволокой, с вооруженной охраной; трудармейцев также селили в специальных зонах при промышленных предприятиях. Жилищные условия в лагерях были не лучше, чем в спецпоселках. Например, в Воркутлаге заключенные жили в палатках и бараках

со сплошными нарами. Лишь ударники труда и часть инженерно-технического персонала (они составляли около 3,3 % заключенных) жили в бараках с вагонной системой размещения. В среднем на одного заключенного приходилось 1,05 кв. м жилой площади. Часто заключенные и трудармейцы из-за отсутствия в землянках и бараках нар спали прямо на земляном полу. Кроме того, спецпоселенцы, трудмобилизованные и заключенные спали в рабочей одежде, без одеял, простыней; не имели смены белья.

Жилищно-бытовые условия трудмобилизованных начали несколько улучшаться лишь с лета 1943 г.: норма жилья была увеличена до 2,0 кв.м на человека; сплошные нары были заменены на индивидуальные, вагонного типа. А с 1945 г. были ликвидированы ограждения вокруг зон, где дислоцировались трудармейцы.

Таким образом, жилищно-бытовые условия спецконтингентов носили крайне неудовлетворительный характер, санитарные нормы грубо нарушались. Положение усугублялось злоупотреблениями, халатностью руководителей, в ведении которых находились эти контингенты. Холод, теснота, антисанитария провоцировали частые болезни и высокую смертность спецконтингентов. Тяжелая работа, трудности с акклиматизацией – все это также приводило к тому, что организм спецпоселенцев, трудармейцев и заключенных быстро “изнашивался”, дряхлел; шансов на выживание у них было очень мало.

При этом роль спецпоселенцев, трудармейцев и заключенных в экономике страны была очень значительна. Например, в 1943–1944 гг. доля контингентов НКВД в структуре рабочего класса Урала составляла около 30 %. Наибольшая концентрация спецконтингентов на Урале наблюдалась в Молотовской, Свердловской, Челябинской областях. Так, в октябре 1946 г. в Молотовской области насчитывалось 115 436 спецпоселенцев, “мобилизованных” немцев и заключенных; в Свердловской – 113 746, в Челябинской – 51 865 человек.

Таким образом, система применения принудительного труда в полной мере использовала собственных граждан в качестве источника дешевой рабочей силы, не считалась с “производственными” потерями “человеческого материала”, моральными и этическими нормами и принципами.

Оценивая и сравнивая бытовые условия жизни спецпоселенцев, трудармейцев и заключенных в годы военного лихолетья, однозначные выводы сделать трудно. На наш взгляд, бытовое положение спецпоселенцев и заключенных было одинаково тяжелым. В то же время спецпоселенцы были более свободными (не имели постоянной охраны, как заключенные; могли быть размещены в порядке уплотнения среди местного населения). В целом же, несомненно, следует признать, что условия жизни как спецпоселенцев, так и трудмобилизованных и заключенных были очень тяжелыми, надежды на улучшение положения у них не было.

МЕДЕПЛАВИЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА УРАЛЕ В 1917– 1941 гг.

В настоящее время политики и экономисты много говорят о необходимости восстановления отечественной промышленности, при этом опираясь в основном на зарубежный опыт в оценке ситуации. Зачастую не проводятся аналогии с историческим прошлым, не используется собственный исторический опыт. В различных отраслях промышленности, в том числе и в медеплавильной, в настоящий момент не работают либо работают не на полную мощность многие предприятия, существуют проблемы с поставками сырья, оборудования, с организацией управления производством в условиях рынка.

В нашей истории уже бывали периоды полного развала промышленности, которые преодолевались тяжелым трудом, невероятными усилиями народа, но тем не менее успешно. Речь идет, в частности, о состоянии медеплавильной промышленности после 1917 г. Участие России в первой мировой войне, потребовавшее огромных затрат человеческих и материальных ресурсов, кровопролитная гражданская война, ввергшая страну в хаос и беззаконие, – все это привело к потере квалифицированных работников, разрывовыванию оборудования, затоплению рудников, т. е. полному прекращению производства в отрасли на Урале. Ни одно из предприятий, национализированных в 1917 г., не работало в 1920 г.

Первая советская медь была получена 5 мая 1922 г. на восстановленном Калатинском заводе. Вскоре были восстановлены: Пышминско-Ключевский завод (1923–1924 гг.), проработавший два года, Карабашский завод (25 мая 1925 г.), Кыштымский завод (октябрь 1922 г.), Баймакский медный завод (Башкирия) (1924 г.). Но заводы работали не на полную мощность и не удовлетворяли потребности страны в меди.

В 1925 г. трест Уралмедь был переведен из Невьянска в Екатеринбург по распоряжению Уралпромбюро. Проблему расширения производства рассматривали высшие органы управления, в том числе Совет Труда и Оборона, который в 1925 г. принял ряд постановлений, в частности № 161 от 10 июня и № 168 от 29 июля, о строительстве завода по производству меди на базе Богомоловского месторождения. 27 июля 1928 г. было принято постановление о строительстве Уральского медеэлектролитного завода (Пышминского медеэлектролитного завода) на базе медеплавильных заводов Урала. Крупнейшим химико-металлургическим комплексом по производству меди должен был стать Среднеуральский медеплавильный завод (СУМЗ) на базе руд Дегтярского месторождения.

Проектирование заводов осуществлялось отделом цветной металлургии Уралгипромеца под руководством А.И. Шатилова с консультативны-

ми услугами бюро Уиллера (США), в дальнейшем Ленгипромезом (Пышминского медеэлектролитного завода), Уралгипромезом при участии норвежской фирмы "Оркла" (Медногорского комбината), Сергипроцветметом (ныне Унипромедь) (Среднеуральского медеплавильного завода). Оборудование для строящихся и реконструируемых предприятий заказывалось как за рубежом (германские фирмы "Ман", "Демаг", английская фирма "Мазер Плат"), так и на отечественных предприятиях ("Электросила", "Красный выборжец" в Ленинграде). Большую роль в переоборудовании заводов и выводе их на проектную мощность сыграли отечественные ученые и инженеры А.Ф. Антонов, В.А. Смирнов, П.В. Гончаров, Н.Н. Барабошкин, В.А. Аглицкий и др.

В ходе строительства и реконструкции предприятий, по данным архивных фондов Уралцветмета ГАСО, основными проблемами были: недостаточное финансирование, нехватка (а иногда и полное отсутствие) квалифицированных кадров, перебои в поставках сырья, отсутствие строительной техники, восполняемое ручным трудом, высокая текучесть кадров. Последняя, в частности, объясняется низкой оплатой труда при крайне тяжелых условиях работы (например, котлован для строительства цехов Пышминского медеэлектролитного завода рыли зимой), плохими бытовыми условиями, слабой базой культурно-бытового обслуживания. Для решения проблем с дисциплиной труда и текучестью кадров применялись методы материального и морального стимулирования, в том числе прогрессивная оплата труда, улучшение условий жизни передовикам производства, организация движения ударников, закрепление рабочих за местами и инструментами. На ряде работ использовался труд спецпереселенцев.

В конечном итоге планы строительства и реконструкции в основном были выполнены. 1 января 1932 г. был принят в эксплуатацию Красноуральский медеплавильный завод, превысивший мощность в 1936 г. В сентябре 1934 г. была получена первая продукция Пышминского медеэлектролитного завода, вышедшего на проектные мощности к 1940 г. Медногорский медно-серный комбинат был пущен в строй в 1939 г. по укороченной схеме. Среднеуральский медеплавильный завод первую медь выпустил 25 июня 1940 г. Благодаря модернизации возросло производство вайербарсов и был освоен выпуск новой продукции на Кыштымском медеэлектролитном заводе, Карабашском медеплавильном заводе, Калатинском заводе. Но множество объектов достроены не были.

Недочеты строительства, а также острая нехватка сырья, электроэнергии, квалифицированных рабочих, ушедших на фронт, обусловили перебои в работе ряда предприятий, а также снижение производственных мощностей. Тем не менее на заводах Урала был освоен выпуск оборонной продукции, обеспечивались потребности фронта.

“ДВОЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЗИОНОМИЯ” СЕРЕДНЯКА В РАСКУЛАЧИВАНИИ

В конце 1920-х гг. середняки, или средние крестьяне, представляли собой наиболее многочисленный слой не только в российской деревне, но и в обществе в целом. В 1927 г., по данным “комиссии Рыкова”, середняками являлись почти 63 % крестьян (кулаками – менее 4 %, бедняками – 22 %). Поэтому вопрос о середняке во многом определял ход политического развития страны в 1920-е гг.

Учет интересов середняка был главным аргументом В.И. Ленина при введении нэпа. Занявший во внутрипартийной борьбе, последовавшей после смерти В.И. Ленина, позицию защиты линии вождя И.В. Сталин также активно использовал вопрос о середняке для борьбы с “левыми” и (в меньшей степени) с “правыми”. Так, воспользовавшись результатами перевыборов Советов 1924 г., он объявил, что в целом ряде регионов страны середняк оказался на стороне кулака против бедняка и, следовательно, нужно не разжигать классовую борьбу (как предлагали “левые”), а вновь завоевывать середняка на свою сторону.

В начале 1928 г. И.В. Сталин объявил об ужесточении политики по отношению к кулачеству, так как партии удалось “закрепить середняков за собой”, а в конце 1929 г. – о переходе к политике “ликвидации кулачества как класса”.

Передовая статья “Правды” от 30 января 1930 г. “Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня” содержала два основных тезиса об отношении середняка к новой политике:

1. Средняк пошел в колхозы сплошной массой.
2. Средняк в колхозе становится в положение непримиримой борьбы с кулаком.

Сплочение широких бедняцко-средняцких масс вокруг политики партии было названо в другой передовице “Правды” (от 1 февраля 1930 г.) “важнейшим политическим условием” ликвидации кулачества как класса.

Существовало ли в действительности это важнейшее политическое условие, был ли реально середняк в положении непримиримой борьбы с кулаком?

Для исследования этого вопроса большой интерес представляют информационные сводки окружных комитетов партии и Уралобкома ВКП(б), специально посвященные ходу ликвидации кулачества как класса.

Обратимся к совершенно секретной сводке за январь–февраль 1930 г., составленной сектором информации и статистики Уралобкома ВКП(б)¹. Авторы этого документа довольно четко разделяют отношение к раскула-

чиванию со стороны бедноты и середняков, отмечая, что последние принимают участие в раскулачивании менее активно. В подтверждение этого тезиса приводятся многочисленные сообщения с мест, свидетельствующие о сложном отношении середняков к раскулачиванию: в некоторых районах они при голосовании за выселение кулаков покидали собрания; в других – высказывались за конфискацию кулацкого имущества, но против выселения; в третьих – голосовали за выселение, но новых кандидатов на раскулачивание (в отличие от бедноты) не выдвигали.

Эти данные с мест явно противоречили тем оценкам отношения середняка к раскулачиванию, которые содержались в вышеупомянутых передовицах “Правды” (от 11 января и от 1 февраля 1930 г.). Вероятно, именно поэтому авторы информационной сводки Уралобкома прибегли к помощи концепции “двойственной природы середняка” (он одновременно и труженик, и мелкий собственник).

Таким способом все сообщения с мест о “сложном” отношении середняка к раскулачиванию были представлены в виде частных случаев при общей положительной картине и приписаны тому, что “политическая физиономия середняка, его двойственность в этой кампании нашла свое довольно яркое, в некоторых случаях, выражение”.

Примечание

¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.156. Л.8.

А. Конов

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ НА УРАЛЕ И В КРЫМУ В 1918–1920 гг.

После начала полномасштабной гражданской войны отряды Красного воздушного флота на Урале, имевшие на вооружении самолеты “Фарман-30”, вели воздушную разведку, наносили бомбовые удары по скоплениям войск, железнодорожным узлам и позициям противника. Летчики 5-го Социалистического авиаотряда Д. Пятницкий и А. Степанов летом 1918 г. в боях на Урале выполняли на “Фарманах” порой по четыре вылета в день – два на разведку, два на бомбометание. 24 августа, например, А. Степанов с комиссаром отряда летчиком-наблюдателем М. Крузе атаковали станцию Таватуй, где уничтожили несколько эшелонов врага¹. 16 октября 1918 г. в воздушном бою в районе Шамары–Шаля (Екатеринбургский уезд) летчик 1-й Тверской авиагруппы Ф.А. Граб и летчик-наблюдатель А. Шульц впервые в гражданской войне сбили вражеский самолет².

Весной 1919 г. началось очередное наступление армии Колчака. Революционный Военный Совет сосредоточил на Восточном фронте 18 авиа-

ционных отрядов, в которых насчитывалось около 100 самолетов и 88 летчиков, что составляло до 40 % всей советской авиации³.

28 апреля 1919 г. советские войска перешли в контрнаступление, проведя последовательно Бугурусланскую и Белебевскую операции, в которых участвовали и летчики. Наиболее активно действовали они во время Уфимской операции (25 мая–19 июня). На старых, изношенных самолетах авиаторы поддерживали свои сухопутные войска, по нескольку раз в день вылетали на разведку в ближний и дальний тыл колчаковцев, в одиночку и группами обстреливали их из пулеметов и бомбили их в походных колоннах и на привалах, разрушали железнодорожные пути, мосты, подавляли огневые позиции и др.

Всего на Восточном фронте советские летчики произвели около 830 самолето-вылетов, налетов более 100 часов⁴.

Эффективно участвовала авиация Южного фронта в разгроме войск Врангеля. Советское командование сконцентрировало против Врангеля до 17 авиаотрядов (30–45 самолетов), сведенных в две группы – Центральную и Правобережную. Их усилия сосредоточились на направлениях главных ударов наземных войск, практиковались групповые (по 10–12 самолетов) налеты на пехоту и конницу противника⁵. В качестве примера можно рассказать о работе авиагруппы И.У. Павлова против врангелевских войск. Авиагруппа начала свои новые действия в районе расположения 2-й Конной армии (Ново-Ивановское – Ново-Троицкое – хутор Цветные Прихитьки.)⁶. Авиаразведка установила, что весь район Жеребец–Орехов–Омельник–Камышеватка кишел войсками белых. Больше всего было конницы. Удалось установить, что врангелевские части перегруппировываются, чтобы нанести удар частям 2-й Конной. Авиагруппа навалилась на белогвардейские войска в самый опасный для 2-й Конной армии момент, когда они сосредоточились, чтобы нанести нашей коннице решительный удар. “Авиагруппа ослабила этот удар”, – писал в воспоминаниях И.У. Павлов⁶.

В борьбе с конницей Врангеля авиаторы действовали крупными соединениями и применяли низкие полеты. 1 августа 1920 г. группа в 13 самолетов в районе Камышеватка–Еленовка бомбами, стрелами (специальными металлическими стержнями, сбрасываемыми в большом количестве с самолета) и пулеметным огнем почти вплотную атаковала белые войска⁶. 2 августа группа вылетала три раза. Но последний вылет оказался напрасным, так как враг переменил свое положение. Авиагруппа вылетела в четвертый раз. 13 советских самолетов направились на деревню Семеновку и хутор Михайловский, расположенные в 8 км южнее ст. Софиевка⁷. Самолеты появились здесь, когда уже смеркалось. Все дворы и улицы были буквально забиты врангелевскими войсками, расположившимися на ночлег. Самолеты один за другим сбрасывали осколочные бомбы. Через минуту советские летчики стали расстреливать с воздуха метавшуюся пехоту противника.

10 августа 1920 г. авиагруппа получила приказ перебазироваться на правый берег Днепра, в Ново-Каменские хутора, и встретить белых ударом на подходе их к Каховскому плацдарму. Под вечер 11 августа авиагруппа вылетела туда из Софиевки⁷. Здесь в борьбе с советской авиацией врангелевцы применили новую тактику. При нападении советских самолетов они мгновенно рассыпались на небольшие группы и коротким броском на карьере добивались до деревни, где в течение двух-трех минут скрывались в домах, садах и дворах. Застигнутые в колонне на марше, они просто останавливались и открывали из винтовок пальбу по самолетам.

21 августа 1920 г. боевая работа авиагруппы на Ново-Каменских хуторах закончилась, летчики получили приказ из штаба армии переправиться к 24 августа в район Александровска (д. Вознесенское)..

За 20 дней, которые авиагруппа пробыла в Вознесенском, ею было сброшено 385 пудов бомб, 8,5 пудов стрел и 15 пудов литературы. Группа налетала 750 часов. Если учесть, что на самолет "ньюпор" можно было взять не более двух десятифунтовых бомб, а самолет "сопвич" еле поднимал 1,5–2 пуда, то станет ясно, сколько каждому летчику нужно было сделать боевых полетов, чтобы добиться этого боевого баланса⁸.

Примечания

¹ Самолеты Страны Советов. М., 1974. С.13.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С.36.

³ Шумихин В.С. Советская военная авиация 1917 – 1941. М., 1986. С.44.

⁴ Там же. С.40.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Перекоп: Сб. воспоминаний. М.; Л., 1941. С.46.

⁷ Там же. С.47.

⁸ Там же. С.54.

М. Люхуздаев

К ВОПРОСУ О СНИЖЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ НА УРАЛЕ (вторая половина 1918 г.)

История падения влияния партии левых эсеров в руководящих органах после их июльского выступления в Москве в 1918 г. изучена в общероссийском плане достаточно подробно историками К.В. Гусевым, Л.М. Спириным, А.И. Разгоном, Я.В. Леонтьевым. На Урале также были затронуты некоторые аспекты этой проблемы в книгах и статьях О.А. Васюковского, И.С. Капцуговича, А.Н. Васильева¹. Однако эта тема нуждается в дальнейшей разработке.

В данной работе сделана попытка рассмотреть причины, приведшие к снижению влияния левых эсеров в политической жизни Урала. Иссле-

дование данного вопроса позволяет лучше понять условия, при которых попытки левых эсеров создать противовес партии большевиков в Советах Урала не увенчались успехом.

Весной 1918 г. в ряде исполкомов Советов Урала возникли острые противоречия, которые привели к разрыву отношений между большевиками и левыми эсерами и уходу последних с ответственных постов. Разногласия касались вопросов создания регулярной Красной Армии, продовольственной политики, а также количества мест в исполкомах для представителей партии. Такая ситуация сложилась в Вятском губисполкоме, Камышловском, Осинском исполкомах, Нижнетагильском и Ижевском исполкомах Советов, а позже и в других Советах². Только в начале июля 1918 г. ухудшение обстановки на фронте заставило левых эсеров и максималистов забыть временно разногласия и выступить вместе с большевиками на защиту революционных завоеваний.

Противопоставляя регулярной Красной Армии боевые партийные дружины, левые эсеры на Урале иногда добивались того, чтобы “их назначали, как специальную часть и в случае необходимости использовали в качестве боевой единицы, не разбивая на группы”³. Так сражались, например, боевые отряды народного вооружения Уфимской губернии и левозеро-ские боевые дружины Пермской губернии. Нередко эти партийные дружины действовали в бою более мужественно и самоотверженно, чем регулярные войска⁴. Попадавших в плен левых эсеров ждала та же участь, что и большевиков⁵. По причине мобилизации левых эсеров в боевые дружины их позиции в Советах в июле–августе были ослаблены.

После выступления левых эсеров в Москве Уральский облкомитет РКП(б) постановил 8 июля: “Снимать со всех постов левых эсеров, которых можно считать идейными сторонниками их ЦК”⁶. Облкомитет левых эсеров ответил на это: “Освещение якобы восстания левых эсеров носит субъективистский характер и является логическим развитием политики СНК, запутавшегося в дипломатических комбинациях с германскими империалистами и желающего взвалить всю вину за выступление 6 июля на одну сторону”⁷. Несмотря на это заявление, в местных Советах начинают снимать с ответственных постов левых эсеров, стоящих на позициях своего ЦК. В некоторых исполкомах, благодаря тому что в их Советах были крупные фракции левых эсеров или не могли найти им замену, этот процесс затянулся до октября–ноября 1918 г. (Уржумский, Малмыжский, Оханский уезды и др.)⁸. Позицию, занятую исполкомами Советов, выражает резолюция Кунгурского исполкома: “Московские события здесь на месте не имеют практического значения, так как до сих пор обе партии работали в контакте”⁹. Однако на съездах Советов левых эсеров стали лишать права решающего голоса даже в тех случаях, когда они заведомо находились в меньшинстве (Верхотурский, Оханский, Пермский уездные

съезды и др.)¹⁰. Оставаясь лишь с правом совещательного голоса, левые эсеры обычно с протестом покидали съезд.

С осени стали преследовать и левых эсеров, осудивших политику своего ЦК. За выступление левого эсера А.И. Липина 5 декабря на собрании рабочих Мотовилихинского завода, где была выработана резолюция “14 пунктов”, было арестовано тридцать членов комитета левых эсеров, осудивших эти действия¹¹. Взятых под стражу разделили на четыре категории по степени причастности их к собранию 5 декабря, которое получило “статус” выступления левых эсеров и белогвардейцев в Мотовилихинском заводе¹². Такие меры со стороны правящей партии привели к тому, что в ноябре–декабре последние левозеро-ские группы на Урале стали распадаться, а их бывшие лидеры либо становились беспартийными, либо записывались в члены РКП(б).

Безусловно, наряду с внешними факторами на деятельность левозеро-ских организаций оказывали влияние и факторы внутренние. В этом отношении характерна судьба левых эсеров Мотовилихи, в которой произошел раскол на две группы. Одна из них выступала “за одобрение линии ЦК левых эсеров и сохранение партии, а другая – за роспуск партии и вхождение целиком в состав партии коммунистов, так как идет гражданская война”¹³. Обе группы в конце 1918 г. прекратили свою деятельность.

Таким образом, среди причин, приведших к падению политического влияния левых эсеров на Урале, можно назвать участие их в защите революционных завоеваний в период гражданской войны (исключительно своими боевыми дружинами¹⁴), преследования и политическую изоляцию, вызванные распоряжением облкомитета РКП(б), многочисленные провокации ЦК, внутренние противоречия, как правило, являющиеся следствием внешнего давления со стороны большевиков.

Примечания

¹ Катугович И.С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975; Васильев О.А. К вопросу о позиции мелкобуржуазных партий на Урале в период борьбы за укрепление Советской власти // Наш край. Свердловск, 1971; Васильев А.Н. “Левый блок” на Урале в период подготовки к Октябрьской революции // Борьба классов и партий на Урале в период империализма. Пермь, 1985 и др.

² ЦДНИКО. Ф.45. Оп.1. Д.12. Л.10. ЦДООСО. Ф. 41. Оп.1. Д.105. Л.35–36; АУ ФСБ СО. Фонд многотиражных печатных изданий ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД. Оп.1. Д.2; Изв. Перм. окр. исполкома Советов. 1918. 16 мая. С.3–4.

³ Аминев А.З. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917–1919). Уфа, 1966. С.285.

⁴ Например, в бою у станции Верх-Нейвинск после того, как бежали красноармейцы батальона подкрепления, отряд левых эсеров Мотовилихи в одиночку принял бой. ГАПО. Ф.372. Оп.1. Д.217. Л.7.

⁵ Наш путь. 1918. 11 июля. С.1.

⁶ ЦДООСО. Ф.4. Оп.1. Д.3. Л.40–42.

⁷ Наш путь. 1918. 12 июля. С.1.

⁸ ЦДНИКО. Ф.12. Оп.1. Д.4. Л.56; Изв. Охан. уисполкома Советов. 1918. 17 окт. С.3.

⁹ Голос Кунгурского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 18 июля. С.4.

¹⁰ См.: Уральский рабочий. 1918. 24 сент.; 18 окт. С.3; Изв. Охан. уисполкома Советов. 1918. 17 окт. С.3.

¹¹ ГАПО. Ф.Р-372. Оп.1. Д.217. Л.8-8 об.

¹² ГАСО. Ф.Р-2601. Оп.1. Д.140. Л.202-203.

¹³ ГАПО. Ф.Р-372. Оп.1. Д.217. Л.7-8 об.

¹⁴ ОГАЧО. Ф.П-596. Оп.1. Д.213. Л.1-2; РЦХИД НИ. Ф.564. Оп.1. Д.4. Л.341.

А. Лямзин

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (на примере изучения авторства антирелигиозных публикаций в газете “Уральский рабочий” 1920-х гг.)

Изучение авторства – важная часть источниковедческого анализа материалов печати. На примере изучения авторства антирелигиозных публикаций можно проследить особенности, характерные для части советской интеллигенции – журналистов, пишущих на антирелигиозные темы. В процессе исследования была проведена сплошная выборка всех сохранившихся антирелигиозных публикаций газеты “Уральский рабочий” с 1918 по 1929 г. Всего рассмотрено 622 единицы материала.

Данный объект исследования позволяет оценить образовательный уровень журналистов, их общественное и социальное положение, способы внедрения в массовое сознание идей безбожия.

Следует отметить, что созданная большевиками система руководства печатью осуществляла строгий отбор материалов публикаций. Об этом свидетельствует секретная информационная сводка редакции “Уральского рабочего”, составленная по неопубликованным материалам за январь 1929 г. Анализ их содержания показывает, что не публиковались в основном материалы, демонстрирующие слабость антирелигиозной работы и сохранение у населения “религиозных предрассудков”. Любопытные сведения дает изучение авторского состава публикаций. Из рассмотренных антирелигиозных статей и публикаций иного рода (стихотворений, карикатур) только чуть больше трети имеют подписи, в том числе и псевдонимы. Таким образом, около двух третей антирелигиозных материалов имеют коллективного автора, возможно редакцию, выражавшую мнение партии и государства. Следовательно, и журналистов, авторов публикаций в партийной прессе 1920-х гг., следует признать скорее атрибутом стиля конкретного издания или группы изданий, нежели генераторами идей, оказывающими сильное влияние на развитие и формирование источника. В данный период именно государственная власть была настоящим автором антирелигиозных публикаций.

Треть газетных статей, имеющих подписи, напечатана под разнообразными псевдонимами. Как правило, таким образом подписывали свои материалы рабочие или сельские корреспонденты с мест. Большинство данных псевдонимов объединяет стремление авторов показать свою близость к народу. Такие подписи, как “Свой”, “Не чужой”, “Земляк”, демонстрируют вовлеченность автора в местную жизнь. Псевдонимы “Казак”, “Татарин” подчеркивают этническую принадлежность автора к населению описываемого района. Псевдонимы “Рашпиль”, “Рабочий глаз”, “Работник” и подобные показывают близость корреспондента к рабочей среде, демонстрируют его желание быть понятым именно трудящимися, следовательно, на них был нацелен основной поток антирелигиозной пропаганды. Псевдонимы “Безбожник”, “Коммунист”, “Комсомолец” показывают принадлежность авторов к активистам антирелигиозной борьбы. Существовали также и достаточно нейтральные подписи: “Перо”, “Каран д’Аш”, “Лир”.

Среди местных авторов, публиковавшихся под собственными именами, были свои лидеры, такие как П. Зарин и Ю. Саркис.

Стиль антирелигиозных материалов, как правило, весьма бойкий и дерзкий: такой, видимо, полагалось иметь задорным антирелигиозникам, идущим войной на Бога. Статьи часто написаны грубым языком и нестройным стилем. Трудности с языком у журналистов первых лет советской власти отмечали еще современники. Так, в “Уральском рабочем” в 1919 г. был опубликован фельетон “Разруха языка” в котором автор приводит примеры неправильно составленных журналистами предложений и замечает при этом: “Нам, современникам, конечно легко всё это расшифровать... Товарищи! Пожалейте этого будущего историка. Говорите, пишите и печатайте на родном русском – не “телеграфном” языке”.

Стилевые и языковые трудности отчетливо проявлялись также и в стихотворных произведениях начинающих поэтов. Антирелигиозные стихи и частушки оказывали сильное впечатление на читателей и поэтому регулярно появлялись на страницах газеты.

К Рождеству или Пасхе, как правило, приурочивались публикации стихотворных произведений поэтов, имевших всероссийскую известность: В. Маяковского, Д. Бедного, С. Городецкого. В антирелигиозных частушках С. Городецкого явственно чувствуется грубость и необработанность стиха – это своего рода стилизация народного творчества. Таким образом знаменитый поэт пытается слиться с народом, “опускаясь” к его уровню.

Среди авторов “Уральского рабочего” встречались и партийные руководители высокого ранга. Члены политбюро М.И. Калинин и Л.Д. Троцкий, нарком просвещения А.В. Луначарский, Председатель Союза безбожников Е. Ярославский ставили в своих статьях цели и задачи антирелигиозной работы, оценивали итоги проведения агитационных мероприятий. В.Д. Бонч-Бруевич освещал роль церкви в истории Советской России.

Помимо убежденных атеистов, на страницах “Уральского рабочего” изредка публиковались обращения священников и верующих, но только в том случае, если они выступали с поддержкой мероприятий, проводимых советским государством (изъятия церковных ценностей или уплаты продналога).

Таким образом власть через зависимую от нее часть интеллигенции – журналистов, рабселькоров, служителей культа, деятелей искусства – демонстрировала желание быть понятой широким народным массам. Для этого она старалась говорить с народом на его языке, как она его понимала. Но был ли народ таким грубым и говорил ли он на таком языке, а если говорил и был, то хотел ли он видеть себя таким? Может быть, отчасти в этом скрыты причины того, что одной пропагандой победить веру не удалось. Потребовалось создать репрессивную систему подавления религии, чтобы получить результат.

В тот же период на базе рабселькоровского движения и в результате деятельности редакций периодических изданий формировался слой советской интеллигенции, своими публикациями создававший новую ценностно-языковую среду.

Примечание

¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.421.

А. Никитина

К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В НАЧАЛЕ 1940-х гг.

В июле 1940 г. в Эстонскую Республику были введены советские войска, в августе того же года ее включили в состав СССР. Новый статус этого государства Восточной Европы определил трагический поворот в судьбах тысяч его граждан.

Аресты высших государственных деятелей начались осенью 1940 г., а летом 1941 г. органы НКВД на территории Эстонии расстреляли по приговору 5 деятелей высокого ранга: 23 июня 1941 г. — члена Государственного Совета Рудольфа Рийвеса и министра транспорта Отто Стернбека, 30 июня 1941 г. — военных министров Адо Андеркоппа и Александра Тыниссона, 3 июля 1941 г. — государственного старейшину Фридриха Акеля. Также 21 декабря 1940 г. в Таллиннской тюрьме покончил с собой эстонский консул в Турции Эрнст Вебермам.

Одновременно с производством уголовных дел шла подготовка операции по депортации населения республики в лагерь и тюрьмы Урала и

Сибири. Вначале “удаление” из республики государственных деятелей проходило под предлогом обеспечения им личной безопасности на период ведения войны на европейской территории. Такой ход был предпринят в отношении командующего эстонской армией Йоханнеса Лайдонера при вывозе его с женой в Пензу. Другие деятели республики попали под массовую депортацию в ночь с 13 на 14 июня 1941 г. При посадке в товарные вагоны семьи разделяли: мужчин направляли в ИТЛ, их жен и детей — на спецпоселение. В результате дальнейших пересылок в Свердловской области оказалось больше всего государственных деятелей Эстонии. По данным эстонской стороны, здесь находилось 30 человек. В настоящее время обнаружены сведения о 22 из них. Второе место по количеству погибших в лагерях и тюрьмах государственных деятелей Эстонии занимает Кировская область. На ее территории было расстреляно 4 и умерло от болезней 14 человек. В Пермской области (в основном в Усолье-Лаге, который располагался в городе Соликамске) находятся останки 14 государственных деятелей, причем причина смерти 11 из них до сих пор точно не установлена.

В 1941 г. расстрелы государственных деятелей Эстонской Республики не проводились. Арестованных вывозили спешно и неорганизованно, размещение шло по разным лагерям, возбужденные в отношении них уголовные дела следовали в лагеря другими путями. В условиях войны дело могло “искать” человека в течение длительного периода, именно поэтому расстрелы в лагерях и тюрьмах начались с февраля — апреля 1942 г. Приговоры выносились по статье 58 УК РСФСР.

В Свердловской области высшие государственные деятели Эстонской Республики были размещены в СевУралЛаге (лагерное управление находилось в поселке Сосьва) и в ВостокУралЛаге (управление — в городе Тавда), впоследствии часть заключенных была переведена в Свердловскую тюрьму № 1. Установление местопребывания того или иного деятеля в разные периоды заключения осложняется рядом обстоятельств: использованием условных названий месторасположения лагпунктов; уничтожением книг регистрации прибывших и убывших заключенных (так называемых “эшелонных книг”) за истечением срока их хранения; кроме этого часть личных дел были переданы в республики Прибалтики.

В настоящее время установлено, что в СевУралЛаг летом 1941 г. были эвакуированы: премьер-министр Адо Бирк, министр труда Антон Палвадре, министр экономики Микхель Пунг, министр труда, просвещения и дорог Леопольд Йохансон, министр просвещения Алфред Юлиус Мыттус, министр просвещения и социальных вопросов Яан Пийсак. С октября 1941 г. по февраль 1942 г. все они умерли “естественной” смертью и были похоронены вблизи деревень Санкино и Шарыгино Туринского района. Обнаружены их личные дела, хранящие подробные сведения — от

ордеров на арест и отпечатков пальцев до актов о смерти и захоронении. В четырех случаях из шести смерть связана с сердечно-сосудистыми заболеваниями (прекращение или ослабление сердечной деятельности, порок сердца).

Пережившие первую военную зиму попали под волну расстрелов весной и летом 1942 г. По воспоминаниям бывших узников СевУралЛага, расстрелы производились в поселке Сосьва и лагерном пункте “Ступина”, однако подтверждающие это документы пока не выявлены. Наоборот, обнаружены сведения, что граждане, которые, по данным эстонской стороны, были расстреляны в Сосьве, за несколько дней до смерти были этапированы в Свердловск. Можно предположить, что их действительно приговорили к смертной казни в поселке Сосьва, где в 1942 г. действовала постоянная сессия облсуда при СевУралЛаге НКВД СССР. Затем для исполнения приговора людей могли направить в пересыльную тюрьму в Свердловск, а оттуда — во внутреннюю тюрьму УНКВД. Здесь, возможно, и были расстреляны министры Эстонской Республики Хуго-Вилли Кукке, Теодор Пооль, Яан Хюнерсон, Иоханнес-Фридрих Циммерман, а также члены Государственного Совета Артур Кастерпальц, Яак Кокк и Карл Ялакас.

14 июня 1941 г. был арестован III отделением НКГБ ЭССР министр обороны Пауль Лилль, после чего до февраля 1942 г. он содержался в СевУралЛаге. В мае 1942 г. он умер с диагнозом “паралич сердца”, что подтверждается документальными данными. Из всех, кого вывезли из Эстонии, обратно вернулось лишь два человека – Карл Юриссон, находившийся в Воркутинских лагерях, и бывший министр просвещения Пауль Когерман, сидевший в ВостокУралЛаге с 4 февраля 1943 г. по 2 марта 1945 г., освобожденный досрочно.

Сведения о нахождении на территории Свердловской области оставшихся восьми государственных деятелей Эстонской Республики из числа заявленных эстонской стороной до настоящего времени выявить не удалось.

Итак, в 1941 г. советское правительство однозначно решило судьбы бывших государственных деятелей Эстонии. Только двое из них избежали “типичного” финала задуманного сценария. На настоящий момент все еще остаются открытыми вопросы о местах захоронений погибших репрессированных, о их переброске из одного лагуправления в другое. С течением времени более четко прослеживаются зигзаги судеб высших государственных деятелей Эстонской Республики, но остаются неизвестными сотни судеб их менее примечательных земляков.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ГАЗЕТЫ “ПЕРМСКИЙ КРАЙ” В 1910–1912 гг.

17 декабря 1910 г. в Перми было возобновлено издание ежедневной газеты “Пермский край”, которая продолжала выходить до августа 1912 г. В исторической литературе встречаются различные точки зрения по вопросу о политической направленности данного издания. Если Л.П.Макашина охарактеризовала “Пермский край” 1910–1912 гг. как меньшевистскую газету, то И.В.Нарский отнес ее к числу либеральных изданий¹. Для решения данной проблемы представляется необходимым рассмотрение как идейного содержания газеты, так и состава ее редакции, а также источников финансирования издания.

По агентурным данным жандармского управления, “Пермский край” был создан “на кооперативных началах” служащим губернской земской управы В.Н.Южаковым и служащим “общества потребителей” Н.П.Бусыгиным. Оба они “принимали до 1907 г. ближайшее участие в работе местной организации РСДРП, но затем, ввиду распыления членов организации, от работы отстранились”². Все известные члены “редакционной комиссии” “Пермского края” подвергались тем или иным репрессиям со стороны властей. Так, Н.П.Бусыгин и В.Н.Южаков состояли ранее под негласным надзором полиции. Бывший учитель А.А.Шпак в 1907 г. был подвергнут обыску и высылке из Вятской губернии “ввиду имевшихся уже о нем сведений о противоправительственной деятельности его, направленной к возбуждению крестьян к неуважению Особы Государя Императора и к участию в политическом движении”. Преподаватель и секретарь педагогического комитета женской гимназии Барбатенко в Перми А.А.Лучинин и пермский мещанин А.А.Шнееров состояли в различное время под гласным надзором полиции. Фельдшер И.В.Захватаев в 1906–1907 гг. “вел противоправительственную агитацию среди населения и выступал оратором на проходивших собраниях”. За хранение нелегальной литературы он провел один месяц под арестом³.

Под гласным надзором полиции в разное время состояли и сотрудники газеты П.А.Матвеев, А.В.Марков, М.А.Атмакин и Л.М.Попова. Н.А.Вармунд, П.А.Матвеев, В.Н.Трапезников подвергались заключению на различные сроки⁴. Известно, что М.А.Атмакин и В.Н.Трапезников являлись членами РСДРП. Видную роль в редакции играл депутат III Думы социал-демократ И. М. Егоров. По сведениям полиции, “в Мотовилихинском заводе организовалась, по почину депутата Егорова, группа рабочих из всех цехов для собирания материала о нуждах рабочих и повседневной

жизни”⁵. В деятельности редакции принимали участие и лица, связанные с конституционно-демократической партией. Так, Н.А.Вармунд баллотировался в I Думу по кадетскому списку, а владелец типографии В.А.Чердынцев в 1906–1907 гг. являлся издателем прокадетской газеты “Камский край”⁶.

Основным источником финансирования “Пермского края” являлись средства, предоставляемые кунгурским купечеством. Пайщиками газеты являлись купцы М.М.Грибушин, И.М.Прибылев, С.Л.Сартынов, М.В.Щербаков, Л.М.Пономарев, управляющий Кунгурским отделением Сибирского торгового банка В.Т.Власов, директор Кунгурского реального училища статский советник В.Е.Агров. Финансовую поддержку редакции оказывал пермский купец и благотворитель Н.В.Меньшиков, известный своими левыми взглядами. Членом “финансовой комиссии” газеты являлся А.В.Трефилов, состоявший некоторое время под негласным надзором полиции “по местной организации С.Д.” В списке “сотрудников и пайщиков” “Пермского края” встречаются имена “содержательницы типографии” М.Г.Морозовой и помощника присяжного поверенного Попова⁷.

Рассматривая идейное содержание “Пермского края”, необходимо отметить, что в ряде публикаций газеты встречаются как осторожные намеки на социалистическое будущее России, так и антилиберальные дефиниции⁸. В то же время следует принимать во внимание, что статьи социалистического и “антилиберального” характера публиковались также и в прокадетских изданиях, а под “либералами” подразумевались обычно лишь сторонники умеренного, “старого” либерализма⁹. Нельзя не отметить и практически полное отсутствие на страницах “Пермского края” критики программных установок левых либералов, что, впрочем, соответствовало меньшевистской тактике союза с кадетами. Лишь в период приближающихся выборов в IV Государственную Думу были опубликованы статьи Н.М.Егорова, содержащие критические высказывания относительно кадетских оценок итогов работы III Думы¹⁰.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что ключевые посты в редакции “Пермского края” занимали социал-демократы. В то же время, вследствие как цензурных ограничений, так и тактических установок умеренных социалистов, по своему идейному содержанию данная газета была близка к леволиберальным изданиям.

Примечания

¹ См.: Макашина Л.П. Легальная печать и публицистика Урала в 1907–1917 гг. Свердловск, 1988. С.11; Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск, 1995. Прил. 19.

² ГАПО. Ф.161. Оп.2. Д.80. Л.1–1 об.

³ Там же. Л.19–20 об., 33.

⁴ Там же. Л.1 об., 20; Ф.65. Оп.2. Д.301. Л.6 об.

⁵ ГАПО. Ф.161. Оп.2. Д.80. Л.20, 20 об.; Ф.65. Оп.2. Д.301. Л.6 об.

⁶ См.: Камский край. 1906. № 10. С.1.

⁷ ГАПО. Ф.161. Оп.2. Д.80. Л.1 об., 19, 21 об., 40–41 об., 50–50 об., 52–52 об.

⁸ См.: Пермский край. 1911. № 10. С.2; № 15. С.1–2; № 33. С.1.

⁹ См.: Камский край. 1906. № 7. С.2; № 33. С.3; Уральский край. 1906. № 11. С.1.

¹⁰ См.: Пермский край. 1912. №52. С.2; № 66. С.3.

И. Сизов

ИЗМЕНЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДЕЛЕНИИ СССР В 1917–1944 гг. (на примере Уральского региона)

Практически все современные субъекты Российской Федерации возникли на основе прежней системы административно-территориального деления. В этой связи небезынтересно было бы рассмотреть историю и условия становления этой системы. В качестве объекта исследования взят Урал, так как на примере нашего региона легко проследить все перемены в политике государства в вопросах административного устройства страны. Более того, Урал зачастую становился своего рода полигоном, на котором отработывали те или иные новшества в территориальном делении всего государства.

Менее чем за 30 лет в территориальном устройстве России и Урала произошли грандиозные перемены. К 1917 г. в России вообще и на Урале в частности сложилась не самая удачная система административного деления. Это признавалось как крупными учеными, так и правящей элитой того времени. Однако никаких шагов по ее исправлению сделано не было, несмотря на то что существовало достаточное количество подобных проектов. Еще до первой мировой войны намечалось выделение большой Екатеринбургской губернии, в состав которой входили бы зауральские уезды Пермской губернии, южные уезды Тобольской губернии и Челябинский уезд Оренбургской губернии. После Февральской революции 1917 г. этот проект несколько изменился. Появилась тенденция выделения также отдельных Челябинской и Тюменской губерний. В середине XIX в. возникла идея создания Прикамской губернии с центром в Сарапуле. Временным правительством было даже создано специальное совещание по областной реформе, но оно к работе так и не приступило, а 26 марта 1917 г. было вынесено решение о сохранении старой системы административно-территориального деления. Реальные перемены в этом вопросе начались в конце 1917 – начале 1918 гг.

С 1917 по 1944 гг. в развитии системы административного деления можно выделить 3 периода.

В первый период (1917 – 1923 гг.) можно отметить две взаимосвя-

занные тенденции: с одной стороны, приспособление старой системы к новым условиям путем частичной, локальной перекройки границ губерний, уездов и волостей, а с другой – поиски новой формы административного устройства РСФСР. В полной мере это отразилось и на Уральском регионе.

Этот период характеризовался, прежде всего, разукрупнением существовавших административно-территориальных единиц. В это время еще не возникло четко сформулированной концепции нового, советского территориального устройства, но при этом прежняя административная система отменялась как устаревшая. Еще одной важной чертой данного периода была достаточно большая самостоятельность местных органов власти в вопросах определения административных границ внутри страны. На практике это зачастую приводило к другой крайности – если раньше изменение административных границ крупного масштаба (губернских, уездных) считалось большим событием, то в период с 1917 по 1919 гг. эти изменения приняли стихийный, неуправляемый характер. В течение трех лет у населения была полная самостоятельность в этом вопросе, что привело к чрезмерному увеличению административно-территориальных единиц как верхнего порядка, так и среднего и нижнего. Однако в этой стихийности были и позитивные моменты – в первый и пока единственный раз за всю историю Российского государства вопросы административно-территориального деления решались не сверху – директивами и указаниями, а путем естественной «утряски» границ, и не в центре, а непосредственно на местах.

Единственным новшеством, введенным большевиками в эти годы, стало создание автономных республик и областей, которые воплотили в себе идею национально-территориальной автономии. Как известно, РСФСР строилась изначально на принципе автономизма, т. е. предоставления национальным меньшинствам определенной самостоятельности на выделенной территории, но сугубо в рамках единого государства. Эта концепция получила название национально-территориальной автономии. Существовало две формы такой автономии – политическая и административная. Политическая автономия подразумевала, что национальные республики являются особыми государствами с ограниченным суверенитетом. Административными автономиями являлись образования (автономные области и национальные округа), которые имели только особые права по устройству своей территории и установлению границ своих районов. В случае с автономизацией Урал очень показателен: именно здесь появилась первая советская политическая автономия (Башкирская АССР), а также первые административные автономии (Вотская Автономная область и Коми-Пермяцкий национальный округ). Рядом возникли Коми АО и Киргизская АССР. Наибольшие споры и разногласия в отношении гра-

ниц возникали именно с автономиями. Постепенно центральные власти принимают более реалистичную позицию в этом вопросе и, зачастую противореча принципам «ленинской национальной политики», в решении этих споров отдают приоритет неавтономным губерниям и областям, т. е. принцип наибольшего экономического благоприятствования со временем становится основным. На практике это сводило на нет все достижения в национальной политике и превращало субъекты советской федерации, а ими являлись в соответствии с Конституциями РСФСР и СССР автономные республики и округа, в обычные административно-территориальные единицы, в статусе которых находились все неавтономные губернии, края и области.

Следующий период (1923 – 1934 гг.) характеризовался обратной тенденцией, а именно значительным укрупнением территориальных единиц и созданием мощных областей и краев. В основе этих перемен лежал принцип наибольшего экономического благоприятствования. Можно поспорить с идеей увязки территориального деления и экономического районирования, но нельзя отрицать тот факт, что аналогов созданным во второй половине 1920-х гг. областям и краям ни до ни после в истории России не было. Эти новые образования, являясь по законодательству лишь административно-территориальными единицами, реально обладали очень широкими правами. Фактически в районированных областях, в частности в Уральской, проявились зачатки советского регионализма, что создавало предпосылки для появления в будущем реальных федеративных отношений. В дальнейшем, к сожалению, эти ростки были задавлены командно-административной системой с ее тотальной централизацией. В 1923 г. начинается новый этап в переустройстве административно-территориальной системы страны. Эти изменения затронули и Урал, более того – наш регион в эти годы становится новатором в проведении экономического районирования. В целом, период с 1923 по 1934 гг. характеризуется появлением новых подходов к вопросам административно-территориального устройства.

В эти годы складывается и окончательно закрепляется советская концепция административно-территориального деления. В советской литературе об административном устройстве можно встретить следующие принципы территориального деления: национальный состав и особенности быта населения, экономический профиль территории, численность и плотность населения, тяготение населения к определенным экономическим центрам, наличие и характер путей сообщения, необходимость приближения государственного аппарата к массам. Иногда сюда добавляют также природные условия, размер территории, объем бюджета, учет интересов населения. Легко заметить, что упор делался на экономическую выгоду территориального деления. Но при этом подобное деление долж-

но было быть согласовано по возможности с национальным составом населения. Кроме того, проводя тезис о гармоничном сочетании национального состава и экономики, власти пытались создать максимально централизованное государство. В этом случае создание автономных национальных образований превращалось в пустую формальность либо, если все-таки национальные меньшинства и получали определенные реальные права и были хоть немного самостоятельны в решении внутренних вопросов, в том числе и о границах своей автономии, в жертву приходилось приносить экономическую выгоду, так как распределение национальностей по территории страны не всегда соответствовало распределению промышленности, сетке путей сообщения и т. п. Однако, несмотря на заведомую неразрешимость задачи согласования национальных и общегосударственных интересов, в РСФСР, а затем и в СССР стали активно проводить эту политику в жизнь.

И все же, если в период с 1919 по 1923 гг. в политике государства в административном устройстве превалировала идея национально-территориальной автономии, то начиная с 1923 г. приоритет переходит к более прагматичной идее увязки территориального деления с экономическим. Этому способствовало и то, что в России издавна существовала великолепная школа экономической географии. Урал стал первым опытным регионом, в котором провели районирование. Это дало Уральской области преимущество перед другими областями и краями – ее территория формировалась как бы с чистого листа. Однако и здесь сыграли негативную роль национальные автономии: в поисках компромисса границы области были достаточно сильно трансформированы, но, несмотря на это, Уральская область просуществовала 11 лет и была расформирована «сверху», тогда как на самом Урале были более сильны интеграционные тенденции.

Третий период (1934 – 1944 гг.) характеризуется новым разукрупнением. Целью его являлась максимальная централизация государственной системы и подчинение всех сфер общественно-политической жизни единому центру. В конце концов это привело к тому, что по территории Свердловская область в середине 1930-х гг., за исключением некоторых западных и южных районов, практически повторяла территорию Пермской губернии 1914 г., а в дальнейшем была и вовсе разделена на две самостоятельные области. Это еще одно свидетельство ошибочности и экономической нецелесообразности разделения Уральской области. Ликвидировав районированные края и области в 1934 году, большевики фактически вернулись к дореволюционному административно-территориальному делению, которое они сами называли «средневековым, крепостническим, казенно-бюрократическим, не отвечавшим требованиям экономического развития и не учитывавшим бытовые особенности и национальный состав населения». Упразднение комиссий по территориальному делению

при местных органах власти поставило окончательную точку в самостоятельности последних в решении проблем внутреннего устройства. С этого момента вся инициатива в этом вопросе переходит к центральным властям. Пик централизации приходится на годы Великой Отечественной войны, когда без Москвы нельзя было решить даже самого маленького вопроса. Этот период завершился выделением в 1944 г. Тюменской области. В дальнейшем никаких заслуживающих внимание изменений в административно-территориальном делении Урала не произошло.

В современной России, которая медленно, но верно движется к реальному федерализму, все более и более назревает проблема несоответствия существующего административного устройства реальным потребностям общества. Нельзя построить по-настоящему федеративных отношений на основе системы административно-территориального деления, которая многие годы служила только для максимальной централизации всей общественно-политической жизни.

Н. Суржикова

К ВОПРОСУ О МЕДИЦИНСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ СРЕДНЕГО УРАЛА (1942 – 1956 гг.)

Одним из последствий второй мировой войны стало пребывание на территории Свердловской области нескольких сотен тысяч иностранных военнопленных. Организацией их медицинского обслуживания и медицинского обеспечения лагерей для военнопленных занимались медико-санитарная служба Отдела по делам военнопленных и интернированных УНКВД (позже – УМВД) Свердловской области и Санитарный отдел Уральского военного округа.

Во всех 14 лагерях области в специально отведенных и приспособленных помещениях были созданы амбулатории, в которых, помимо амбулаторного приема, проводились систематические еженедельные профилактические осмотры военнопленных. Все выявленные при амбулаторном осмотре или приеме больные, нуждавшиеся в стационарном лечении, направлялись в лазареты, также действовавшие в каждом лагере и лагерьном отделении. Основными показателями для госпитализации при этом являлись: все острые инфекционные заболевания, лихорадочное состояние больного, подозрения на эпидемические заболевания, острые желудочно-кишечные заболевания, все виды травм, требующие коечного лечения, и т.д. В центральных лазаретах лагерей № 84, 314, 504, 531 имелись лаборатории, обеспечивавшие необходимые клинические исследования, а в тех лагерях, где они отсутствовали, пользовались по догово-

методы лечения. Больные военнопленные, нуждавшиеся в длительном клиническом обследовании и лечении, а также хронические больные и больные туберкулезом направлялись в специальные госпитали для военнопленных. С 1943 по 1956 г. работал госпиталь № 1893 на окраине города Первоуральска, а с 1947 по 1950 г. – передислоцированный с Дальнего Востока госпиталь № 2929 в черте города Нижний Тагил.

Характерно, что в военные и первые послевоенные годы уровень медико-санитарного обслуживания военнопленных в лагерях Свердловской области был низким ввиду отсутствия или нехватки медикаментов, а также неуккомплектованности медицинского персонала, в особенности врачей. Так, в 1945 г. нехватка врачей по области составляла 130 чел., в 1946 г. – 100 чел., в 1947 г. – 80 чел.¹ В лагерях, не укомплектованных врачебными кадрами, к лечению заключенных привлекались врачи-военнопленные, работавшие под контролем среднего медицинского персонала. Решить проблему нехватки врачебных кадров пытались путем увеличения штата работников среднего медицинского персонала, которые замещали ряд врачебных должностей, что, безусловно, снижало качество медицинского обслуживания

Обеспеченность лагерей медицинским персоналом (на июль 1946 г.)²

№ лагеря	Кол-во врачей		Кол-во работников среднего медперсонала		Кол-во военнопленных		Кол-во коек в лазарете
	по штату	фактич.	по штату	фактич	врачей	ср. мед. персонал	
84	20	4	23	21	18	12	600
153	17	10	26	29	20	6	500
200	9	8	15	23	27	5	200
245	14	7	12	26	24	4	350
313	14	4	22	19	30	8	450
314	8	10	13	18	13	1	300
318	8	1	6	11	12	2	125
376	9	5	14	16	13	3	300
377	10	5	14	18	8	1	200
504	10	3	14	13	15	2	250
523	10	4	14	29	24	8	250
Итого	129	61	173	223	204	52	3525

военнопленных. Полностью обеспечить лагерь медицинским персоналом удалось лишь к 1948 г. На первое января 1948 г. в лагерях области было: врачей – 45 чел. (37 терапевтов, 5 стоматологов, 2 хирурга, 1 окулист), фельдшеров – 29 чел., медсестер – 33 чел., фармацевтов – 7 чел.³ При этом продолжал широко применяться труд врачей-военнопленных, что, несомненно, благотворно влияло на ход лечебного процесса, так как снимало возможные барьеры между пациентом и врачом.

Для повышения уровня медицинского обеспечения военнопленных в соответствии с распоряжением МВД СССР № 576 от 10 сентября 1948 г. были начаты плановые регулярные занятия по специальной подготовке медицинского состава, которыми был охвачен весь штат врачей, а также средние медработники. Кроме этих занятий, продолжавшихся до марта 1949 г., согласно указаниям ГУПВИ МВД СССР о специализации и усовершенствовании знаний врачей из лагерей военнопленных Свердловской области, на курсы повышения квалификации было отправлено в 1947 г. 5 чел. в Ленинград, в 1949 г. – 1 чел. в Новосибирск⁴.

Поступавшее в лагерь медико-санитарное имущество и медикаменты размещались и хранились на складах аптеко-баз лагерей с последующим распределением по лагерным отделениям согласно заявкам последних. Вплоть до конца 1940-х гг. лагерь военнопленных постоянно испытывали нехватку медикаментов. К примеру, в первом полугодии 1945 г. лагерь № 84 был снабжен медикаментами на 75 %, а по ряду наименований – на 25 %⁵. В течение первого квартала 1946 г. плановых поступлений медикаментов и медицинского имущества в лагерь вообще не было, поэтому они испытывали острый недостаток в целом ряде лечебных средств, в частности в сульфамидных, сердечных, общеукрепляющих и других препаратах. В 1947–1948 гг. ситуация с медицинским снабжением лагерей стабилизировалась. Однако ряд лагерей продолжал недополучать сульфамидные препараты, глюкозу, спирт, рыбий жир, слабительные средства. Совершенно не отпускался пенициллин, перебои в снабжении которым имели место и в 1949 г. В целом же, к концу 1949 г. медицинское снабжение лагерей стало вполне удовлетворительным и оставалось на этом уровне вплоть до 1956 г., т.е. до репатриации последних военнопленных.

В заключение необходимо отметить, что имевшие место недостатки в медицинском обслуживании и снабжении военнопленных были связаны не столько с упущениями в работе Санотдела УрВО и медико-санитарной службы ОПВИ УНКВД–УМВД по Свердловской области, сколько с трудностями военного и послевоенного времени, которые в полной мере ощутили на себе как военнопленные иностранных армий, содержащиеся в лагерях СССР, так и большинство советских граждан.

Примечания

¹ РГВА. Ф.1п. Оп. 15а. Д.341. Л. 85, 86, 87.

² Составлено по: РГВА. Ф.1п. Оп.15а. Д. 108, 143, 171, 196, 246, 247, 250, 290, 291, 346,350.

³ Там же. Л.87.

⁴ Там же. Л.88.

⁵ Там же. Л.93.

О. Удачина

ХРОНИКА СОБЫТИЙ НА УРАЛЕ 1917–1919 гг.

1. Период 1917 – 1919 гг. на Урале представляет в настоящее время огромный интерес. В 1990-е гг. в условиях появления большого количества политических партий и общественно-политических организаций чрезвычайно актуальными стали вопросы, связанные с проявлением многопартийности в жизни нашего государства.

Несмотря на то что за годы советской власти была проделана огромная работа по изучению этого периода, многое остается неизвестным. В трудах советских историков описаны в основном события Октябрьской революции, а период двоевластия остается в тени. Он традиционно преподносился в духе коммунистической идеологии как подготовительный этап, когда большевики использовали возможность открытой легальной агитации и наращивали свои силы для новой революции, которая должна была установить диктатуру пролетариата. Поэтому их работы не отражают полной действительности того времени.

Что касается изучения истории гражданской войны, то здесь есть много вопросов, представляющих также большую сложность, начиная с проблемы периодизации и заканчивая трактовкой тех или иных событий.

2. Данная работа проводится по заказу ЦДООСО. Первоначально она задумывалась как хроника политических событий на Урале в период двоевластия (февраль – октябрь 1917 г.), но по мере составления хроники было решено продолжить ее до окончания гражданской войны (1917 – 1919 гг.). В данный момент работа еще не закончена.

3. Составление хроники призвано решать проблему более эффективного использования источников. Она задумана с целью облегчить труд историков, занимающихся вопросами, связанными с этой темой.

Другой важной задачей стало выявление реальных событий этого периода с целью осмыслить их с современной точки зрения, более объективно.

4. Работа проводилась по документам 41-го фонда ЦДООСО, а также на основе двух периодических изданий газетного фонда.

В основу 41-го фонда был положен фонд Екатеринбургского Истпарта (комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б)). Он был образован в 1920 г. и впоследствии на его основе был создан Партархив. Какой-либо выборки не производилось, так как документы фонда очень разнородны и уникальны.

Что касается газетного фонда, то для написания работы использованы в основном номера газеты “Уральская жизнь”, а также несколько номеров газет “Зауральский край”, “Борьба”. Выбор газеты “Уральская жизнь” в качестве основы хроники объясняется тем, что она сохранилась в ЦДООСО в наиболее полном объеме (другие газеты представлены часто 2–3 номерами, а в лучшем случае – за несколько месяцев). Кроме того, она является общественно-политической и литературно-экономической газетой, события в ней за 1917 г. представлены с нескольких точек зрения. Но по мере развертывания событий газета принимает явно антибольшевистскую направленность. Трудно сказать, какой конкретно партии симпатизировала редакция, скорее всего – мелкобуржуазным партиям, что чувствуется по тону публикаций, по комментариям корреспондентов.

Так как одной из задач хроники являлось объективное изложение материала, то встал вопрос о необходимости привлечения и других изданий (пробольшевистских).

5. Основной проблемой при составлении хроники стала датировка событий: большое число документов не имеет точной даты (иногда удается определить только месяц, в котором произошло событие). Подобные документы приходится сравнивать с другими и с периодической печатью. Трудности датировки событий, вычлеченных из газет, связаны с манерой написания рубрики “Хроника” в самой газете, а именно с частым использованием таких фраз, как “недавно”, “на днях”, “скоро” и т.п. Но здесь можно определить примерную дату события по дате номера газеты.

6. В работу вошли такие события, как: установление власти Советов на Урале и их взаимоотношения с городскими думами, деятельность органов местной власти, политических партий и общественных, профсоюзных, национальных движений, земских органов, их реакция на те или иные события в Петрограде и вообще в мире, I Уральская конференция РСДРП(б), переход власти в руки большевиков, результаты выборов в Учредительное собрание, начало гражданской войны на Урале, положение населения, промышленности, захват власти на Урале белыми, отношение определенных категорий населения к этим событиям и т.д.

Предлагаемая тема требует дальнейшего изучения, так как еще не все источники просмотрены: некоторые документы находились на реставрации. Составление хроники будет продолжаться, чтобы как можно детальнее представить жизнь Урала того времени.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БЕЛОЙ ВЛАСТИ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД КОЛЧАКОВЩИНЫ (первая половина 1919 г.)

В годы заключительного этапа гражданской войны на Урале, во времена так называемой колчаковщины (устаревший термин, который, безусловно, нуждается в пересмотре), т. е. с декабря 1918 по май, июнь 1919 гг., белая власть в регионе была представлена многочисленными гражданскими и военными органами. Однако ключевым уральским институтом, посвященным исключительно решению проблем региона, стала должность Главного Начальника Уральского Края (далее ГНУК) с полномочиями генерал-губернатора. Закон о Главных Начальниках (а их было всего двое – помимо Начальника Уральского Края, еще вводилась должность Начальника Самаро-Уфимского Края) был утвержден Верховным Правителем А.В. Колчаком 18 декабря 1918 г.¹ Срок его деятельности был невелик. Приступив к работе в декабре 1918 г., ГНУК сложил с себя обязанности в мае следующего года в связи с обострением военной обстановки и неумолимым приближением красных войск к Екатеринбург. Оставшийся от деятельности канцелярии ГНУК мощный пласт документов не был уничтожен советской властью и в настоящее время представляет собой большую историческую ценность.

Для исследователя поиск этих источников в значительной мере облегчен: почти все они (за исключением такого вида источников, как периодическая печать) осели в двух архивах Свердловской области – в ГАСО и ЦДООСО – и не являются, таким образом, рассыпленными. Документы обладают хорошей сохранностью, большинство из них были напечатаны на машинке, зачастую документы дублируются, имеется несколько копий.

Интересно проследить, каким образом сформировались блоки данных источников, выяснить, что же определило их состав и вид.

Сфера деятельности канцелярии ГНУК охватывала чрезвычайно обширный круг вопросов и проблем: от обращений к Начкраю со стороны частных лиц до полусекретной переписки по важнейшим хозяйственно-политическим делам с Омскими властями и их представителями в крае. Естественно, такие документы делопроизводителями канцелярии упорядочивались и подшивались в отдельные дела, посвященные конкретному кругу вопросов – это обычная работа такого рода учреждений. Так образовался ряд сборников документов, которые в начале 1920-х гг., во время архивного строительства СССР, без каких-либо изменений составили уже архивные дела. Многие из них, впрочем, малообъемны и как бы лишь заявлены в качестве дела, хотя содержат 3–10 листов. Этот факт объясним, если вспомнить непродолжительность существования самого института ГНУК.

Изменения могли происходить с источниками уже на уровне фондов при смене их номеров, количества описей и т.д. В целом же документы деятельности канцелярии Начкрая составили в ГАСО один фонд, а в ЦДООСО стали составной частью большой коллекции документов фонда Истпарта. Более детально узнать об истории фондов не представляется возможным, так как информация практически отсутствует. Другим негативным моментом является плохое состояние научно-справочного аппарата – описей фондов. Последние, как правило, создавались еще в 1920-х гг. архивистами-непрофессионалами, которые не придерживались стандартной формы. Так, содержание дела описывается на основании одного-двух самых ярких его документов.

Для наилучшего понимания исторической ценности данных источников их можно представить в виде нескольких групп, используя для этого видовую классификацию М.Н.Черноморского². Из выделяемых им видов исторических источников в документах канцелярии ГНУК встречается лишь два – законодательные и делопроизводственные.

Первые представлены некоторыми законодательными актами, издававшимися Советом Министров Временного Всероссийского Правительства в Омске. В фонде рассматриваемого нами учреждения они рассеяны по многим сборникам документов, так как присылались Начкраю в связи с необходимостью уточнения какого-либо конкретного случая, в котором ГНУК был не полностью компетентен.

Все остальные документы-источники могут быть отнесены к делопроизводственному виду классификации. В отличие от предыдущего, он представлен во всей полноте и многообразии. Так, уже упомянутые “Узаконения” Омского кабинета министров можно отнести и к подвиду “документы, характеризующие задачи, компетенции и род деятельности учреждений и организаций” делопроизводственных источников. Документы, содержащиеся в сборнике дел “Приказы Главного Начальника Уральского Края”, относятся к другому подвиду той же классификации (“постановления и решения руководящих органов или руководителей учреждений или организаций”).

В делах канцелярии часто встречаются протоколы заседаний многих местных институтов: административных (земские управы), хозяйственных (Уральский Промышленный Комитет), социальных (профсоюзы) и т.д. Попадая под категорию “документы, освещающие деятельность руководящих органов государственной власти, учреждений и организаций и принятие ими решений”, эти источники, как правило, носят форму типа “слушали – постановили” и являются не столь информативными, так как не располагают приложениями (подлинники докладов и пр.), т.е. – “глухими”.

Пожалуй, наиболее многочисленным, применительно к данному фонду, можно назвать подвид “документы, освещающие ход выполнения

принятых решений”: здесь содержится внутриведомственная (в рамках канцелярии), межведомственная переписка, доклады уполномоченных и т.д.

В противовес этому полностью отсутствуют “документы, освещающие итоги деятельности учреждений”, ведь работа всех уральских бело-гвардейских органов была свернута почти внезапно, в считанные дни...

Примечания

¹ ГАСО. Ф.1956рс. Оп.1. Д.1. Л.3.

² См.: *Черноморский Н.М.* Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1982.

СЕКЦИЯ VI. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

И. Викторов

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ШВЕДСКОЙ МОДЕЛИ

Уже несколько десятилетий шведский опыт решения экономических, политических и социальных проблем привлекает внимание всего мира. Широкую известность получил термин «шведская модель», который трактуется, однако, довольно неопределенно. Перечисление институтов и явлений современной Швеции дает лишь развернутую картину реалий страны, но мало что объясняет. Нельзя также отождествлять шведскую модель с экономической моделью Рена–Мейднера, которая функционировала в 1950–80-е гг. Последняя была лишь средством для достижения основной цели шведской модели – равенства.

Необходимо рассматривать шведскую модель как структуру. Она отразила объединение интересов основных действующих сил шведского общества первой трети XX в. во имя индустриального развития страны: государства, профсоюзов и предпринимателей. Мы выделяем три ее основополагающих элемента:

1. *Компромисс между трудом и капиталом*, который был достигнут в 1930-е гг. между Центральной организацией профсоюзов и Объединением предпринимателей Швеции. Свое завершение он получил в знаменитом соглашении в Сальтшобадене 1938 г. Отныне на смену трудовым конфликтам пришла система коллективных переговоров о формировании заработной платы, которые завершились подписанием соответствующих договоров. В итоге в Швеции был достигнут рекордно низкий уровень забастовок и локаутов в западном мире, что было выгодно и рабочим, и капиталистам: у первых росла заработная плата, у вторых – прибыли.

2. *Выбор прокапиталистического пути развития*. Частнокапиталистическая рыночная экономика стала основой шведского благосостояния. Ее рост отвечал интересам всех вовлеченных в соглашение сторон. Профсоюзы пошли на компромисс с предпринимателями. Социал-демократы, в свою очередь, отказались от национализации промышленности и введения планирования. Социалистические лозунги были забыты на несколько десятилетий. Инвестиционная политика осталась почти всецело в руках частного сектора.

3. *Пребывание социал-демократов у власти.* С 1932 г. по настоящее время (кроме 1976–82 и 1991–94 гг.) у власти находится Социал-демократическая рабочая партия Швеции (СДРПШ). Доминирование в политике рабочего движения стало гарантией существования шведской модели. Поддержка правящей партией профсоюзов обеспечивала паритет сил между трудом и капиталом. Социал-демократическое правительство взяло на себя ответственность за проведение национальной экономической политики. Оно же было призвано ликвидировать негативные последствия развития рыночной капиталистической экономики (преодоление безработицы, перераспределение доходов между богатыми и бедными, проведение социальных реформ). В 1930-е гг. социал-демократический лидер П.А. Ханссон выдвинул концепцию “Швеция – дом народа”, которая стала идеологической основой шведского благосостояния. Только социал-демократы могли обеспечить широкую общественную поддержку подчас непопулярным мерам.

Такова была модель *industrial relations* шведского общества. Она могла быть осуществлена только в Швеции с ее стремлением к достижению равенства на основе компромисса и взаимовыгодных уступок и наличием особых институтов: сильной социал-демократической партии, централизованных организаций профсоюзов и предпринимателей.

Экономическая модель Рена–Мейднера, предложенная двумя профсоюзными экономистами в начале 1950-х, идеально подходила для шведской модели. Ее целями были: полная занятость, солидарная политика заработной платы и равенство. Но государство регулировало экономику при помощи косвенных мер – прерогативы капитала не нарушались.

Результатами шведской модели после второй мировой войны стали: построение общества всеобщего благосостояния, высокоразвитая рыночная капиталистическая экономика, достижение полной занятости, огромный общественный сектор экономики (около 70 %).

Однако в 1970-е гг. Швеция вступила в стадию постиндустриального общества. В связи с этим уже более 20 лет в Швеции и за ее пределами говорят о конце шведской модели. Влияние организаций профсоюзов и предпринимателей упало – возникли другие многочисленные группы интересов. Популярность СДРПШ снизилась. Безработица возросла до небывалого уровня в 8–10 %. Внешний государственный долг достиг огромных размеров. И все же правильнее говорить не о конце, а о кризисе модели. Новый общественный компромисс еще может быть достигнут: избиратели перешли от социал-демократов не к буржуазным, а к другим левым партиям, пособия по безработице достаточно высоки. Впервые за послевоенное время в 1990-е гг. достигнута низкая инфляция.

Главная угроза шведской модели исходит от процесса интернационализации экономики. Шведские компании переросли рамки своей стра-

ны. В свою очередь, Швеция все более испытывает воздействие извне. Вступление же в ЕС не решило проблем, а только усугубило их. В Швеции, как и в других странах Западной Европы, наблюдается кризис национального государства. Жизнь людей все более зависит не от правительства, которое они выбирают, а от неподконтрольных с их стороны транснациональных корпораций и международных финансовых институтов.

Есть ли выход из этого положения? По-видимому, есть. Необходимо поставить под контроль шведского общества крупнейшие транснациональные корпорации страны. Но в условиях западного общества это практически невозможно. Попытка провести социализацию крупных компаний в 1970-е гг. не удалась. Против предложенного тогда “плана Мейднера” дружно восстали предпринимательский сектор и все буржуазные партии. Уважение частной собственности и предпринимательства – многовековая шведская традиция.

Но даже если бы в шведском обществе была осознана необходимость осуществления данного шага, сегодня этот шанс, скорее всего, упущен, в отличие от Норвегии. Интернационализация зашла слишком далеко. В конце 1980-х шведское правительство предприняло ряд губительных для модели мер. Оно сняло ограничения на движение капиталов и провело дерегулирование системы кредита. Ныне шведское государство просто не в состоянии контролировать многие экономические процессы.

Поэтому будущее шведской модели в долгосрочном плане выглядит печальным. Вместе с тем, пока западная экономика стабильна, шведское благосостояние будет сохраняться, пусть и не в таком объеме, как раньше.

Е. Вольман

ФОНДОВЫЙ РЫНОК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С АВГУСТА 1998 г. ПО АВГУСТ 1999 г. (на примере котировок акций РАО “ЕЭС России”)

Процесс перехода от командно-административной системы к так называемой рыночной экономике представляет собой этап обновления всей экономики, всех производственных и социальных структур в стране.

Сама рыночная экономика может и должна базироваться на пяти рынках, составляющих ее основные звенья. Она должна включать в себя рынок средств производства, предметов потребления, рабочей силы, капитала и недвижимости, включая землю¹.

В нашей работе уделено основное внимание важной составной части рынка капиталов – рынку ценных бумаг, цель функционирования которого состоит в том, чтобы обеспечивать наличие механизма привлечения инвестиций в экономику путем установления необходимых контактов меж-

ду теми, кто нуждается в средствах, и теми кто хотел бы инвестировать избыточный доход. Кроме того, рынок ценных бумаг как лакмусовая бумажка реагирует на любые политические и экономические изменения в стране, и по поведению рынка порой можно спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации в стране в целом, что является крайне важным в сегодняшних нестабильных условиях.

В мировой практике существует два основных вида анализа рынка ценных бумаг:

1) фундаментальный анализ – анализ экономического состояния страны, на территории которой находится эмитент, политических событий и слухов. Но для анализа текущего и будущего состояния предприятия не достаточно оценить макроэкономические показатели. Для прогнозирования курса акций необходимо также проводить микроэкономический анализ (знать о кадровых изменениях в компании, быть в курсе государственных заказов для этого предприятия и т.д.);

2) технический анализ – анализ графиков, отражающих изменение цен.

Мы считаем, что лучше всего использовать для анализа рынка сочетание этих двух методов, причем для каждого сегмента фондового рынка необходимо выделить индивидуальные критерии анализа и прогнозирования его поведения. При определении критериев нужно учитывать, что существуют компании, деятельность которых ориентирована на экспорт, и компании, ориентированные на внутренний рынок, и одни и те же факторы будут оказывать различное влияние на котировки их акций.

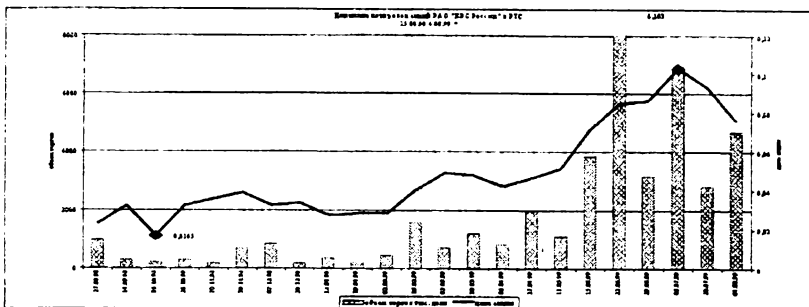
При анализе рынка акций РАО “ЕЭС России” как крупной государственной монополии (52 % уставного капитала компании принадлежит государству), деятельность которой сориентирована большей частью на внутренний рынок, можно выделить следующие критерии, оказывающие влияние на котировки акций компании:

- политические события и слухи;
- экономическая ситуация в стране;
- курс доллара (так как он оказывает влияние на экономику страны в целом);
- ситуация, складывающаяся на мировых рынках в связи с участием иностранных инвесторов в акционерном капитале компании.

При проведении микроэкономического анализа наиболее важными являются следующие факторы:

- характер управления компанией, доверие к руководству компании;
- политика, проводимая руководством компании;
- доходы компании и т.д.

Влияние этих факторов проанализировано нами за период с 25.08.98 по 04.08.99 г.

В качестве критических точек нами были определены точки максимального спада и максимального роста котировок акций за данный период.

Максимальный спад был зафиксирован на рынке 05.10.98. В этот период в фондовом секторе ПАО "ЭЭС России" сформировалась парадоксальная ситуация — акции реализовывались по цене ниже номинала, их стоимость упала до 1,65 центов.

Причины сложившейся ситуации сформировались еще в августе 1998 г., когда правительством С. Кириенко было объявлено о дефолте — отказе государства платить по своим долгам, что выразилось, в частности, в 90-дневном моратории на выплаты основных сумм кредитов резидентами нерезидентам и реструктуризации внутреннего долга, оформленного в виде ГКО и ОФЗ, и девальвации рубля. После объявления схемы реструктуризации государственного долга инвесторы стали выводить свои инвестиции с российского рынка. Масштабные продажи ежедневно опускали котировки на несколько процентов вниз. Кроме того, на настроения продавцов в начале октября оказали влияние политические скандалы и кадровые перестановки, отсутствие у нового правительства четкой программы по выводу страны из кризиса и слухи о возможном запрете или ограничении хождения на территории России иностранной валюты.

Максимальный рост котировок акций ПАО "ЭЭС России" был зафиксирован 6.07.99, когда их стоимость выросла до 10,3 центов.

Котировки начали расти в конце июня 1999 г. Причиной стало прошедшее 25 июня собрание акционеров ПАО "ЭЭС России", на котором было принято решение о внесении поправок в Устав компании. Отныне председатель правления ПАО "ЭЭС России" будет избираться и освобождаться 3/4 голосов акционеров, а не большинством членов совета директоров, как было раньше. Это означает, что нынешний глава компании Анатолий Чубайс теперь может находиться в своей должности сколь угодно долго, ведь поправки были пролоббированы иностранными акционерами

РАО “ЕЭС России”, которые владеют 34 % акций компании и, таким образом, могут заблокировать любое решение. А в симпатиях иностранцев к Анатолию Чубайсу сомневаться не приходится. Таким образом, РАО “ЕЭС России” приобрело “устойчивость”, что важно для партнеров компании и инвесторов, которые должны быть убеждены, что РАО “ЕЭС России” создано всерьез и надолго. Помимо изменений, произошедших внутри компании, на динамику котировок акций в начале июля повлияли итоги пребывания в Москве миссии МВФ, в ходе которого перспективы предоставления России кредита были оценены как очень высокие, а также общее улучшение конъюнктуры мировых рынков.

Данное исследование было выполнено по заказу Акцептной компании г. Екатеринбурга и использовалось для оценки перспектив вложения инвестиций в акции компании.

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящее время состояние российской экономики, законов и методов государственного регулирования не позволяет серьезно относиться к отечественным финансовым рынкам, в том числе и к рынку ценных бумаг. Резкие взлеты и падения, баснословная прибыльность и последующий крах тех или иных финансовых инструментов не позволяют рассматривать российский фондовый рынок как среду для ведения цивилизованного бизнеса. Российские финансовые инструменты часто представляют собой спекулятивные “бумажки”, чутко реагирующие на малейшее изменение политической и экономической ситуации в стране. Причем особенностью российского рынка является то, что главным фактором, влияющим на состояние рынка, является политика.

Однако мы надеемся, что период получения сверхприбылей во время государственных потрясений уже подходит к концу и люди, относящиеся к работе на рынке ценных бумаг как к серьезному бизнесу, смогут получать достаточно стабильную прибыль.

По оценкам экспертов, акции РАО “ЕЭС России” могут служить объектом долгосрочных инвестиций и принести достаточную прибыль, так как в данный момент цены невелики и котировки акций имеют тенденцию к повышению.

Примечания

¹ Жуков Е. Ф. Ценные бумаги и фондовый рынок. М., 1995. С.243.

² График составлен автором.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В 1990-е гг. (на примере г. Екатеринбург)**

В настоящее время в России активно привлекается реклама, которая является формой неличного представления и продвижения идеи, услуг, товаров и оплачивается конкретным заказчиком. Реклама оказывает влияние на экономику, развитие производства, на потребителей, стимулирование спроса. Правовое регулирование рекламной деятельности связано с установлением правовых основ единого рынка товаров. В этом смысле реклама составляет одну из основных частей информационной структуры экономического пространства. Деятельность организаций, занятых в сфере рекламы, можно сравнить с игрой в футбол на минном поле. Они находятся в более сложном положении, чем обычные коммерческие структуры, поскольку, помимо законодательства, регламентирующего предпринимательскую деятельность, их деловая активность регулируется еще целым рядом нормативных актов, таких как законы “О рекламе”, “О СМИ”, “Об использовании иностранных слов и письменных знаков в рекламе”, отдельными положениями законов “О государственной тайне”, “Об информации, информатизации и защите информации”. Приведенный выше перечень далеко не полон, однако позволяет составить представление о том, насколько сложно ориентироваться в центре такого сплетения законов и подзаконных актов. Кроме этого, деятельность рекламных фирм ограничивается законодательными актами, принятыми не только на федеральном уровне, но и на местном.

Таким образом, главная цель данной работы заключается в рассмотрении механизма правового регулирования рекламной деятельности на федеральном и местном уровнях. Особое внимание уделяется правовому регулированию рынка наружной рекламы в Екатеринбурге.

Перечислим проблемы, на которые следовало обратить внимание при изучении данной темы:

- 1) анализ ситуации на рынке наружной рекламы в Екатеринбурге;
- 2) изучение федерального законодательства по рекламе, законов и подзаконных актов, которые в той или иной степени затрагивают вопросы наружной рекламы;
- 3) анализ региональной специфики местного законодательства и управления рынком рекламы в Уральском регионе; определение того, как законы регулируют отношения в рекламном бизнесе, насколько они адекватны и соответствуют реальной действительности и какую роль играют органы местного самоуправления и общественные организации на рекламном рынке.

Рассмотрев данные проблемы, мы дадим характеристику правового регулирования рынка рекламы не только на федеральном уровне, но и на местном, так как это представляет особый интерес в сложившейся ситуации на рынке рекламы в Екатеринбурге.

Анализ материалов, нормативных документов, статей и исследований по данной проблеме свидетельствует о следующем.

1. Наружная реклама на екатеринбургском рекламном рынке заметно укрепила свои позиции в сравнении с другими средствами массовой информации. В последние годы отмечается все возрастающий интерес крупных рекламодателей к наружной рекламе, да и сама наружная реклама может предложить все больше возможностей для рекламодателей.

2. Весь период развития рынка наружной рекламы в Екатеринбурге можно разделить на три этапа.

В 1994 г. на улицы города выносились в основном имиджевая реклама, содержащая минимум информации. Население, не привыкшее к наружной рекламе, просто не обращало внимания на информацию. Можно было рассчитывать лишь на создание яркого впечатления и воздействовать через название фирмы, торговую марку, броский дизайн.

Период 1995–1997 гг. можно охарактеризовать как время бурного развития рекламных агентств, занятых изготовлением и оформлением наружной рекламы. В большинстве случаев каждая рекламная фирма предлагала разнообразные услуги – от изготовления рекламных листовок, плакатов, этикеток, наклеек и иной печатной продукции и размещения их в специально отведенных местах до изготовления растяжек, щитовых установок, оформления транспорта. Неудивительно, что такое огромное количество фирм на рекламном рынке приводило к жесткой конкурентной борьбе и вынуждало вести сдерживающую политику цен.

1997–1999 гг. – время становления наружной рекламы, которое характеризуется отбором рекламных агентств, повышением специализации, внедрением новых технологий и качественным изменением дизайна. Некоторые работают как собственно исполнители, т.е. занимаются заказами других агентств без разработки креатива и работы с заказчиком. Другие, в качестве рекламных отделов крупных фирм, фактически обеспечены постоянными заказчиками. Третьи – специализированные агентства – работают как непосредственно с фирмой, так и с рекламными агентствами.

Таким образом, каждый из этапов характеризуется определенным состоянием рынка рекламных фирм, определенным набором предлагаемых услуг и отношением населения и потенциальных рекламодателей к “наружке”.

3. До принятия 18 июля 1995 г. федерального закона “О рекламе” в рекламной практике неоднократно обращались к законодательству о конкуренции, защите прав потребителей и др. Эти правовые нормы в боль-

шинстве случаев помогли разрешить сложные ситуации, которые возникали между рекламодателем как покупателем и рекламопроизводителем как продавцом. Если говорить о качестве российского законодательства, то необходимо отметить, что в его разработке принимали участие сотрудники Антимонопольного комитета РФ, квалифицированные специалисты и западные эксперты. “На многих семинарах, посвященных проблемам рекламы, западные эксперты давали весьма высокую оценку российскому закону “О рекламе”. Закон работает, хотя некоторые изменения могли бы его усилить”¹.

4. Необходимо отметить некоторые моменты несоответствия между федеральным законодательством и местным. По закону “О рекламе” производственные отношения, возникающие в процессе рекламной деятельности, регулируются исключительно федеральными актами: законами, указами Президента, нормативными актами Правительства и других органов центральной исполнительной власти. Документ отнес рекламную деятельность к исключительной компетенции Федерации, и ее субъекты не могут принимать собственные законы в данной сфере. “Субъектам это, естественно, не понравилось. Собственное нормативное регулирование рекламы, во-первых, могло бы удовлетворить их запросы к видимой стороне паблицити, а во-вторых, позволило бы контролировать невидимые финансовые потоки, бурлящие в рекламе”². Регионы боролись с центром по-разному. Так, Уральский регион, несмотря на исключительную компетенцию центра, стал принимать местные законы (областной закон от 29.07.96 г. № 30–03 “Об использовании иностранных слов и письменных знаков в рекламе”, решение екатеринбургской Городской думы от 30.12.96 № 9/3 “Об утверждении положения о порядке распространения наружной рекламы в г.Екатеринбурге” и др.). Кроме того, нередко у предприятий, зарегистрированных и действующих в Москве, возникает необходимость в размещении своей рекламы в СМИ других регионов России. Региональные СМИ, согласно местному налоговому законодательству, помимо стоимости собственно услуг по размещению рекламы, включают в счет налог на рекламу. Возникает вопрос – должен ли рекламодатель перечислять региональным агентствам сумму налога на рекламу? Согласно закону РФ “Об основах налоговой системы РФ”, рекламодатель обязан уплачивать налог на рекламу по месту своей регистрации и постановки на налоговый учет, а не по месту размещения рекламы. В данном случае региональные органы местного самоуправления противоречат указанному законодательству. Но в дальнейшем противоречия между федеральным и местным законодательством будут сглажены и отражены в нормативных документах.

5. Кроме этого, в регулировании рекламного рынка в Уральском регионе немаловажную роль играют государственные и общественные организации. Это *Городской Совет по рекламе (1997 г.)* и *Уральский Обще-*

ственный Совет по рекламе (1996 г.). Они были созданы с целью упорядочения рекламной деятельности и обеспечения единой политики в области наружного рекламного оформления; для контроля за соблюдением законов; для применения и продвижения правил и эстетических стандартов, которые добровольно ввела для своих участников рекламная отрасль и согласилась их соблюдать. Новое объединение уже заявило о себе проведением целого ряда выставок и семинаров, выпустило сборник законодательных актов по рекламе. Но самое главное в планах Совета – объединение всех заинтересованных в регулировании рекламного рынка, в обработке общих принципов взаимодействия.

Изучение материалов, законов и нормативных документов по рекламе позволяет сделать вывод о том, что рынок наружной рекламы в Екатеринбурге формировался постепенно и в настоящее время имеет достаточно устойчивые позиции в условиях экономического, политического и социального кризиса. Его стабильность подкрепляется существующими законами, постоянным контролем со стороны государственных и общественных организаций.

Данное исследование имеет практическую значимость, так как будет использовано в деятельности Рекламной группы “МАРТ” и других рекламных фирм г.Екатеринбурга.

Примечания

¹ Мы заинтересованы в том, чтобы все стало четко, ясно и понятно // Паблицити. 1997. № 2. С.4.

² *Киртичников А.* Конституционный суд занялся законом “О рекламе” // Сегодня. 1998. № 24. С.3.

Е. Мальцев

МОТИВАЦИЯ К ТРУДУ ПЕРСОНАЛА СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Опыт работы многих организаций, а также существующие теории доказывают, что управление персоналом – это не только какой-то ограниченный набор методов, которые традиционно применялись отделами кадров в СССР. Существовавшая в те годы система стимулирования трудовой деятельности стала одной из причин кризиса труда. Вот почему эффективность деятельности организации в значительной степени зависит от правильного понимания и применения мотивации и стимулов к труду. Применение малоэффективных методов мотивации к труду негативно сказывается на результатах ее деятельности. Мотивация персонала является важнейшим условием успешной работы организации. Это делает тему мотивации персонала достаточно актуальной в наших условиях.

Мотивация к труду – это стремление работника удовлетворить свои потребности (получить определенные блага) посредством трудовой деятельности. В структуру мотива труда входят:

- потребность, которую хочет удовлетворить работник;
- благо, способное удовлетворить эту потребность;
- трудовое действие, необходимое для получения блага;
- цена – издержки материального и морального характера, которые связаны с осуществлением трудового действия.

Как правило, мотив к труду формируется, когда трудовая деятельность является либо единственным, либо основным условием получения блага. Сила мотива определяется степенью актуальности той или иной потребности для работника. Мотивы труда разнообразны, однако общее у них всегда только то, что удовлетворение потребностей связано с трудовой деятельностью.

Условно мотивационные теории делятся на две группы. Одни объясняют трудовую мотивацию действием внешних факторов, вторые видят источники мотивации во внутреннем мире человека. Одной из наиболее последовательных концепций мотивации деятельности человека является концепция Д. Макгрегора, который анализирует две теории – “теорию X” и “теорию Y”. “Теория X” предполагает, что человека надо принуждать к труду. Согласно “теории Y”, внешний контроль и угроза наказаний не являются определяющими в трудовой активности работников. Достижение цели само по себе является внутренней наградой. “Теория Y” привела к появлению “теории Z”. По “теории Z”, каждый работник имеет свободу и работает самостоятельно, без надзора. Такое доверие усиливает убежденность работников в совпадении индивидуальных целей с целями организации.

Каждая организация использует собственные системы вознаграждения работников. С.В. Шекшня в своей книге “Управление персоналом современной организации” выделяет два вида систем компенсаций – традиционную и нетрадиционную.

Традиционная система компенсации предусматривает, что вознаграждение, которое получает сотрудник, складывается из двух элементов – основного (заработной платы или оклада) и дополнительного (льгот) – и остается постоянным в течение определенного промежутка времени.

Должностной оклад – это устойчивая сумма денежных средств, которую работник получает исходя из следующих критериев:

- цены должности;
- цены профессиональной квалификации;
- цены специфики выполняемой работы;
- цены стажа работы.

Цена должности оклада не должна превышать 40 % от общей суммы денежных средств, которые выделены руководством компании на конкретный должностной оклад.

Льготы – материальные блага, повышающие жизненный уровень работника (в зависимости от организации могут составлять до 50 % и более совокупного дохода работника).

Таким образом, к льготам часто относят дополнительные по отношению к заработной плате выплаты или услуги: страхование жизни, медицинское страхование, материальную помощь, дополнительный отпуск, пользование автомобилем компании, отдых в санатории и т.д.

Нетрадиционными называют методы компенсации, построенные на принципах, которые отличаются от методов традиционной системы. Они позволяют преодолеть некоторые ее недостатки. Наиболее распространенными являются следующие виды данных методов компенсации:

- система переменной заработной платы, при которой величина получаемого сотрудником вознаграждения не является зафиксированной на длительный период, а изменяется в зависимости от различных факторов, в первую очередь – результатов его работы;

- системы групповой заработной платы (вознаграждение по итогам работы подразделения, организации);

- приобретение акций компании (опционы). Эта форма вознаграждения, используемая современными корпорациями для стимулирования сотрудников (в первую очередь руководителей), заключается в предоставлении им возможности приобрести акции корпорации по фиксированной цене в определенный момент времени в будущем;

- системы платы за знания и компетенции, при которых величина заработной платы сотрудника определяется уровнем его квалификации, продемонстрированными знаниями и профессиональными навыками;

- премиальное вознаграждение – дополнительное к должностному окладу денежное вознаграждение, выдаваемое работнику при проявлении профессионализма, служебного рвения, а также при приложении усилий по сбережению в коллективе здоровой морально-психологической обстановки, соблюдении корректности в служебной субординации.

Критерии, необходимые для получения данного вознаграждения:

- реальный вклад (в денежном выражении) в доходы компании;

- инновационность служебных действий и их эффективность;

- деловой риск, его реальная и перспективная полезность;

- отсутствие пропусков;

- профессиональная самоподготовка;

- поощрения президента компании. Такого вида поощрения необходимы для повышения личного авторитета президента в трудовом коллективе, а также для выявления наиболее способных и добросовестных ра-

ботников. Большинство фирм практикуют создание так называемого “Фонда Президента”. Как правило, такие поощрения носят целевой характер.

Сегодня вряд ли кто-то будет оспаривать влияние факторов неденежного вознаграждения на поведение человека на рабочем месте. Производительность работника зависит от того, в каких условиях (чистота, свежий воздух и т.п.), на каком оборудовании, в каком коллективе он работает и т.д. При найме работодатель должен представить весь комплекс преимуществ, которые работник получит от организации: условия труда, профессиональное обучение, перспективы развития карьеры. По мере развития общества значение этих нематериальных факторов усиливается, а значит, увеличивается необходимость комплексного подхода к компенсации, внедрения концепции «пакета компенсаций», включающего в себя все аспекты отношений работника с организацией.

Таким образом, мотивация к труду приобрела актуальность в связи с тем, что повышает его значимость для работника, а также его вклад в задачи коллектива. Не менее важным является и то, что она повышает ответственность сотрудников на конкретной должности

К. Мешкова

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛОВОЙ КАРЬЕРОЙ ПЕРСОНАЛА В КРУПНЫХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЯХ (на примере ОАО «Газпром»)

Еще со времен Советской России наша система подготовки и развития трудовых ресурсов на предприятиях уступала западной. С переходом к рыночной экономике кардинально изменилось отношение к человеческим ресурсам на предприятиях. Опыт иностранных компаний стал использоваться в отечественных организациях. Была признана необходимость развития трудового потенциала работников, целесообразность создания центров подготовки персонала на предприятиях, новой должности специалиста по профессиональному обучению.

Задача предприятия состоит не только в правильном отборе персонала, принимаемого на работу, но и в обеспечении его развития в процессе трудовой деятельности. Организации стали создавать специальные методы и системы управления профессиональным развитием – профессиональным обучением, подготовкой резерва руководителей, развитием карьеры. В крупных многонациональных корпорациях существуют специальные отделы профессионального развития, которым придается большое значение.

ОАО “Газпром” – одна из немногих российских компаний, создавших и развивающих систему повышения квалификации своих сотрудников в рамках системы непрерывного обучения.

В этой крупнейшей топливно-сырьевой компании и раньше была довольно развитая кадровая служба. После кризиса в начале 1990-х работа с людьми активизировалась, и в итоге была создана уникальная система повышения квалификации сотрудников в рамках системы непрерывного обучения.

Эта система предусматривает периодическое (от 1 до 5 лет) повышение квалификации всех руководителей и специалистов с изменяющимися во времени приоритетами обучения по индивидуальным для каждого специалиста и каждой специальности учебным программам. Повышение квалификации осуществляется по 5 основным уровням – от молодых специалистов до высшего руководящего состава ОАО «Газпром», – причем на каждом из этих уровней предусмотрено главное направление обучения, разработан типовой план повышения квалификации. Для специалистов и руководителей типовой план охватывает весь период производственной деятельности (25 – 30 лет). Для молодых специалистов и тех, кто впервые пришел на работу в газовую отрасль, предусматривается особая годовая программа, позволяющая адаптировать специалиста к отрасли, определить его профессиональные качества и привить традиции фирмы. Обучение на предприятии ОАО «Газпром» проводится по разработанным учебным планам и программам, согласованным с заинтересованными управлениями. Программы обучения тесно увязываются с хозяйственной деятельностью подразделений в условиях складывающихся рыночных отношений. В ОАО «Газпром», как и в других крупных организациях, созданы специальные системы подбора, развития и перемещения будущих руководителей (резерва руководителей), а управление этой системой рассматривается как стратегически важная задача. Это обусловлено тем, что должности высших руководителей оказывают исключительное влияние на развитие компании. Способность выявлять и успешно готовить к работе в высокой должности будущих руководителей признается важнейшим фактором успеха в конкурентной борьбе. Подготовка руководящих кадров в основном ведется по специально разработанным программам для того, чтобы эти работники овладели умениями и навыками, необходимыми для реализации целей предприятия. Подготовка руководителей, специалистов и служащих предполагает следующие формы и методы: семинары по системе качества; стажировку на передовых предприятиях; курсы по специализации и различным направлениям, функциям структурной единицы; школы менеджеров; обучение в учебных центрах, вузах, ИПК с отрывом и без отрыва от производства.

Компания заботится не только о повышении квалификации руководителей (в том числе из резерва кадров на выдвижение на руководящие должности) и специалистов различного профиля, но и о развитии рабочих кадров. Профессиональное и экономическое обучение рабочих осуществляется по трем направлениям:

- подготовка новых работников;
- переподготовка (переобучение) рабочих;
- обучение рабочих вторым (смежным) профессиям.

При этом используются следующие методы подготовки, переподготовки и повышения квалификации: повышение квалификации на производственно-экономических курсах; курсы целевого назначения; школы передовых приемов и методов труда.

На предприятии существует Центр подготовки персонала (ЦПП). Основная его задача – помочь перспективным специалистам обрести второе высшее образование, а рабочим основных профессий – вторую специальность. При этом ставится твердый экономический расчет – учить только тех и только тому, в чем и в ком нуждается производство.

Успешное функционирование ЦПП в ОАО «Газпром», опыт и достижения специалистов кадровых служб являются центральной темой многих публикаций. Наряду с использованием активных методов обучения (диалоговые лекции, разбор производственных ситуаций, деловые игры и т. д.), создаются новые программы, внедряются новые формы проведения занятий для руководящих кадров (например, в виде выездных семинаров)... На очереди внедрение во все учебные курсы программ автоматизированного контроля и блочно-модульного обучения; разработка профессиональных тестов для определения базы знаний слушателей как перед началом обучения, так и после его окончания, контроля и помощи в дистанционном обучении, вплоть до использования возможностей всемирной сети Internet; внедрение дополнительного образования для некоторых категорий сотрудников с получением диплома о втором высшем образовании.

Для обучения сотрудников при ОАО «Газпром» создан и активно функционирует Учебно-производственный центр. Кроме того, заключены договоры с некоторыми специальными образовательными учреждениями, институтами повышения квалификации для реализации потребностей компании в повышении общеобразовательного и общетехнического уровней своих работников. Также имеет место практика сотрудничества с иностранными компаниями. Они предлагают свои услуги на обучение специалистов и руководителей по тем или иным направлениям газовой отрасли.

Развитие деловых качеств персонала обусловлено все возрастающими требованиями производства и качества труда, технической эволюцией и завоеванием рынков сбыта. В процессе деятельности компании всегда возникают вопросы ротации и роста кадров, вследствие чего персонал должен быть профессионально подготовлен к продвижению по служебной лестнице. Значительные затраты на профессиональное развитие рассматриваются как капиталовложения организации в развитие своих со-

трудников, от которых она ожидает отдачи в виде повышения производительности, т.е. увеличения вклада каждого сотрудника в достижение организаторских целей.

Таким образом, грамотные компании стремятся получить не готового специалиста, что на практике осуществить весьма трудно, а подобрать человека с некоторым исходным набором качеств, которые позволят ему за короткий срок с помощью эффективной системы повышения квалификации стать высококлассным специалистом.

Ж. Новичева

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И КАДРОВАЯ СЛУЖБА

В советское время управление организацией, ее развитием зачастую диктовались сверху, подбор кадров имел политическую окраску, функции кадровой службы ограничивались приемом и увольнением сотрудников, оформлением трудовых правоотношений. Сейчас из-за отсутствия традиций и опыта в данном вопросе наблюдается дефицит в концепциях в таких важных сферах управления организацией, как стратегическое планирование и управление персоналом. Стратегическое управление ориентирует производственную деятельность и запросы потребителей, выубирает и обосновывает перспективные цели развития организации, обеспечивает достижение этих целей. Стратегическое управление невозможно без определения понятия стратегии, т. е. генерального направления действия организации, следование которому в долгосрочной перспективе должно привести ее к цели, и стратегического планирования, т. е. процесса формулирования миссии и цели организации, выбора стратегии для определения и получения необходимых ресурсов и их распределения. Стратегическое управление включает пять взаимосвязанных этапов:

- 1) анализ среды – макроокружения и непосредственного окружения, а также внутренней среды;
- 2) определение миссии и цели – формулировку кредо, смысла существования организации, определение долгосрочных и краткосрочных целей;
- 3) анализ и выбор стратегии – создание стратегии, анализ альтернатив в рамках выбранной стратегии;
- 4) выполнение стратегии;
- 5) оценку и контроль над выполнением стратегии.

Недостатки стратегического управления заключаются в том, что оно не дает точной и детальной картины будущего (формируемое будущее в стратегическом управлении – лишь желаемое состояние организации), требует больших усилий и затрат времени и т.д.

Одной из подсистем управления организацией, тесно связанной со стратегическим управлением, является управление персоналом организации. Кадры (персонал) – один из важнейших ресурсов организации, без которого невозможно ее существование. Характеристиками персонала являются: способности (уровень образования, профессиональные навыки), мотивация (круг профессиональных и личных интересов), свойства (личные качества). В функции управления персоналом организации входят планирование и развитие, т. е. замена интуитивного и случайного подхода в определении требуемого количества и квалификации персонала специально разработанными методами. Это регулирование, набор и найм, заключающийся в определении пригодности наиболее подходящих кандидатов для выполнения требуемых задач, использование персонала, учет и контроль, мотивация труда и поведения персонала – управление содержанием и процессами мотивации трудового поведения, конфликтами, организацией льгот и услуг.

Основным структурным подразделением по управлению персоналом является отдел кадров. Одним из важнейших составляющих управления персоналом является кадровое планирование, задача которого – предоставление людям рабочих мест в нужный момент в соответствии с их способностями и требованиями производства. Составляющие стратегии управления персоналом – отбор персонала, оценка квалификации, вознаграждение, развитие персонала. Следовательно, стратегическое управление персоналом – сложный процесс, при котором необходимо учитывать как внешние факторы (внешняя среда организации, организационное окружение), так и внутренние (опыт руководителей, стратегическое развитие фирмы). Кадровое управление отличается от других видов управления: в основе его лежит человек со своими индивидуальными особенностями. Выделяют три фактора, влияющих на кадровое планирование в организации. Это иерархическая структура организации, культура (вырабатываемые организацией ценности, социальные нормы, установки поведения), рынок (сеть равноправных отношений, основанных на купле-продаже продукции и услуг). Человек составляет основу организации, ее сущностное богатство. Однако с позиций управления нельзя говорить о человеке вообще, так как у людей различные способности и отношение к своему делу, к организации, своим обязанностям, они имеют различные потребности и мотивы к деятельности. Поэтому проблема управления человеком в организации не сводится только к взаимодействию работника и менеджера. В любой организации человек работает в окружении коллег, является членом формальных и неформальных групп. Эти группы оказывают на человека исключительно большое влияние, либо помогая более полно раскрыться его потенциалу, либо подавляя его способности и желание работать производительно, с полной отдачей, поэтому

менеджмент должен учитывать этот факт в построении работы организации, в управлении кадрами.

Следует сказать, что в настоящее время изменение требований к работнику повышает значимость творческого отношения к труду и высокого профессионализма, расширяется сотрудничество персонала с администрацией для достижения общих целей, что побуждает каждого сотрудника к развитию потенциальных способностей, повышению эффективности труда, творческому решению задач.

Таким образом, кадровое управление – важная часть управления организацией, от которой зависит существование организации в целом. Структурным подразделением его является отдел кадров, возглавляемый менеджером по кадрам, а в основе управления – человек со своими индивидуальными особенностями и целями, которые обязательно должны быть учтены. Кадровое управление тесно связано со стратегическим управлением, являясь его подсистемой.

К. Новолодцкая

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОПЫТА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА В НАЧАЛЕ XX в. НА ПРИМЕРЕ г.ТРОИЦКА

Маркетинг территории – это деятельность, предпринимаемая с целью создания, изменения и поддержания имиджа территории, или, по-другому, мнения субъектов, внешних по отношению к этой территории. В начале XX в. не существовало такого понятия, как “имидж”, но многие факторы влияли на притягательность территории для внешних субъектов. Поэтому можно говорить об осуществлении деятельности в сфере маркетинга территории в изучаемый нами период. Другой вопрос – была эта деятельность осознанной или нет.

Чтобы иметь представление о притягательности г.Троицка для внешних субъектов (купцов, производителей), нужно исследовать его на наличие двух аргументов:

- 1) аргумент функционирования – минимальный набор условий для нормального существования территории;
- 2) аргумент перспективности развития – набор условий, которые бы обеспечивали эволюцию социально-экономической структуры территории.

К основным аргументам функционирования территории относятся:
– обеспечение личной безопасности и охраны общественного порядка. Информацию о наличии этого аргумента могут дать нам следующие источники: документы уездного полицейского управления, жандармского управления, уездного комитета попечения о народной трезвости, тюремного замка и газета “Степь”;

- состояние дорог, транспортного обслуживания. Источники – документы почтово-телеграфной конторы, уездного съезда и газета “Степь”;
- состояние и эксплуатация жилищного фонда (в том числе и гостиничного);
- уборка мусора;
- наличие парков, благоустройство. Источники – документы уездного съезда и газета “Степь”;
- наличие и развитие образовательных учреждений (школ, училищ, гимназий и т.д.). Источники – документы инспекции народных училищ, уездного училищного совета, образовательных учреждений и газета “Степь”.

Среди аргументов перспективности развития территории можно назвать:

- возникновение новых и развитие старых производств. Источники – Уральский торгово-промышленный адрес-календарь, Адрес-календарь Памятная книжка Оренбургской губернии, Статистический обзор Оренбургской губернии;
- городскую инфраструктуру, т. е. наличие предприятий и учреждений, удовлетворяющих потребности жителей. К источникам, перечисленным в предыдущем пункте, можно прибавить газету “Степь” и документы уездного съезда;
- уровень благосостояния жителей;
- динамику инвестиций.

Следующим этапом изучения города является рассмотрение его с позиций маркетинга на территории, т. е. исследование деятельности органов власти и органов самоуправления в сфере потребления общественных благ. На данном этапе изучению подлежат институциональные учреждения общественной значимости и полезности:

1. Государственные учреждения и общественные организации, обеспечивающие и организующие:

- оборону, национальную безопасность (управление уездного воинского начальника, уездное воинское присутствие, управление 3-го воинского отдела);
- охрану правопорядка (уездное полицейское управление, жандармское управление, тюремный замок);
- здравоохранение (Пупышевская больница, городская больница, городская микроскопическая станция, городская заречная амбулатория, городская лечебница для животных, местный военный лазарет);
- образование (мужская гимназия, женская гимназия, низшая ремесленная школа, уездный училищный совет, инспекция народных училищ, городское 4-классное училище, библиотеки);
- пожарную безопасность (вольное пожарное общество, Троицкое городское общество взаимного от огня страхования);

– социальную защиту (Троицкое мусульманское благотворительное общество, Попечительное общество о доме трудолюбия, Троицкое все-сословное товарищество взаимопомощи на случай смерти и потери трудоспособности).

2. Организации, защищающие группы населения.

3. Политические партии и выдающиеся личности.

Изучив территорию на наличие аргументов функционирования и перспективности развития, а также деятельность институциональных организаций в сфере потребления общественного продукта, мы извлечем ценную информацию о методах территориального маркетинга в начале XX в. В дальнейшем этот опыт можно будет применить на практике.

М. Огородникова

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Инновационный характер современного производства, его высокая наукоемкость, приоритетность вопросов качества продукции изменили требования к работнику, повысили значимость творческого отношения к труду и высокого профессионализма. Это привело к существенным изменениям в принципах, методах и социально-психологических вопросах управления персоналом, поэтому тема формирования кадрового состава актуальна в наши дни.

Своевременное комплектование нужными кадрами всех ключевых подразделений организации становится невозможным без разработки и реализации кадровой политики. Концепция долгосрочной, ориентированной на будущее кадровой политики осуществляется с помощью кадрового планирования. Сущность планирования проявляется в конкретизации целей развития всей организации и каждого подразделения в отдельности на установленный период, определении хозяйственных задач, средств их достижения, сроков, необходимых ресурсов.

Составной частью планирования на предприятии в целом является кадровое планирование. Оно предполагает отслеживание изменений в профессионально-квалификационной структуре кадров и призвано выявлять тенденции в развитии рабочей силы, своевременно определять качественные и количественные требования к ней.

Планирование осуществляется поэтапно. Первоначально определяются главные задачи, затем вырабатывается кадровая стратегия. Завершающий этап – установление конкретных целей, уточнение принципов руководства. Самое важное направление планирования – определение потребности в персонале, как качественной, так и количественной. Кроме этого, в рамках планирования проводятся такие мероприятия, как адап-

тация рабочих к новым условиям производства, профессиональный и должностной рост, планирование высвобождения и сокращения.

В случае установления необходимости проводится подбор новых кадров. Основой процесса поиска и отбора является анализ работы и ее описание. Возможно использование как внутреннего, так и внешнего источника привлечения кандидатов. Процедура отбора проводится в строго определенной последовательности. Первый этап – первичный отбор, т.е. отсеивание кандидатов, не обладающих минимальным набором характеристик. Второй – индивидуальное собеседование. Его результаты соединяются с результатами наведения справок о кандидате и в совокупности составляют основу для собеседования с линейным руководителем. Самым важным моментом, кульминацией процесса отбора, является принятие решения о приеме на работу.

Таким образом, формирование кадрового состава – сложный процесс, включающий в себя множество операций, каждая из которых имеет свои нюансы. Выше изложена современная концепция методики его проведения, являющаяся результатом длительной эволюции. В разных странах это развитие, в силу обособленного действия экономических, политических, идеологических и других причин, имело свои особенности.

В американских фирмах общими критериями по подбору кадров являются образование, практический опыт работы, психологическая совместимость, умение работать в коллективе. Руководящие кадры в фирме назначаются. Специалисты США, как правило, профессиональны в узкой области знаний, и поэтому продвижение их по иерархии управления происходит по вертикали.

В японских фирмах главное – ориентация на внедрение новшеств и повышение качества решений, эффективности проводимых кадровых мероприятий. В качестве критериев применяются совмещение профессий, умение решать производственные проблемы. Руководитель в большинстве случаев – человек, способный работать на любом участке фирмы, а не по отдельным ее функциям. В Японии характерной чертой для найма является длительность или даже пожизненность.

В Германии акцент делается на формирование команды. Кадровое планирование полностью интегрировано в корпоративное. Стратегии и цели компании совмещаются с квалификационными показателями имеющихся человеческих ресурсов.

В России на современном этапе специфика процесса формирования кадрового состава заключается в сложном переплетении новых методов, заимствованных у западных стран, и старых, исторически сложившихся на протяжении десятилетий господствования технократического подхода к управлению на уровне предприятия. Наблюдается превращение кадровых служб из административной, занятой повседневной рутинной дея-

тельностью подсистемы поддержки других структурных подразделений в надежного делового партнера внутри организации и за ее пределами. На настоящий момент все кадровые службы нашей страны можно разделить с определенной долей ответственности на 3 группы : 1) перешедшие на новые кадровые технологии; 2) частично перешедшие на новые кадровые технологии; 3) работающие по-старому. В первой и второй группах совершенствуется методика планирования, наблюдаются такие инновации, как использование рекрутерских агентств, организация конкурса при подборе персонала, прием и рассмотрение рекомендаций кандидатов, использование тестов для оценки различных качеств личности, проведение нетрадиционных форм интервью и т.д.

Успешность такой трансформации зависит в немалой степени от создания соответствующей институциональной инфраструктуры в национальном масштабе.

Ю. Селянинова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ТРУДА (анализ зарубежного опыта)

Рынок труда в развитых странах – одна из важнейших составляющих общеэкономического рыночного механизма. Решение проблем формирования, развития и эффективного использования трудовых ресурсов – центральное звено стратегии общенационального и культурного развития любой страны мира. Управление кадрами за последние 20-30 лет претерпело значительные изменения. Новый этап НТР, и, прежде всего, повсеместное внедрение программируемой автоматизации, компьютеров и новых систем связи в развитых странах, оказывает многогранное влияние на сферу труда, на роль и значение человека в общественном производстве. Заметно меняются требования к работнику, профессионально-квалификационная и отраслевая структура занятых. Изменения отраслевой структуры рабочей силы во многом обусловлены проявлением долговременной тенденции – абсолютным и относительным сокращением занятости в сфере материального производства и соответствующим ее ростом в сфере услуг. Все меньше живого труда требуется, чтобы привести в действие и управлять все большими объемами производственного и иного оборудования (большая часть производственных функций осуществляется машинами). Как следствие действия разнонаправленных факторов – наличие практически постоянной безработицы. Проблема безработицы имеет не только социальный аспект: для общества в целом потери от безработицы выражаются в недопроизводстве национального дохода,

сокращении налоговых поступлений, значительных затратах на оказание помощи гражданам, потерявшим работу. Массовая безработица 1990-х гг. заставила правящую элиту промышленно развитых стран серьезно пересмотреть свои подходы к регулированию трудовых ресурсов. Проблема занятости, планирование высвобождения персонала становятся центром всей социальной политики. Можно выделить четыре основных направления государственного регулирования рынка труда:

- 1) программы по стимулированию роста занятости и увеличению числа рабочих мест в государственном секторе;
- 2) программы, направленные на подготовку рабочей силы;
- 3) программы содействия по найму рабочей силы;
- 4) программы по социальному страхованию безработицы.

Многие страны в последние годы стали активно экспериментировать с различными программами материального поощрения лиц, быстро покинувших ряды безработных. Наиболее отчетливо данный подход проявился в Японии. Здесь действует порядок, при котором чем быстрее безработный найдет новое рабочее место, тем больше будет величина одновременно выплачиваемого ему бонуса, сумма которого может достигать 4-месячного размера пособия по безработице. Начиная с 1996 г. подобные эксперименты стали проводиться и в отдельных американских штатах.

Наибольших успехов в области регулирования рынка труда добились две уже упоминавшиеся выше страны – США и Япония. В США сокращение безработицы является устойчивой тенденцией, действующей с 1992 г. В результате устойчивых темпов экономического развития и высокого оборота рабочей силы показатель безработицы снизился с 7,5 % (1992 г.) до 4,5 % (1998 г.). “Критической зоной” мирового рынка труда стали в 1998 г. страны Тихоокеанского региона, которые в наибольшей степени пострадали от мирового финансового кризиса. Уровень безработицы в Японии вырос почти на четверть, достигнув рекордной за весь послевоенный период отметки. Однако официально зарегистрированная безработица в Японии (4,2 %) продолжает оставаться значительно ниже по сравнению не только со странами Западной Европы, но и с США. Система трудовых отношений в любой стране связана со спецификой условий, в которых она функционирует. Главное условие в США – это сама экономика, которая характеризуется чрезвычайным динамизмом. Быстрая смена технологий сопровождается соответственно быстрым возникновением и исчезновением производств и предприятий и таким же быстрым созданием и сокращением рабочих мест. При этом взрывного роста числа безработных не происходит, так как параллельно возникают новые рабочие места. Подсчитано, что в среднем за 12 месяцев в несельскохозяйственном секторе экономики США сокращается 10,3 % существующих рабочих мест и одновременно возникает 9,1 % новых. Если в ряде

стран ОЭСР длительная безработица (более 1 года) составляет свыше 50 % общей численности безработных, то в США – всего 4–14 %.

Япония же – классический пример внутреннего рынка труда. Система трудовых отношений в этой стране базируется на так называемом “пожизненном найме”, который предусматривает гарантии занятости работникам вплоть до наступления предельного возраста работы (55–60 лет). Японские фирмы ориентируются на использование наемных работников в течение длительного периода. Эта система оказывает значительное стабилизирующее воздействие на занятость населения при циклических колебаниях экономической конъюнктуры. Однако в настоящее время в Японии все больше специалистов приходят к мнению о необходимости отказа от “пожизненного найма” и замены его другими, более гибкими формами занятости. Называются две основные причины такого отказа: во-первых, резкое замедление темпов роста экономики по сравнению с годами “экономического чуда”, а следовательно, и сокращение прибылей предприятий; во-вторых, сравнительно быстрое старение японской нации вообще и рабочей силы в частности. В этих новых условиях социально-экономического развития страны система “пожизненного найма” становится экономически все более невыгодной и обременительной даже для самых мощных предприятий. В последние годы в том же направлении действует и такой немаловажный фактор, как заметное изменение так называемой “трудовой философии”, т. е. отношения к труду самих работников. У многих из них, прежде всего у молодежи, все заметнее пробуждается стремление к самоутверждению, желание уйти со “своего” предприятия и начать собственное дело.

Из-за наблюдаемого в настоящее время старения населения в Японии повышается конкуренция работодателей за молодой персонал, что, по-видимому, приведет к постепенному отказу от системы оплаты труда “по старшинству”. В тех случаях, когда изменение оперативной ситуации требует сокращения штатов, увольнениям подвергаются работники, поступившие непосредственно с открытого рынка, временные работники, а не выпускники учебных заведений. Японские предприниматели стремятся решать вопросы сокращения производства и применяемой рабочей силы не за счет увольнений работников, а за счет сокращения рабочего времени или перевода работников на дочерние предприятия или на предприятия другой фирмы, согласно взаимному соглашению. В США же при изменении конъюнктуры и необходимости уменьшить объем применения рабочей силы фирмы прибегают к увольнениям работников, а не к сокращению человеко-часов. К увольнениям прибегают и тогда, когда предприятие оказывается нерентабельным. Во многих американских коллективных договорах есть положение, согласно которому каждый работник с относительно большим стажем вытесняет с работы другого с меньшим

стажем, а этот, в свою очередь, вытесняет сотрудника с еще меньшим стажем и т.д. Этот порядок определения увольняемого работника называется “бампинг”.

В Японии в отношении депрессивных отраслей и районов государство всемерно поощряет компании к применению “временных отпусков” и к воздержанию от окончательных увольнений. Для этого существуют специальные государственные программы, действующие в настоящее время практически на постоянной основе. Компании, отзывающиеся на требования государства относительно поддержания уровня занятости, пользуются субсидиями. Напротив, те фирмы, которые в ответ на настоятельные призывы министерства труда проявляют безразличие, иногда “наказываются” экономически и административно.

Во многих странах одним из главных направлений политики сокращения безработицы в 1990-е гг. стала реформа социального страхования, в первую очередь системы страхования по безработице. Сторонники ужесточения системы социального страхования считают, что чрезвычайно щедрые пособия способствуют росту безработицы, так как люди, получающие их, теряют стимул к поиску нового места работы. Поэтому, по их мнению, в странах с наименее щедрыми системами пособий по безработице (США и Япония) ее удельный вес значительно ниже, чем в странах Западной Европы, которые отличаются необыкновенно высокими выплатами своим безработным. В США максимальный срок получения пособия – 26 недель, в некоторых случаях он может быть продлен еще на 13 недель, средненедельное пособие по стране (при довольно больших различиях по отдельным штатам) в 1998 г. равнялось приблизительно 200 \$. Обычно это пособие покрывает от 50 до 70 % средненедельной заработной платы, которую безработный получал на своей последней работе. В Японии период выплаты пособия колеблется от 90 до 300 дней; пособие, первоначально составляющее 60–80 % средней заработной платы (без учета бонусов), к концу срока его выплаты снижается до 25 %. В Японии государство покрывает 25–30 % расходов на пособия по безработице, в США – 18,0 %.

В Японии начинают активно интересоваться и новейшими научными методиками найма, которые на Западе дают возможность сократить расходы на рабочую силу. Коммерческие посреднические организации, занимающиеся перенаймом рабочей силы, также называются органами “американского типа”. В условиях открытого рынка труда все те нововведения, на которые в настоящее время идут в Японии, несомненно, более рациональны по сравнению с прежней практикой, характерной для закрытого рынка. Однако и традиционная политика, основанная на системе “пожизненного найма”, доказала вместе с тем свою исключительную эффективность как механизм, действие которого направлено не столько на компенсацию, сколько на предотвращение безработицы. Она сокращает и трудовые потери общества в периоды экономических спадов.

Американский опыт функционирования рынка труда, в свою очередь, показывает, что, основываясь на базисных принципах рыночной экономики, он достаточно эффективно способствует рациональному использованию главного экономического ресурса – трудового потенциала рынка.

Т. Столярова

КАРЬЕРА В ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

В настоящее время возрос интерес к социальным проблемам, связанным с положением женщин на рынке труда. Это вызвано тем, что наряду с несомненными достижениями в сфере трудовой активности женщин накоплен целый ряд негативных явлений. В частности, женщины имеют более ограниченные возможности для реализации своей трудовой активности в управленческой деятельности, высшие этажи которой для них практически малодоступны. Руководителей среди женщин только 7 %, в то время как каждый второй мужчина в той или иной мере осуществляет властные полномочия. Такая доля представительства женщин на ключевых уровнях принятия решений является отражением низких реальных возможностей всех женщин в сфере профессиональной занятости.

Действительно, женщины, ориентированные на продвижение по служебной лестнице, сталкиваются со значительными сложностями (как объективного, так и субъективного плана). Эти ограничения и препятствия можно условно разделить на две категории – социально-культурные и институциональные, причем между ними существует взаимосвязь.

Основа *социально-культурных барьеров* – сохраняемая и воспроизводимая система патриархальных отношений, при которых формируется стереотип негативного отношения к участию женщин в профессиональной деятельности, и в особенности – к участию в управлении. Это, в частности, сложившееся в области управления определенное отношение мужчин к женщинам, отношение ближайшего семейного окружения, несерьезный взгляд на женщин на работе; стереотипы и понятия о том, какие именно качества требуются для того или иного вида работы и как именно эта работа должна выполняться; мнения о недостаточном профессиональном уровне женщин для того, чтобы занять руководящий пост; предвзятое отношение к женщинам в вопросах распределения работы и т.д. Препятствиями могут быть неписанные правила, традиции и нормы поведения, численное преобладание мужчин среди работников организации, совокупный результат складывающихся в течение многих лет связей и контактов. Так, существуют определенные неформальные нормы (гендерная культура) взаимоотношений между мужчинами и женщинами в организациях, определяющие некие «правила» для женщин, а отсюда —

стереотипы отношения мужчин к ним. Эти нормы изначально предполагают некоторую — большую или меньшую — дискриминацию женщин.

К этой категории следует отнести и факторы, обусловленные некоторыми особенностями женской психологии. Женщины слишком поздно по сравнению с мужчинами решаются делать карьеру: приблизительно после десяти лет работы у каждой женщины происходит переосмысление своих профессиональных целей. Для успешной запланированной карьеры это слишком поздно. Одна из главных помех личной карьеры женщин в неумении ладить между собой, «играть в команде», быть снисходительными к недостаткам других людей. Женщины часто нелояльны, так как чутки и наблюдательны и слишком много значения придают своим симпатиям и антипатиям. Женщины понимают карьеру как личностный рост и самосовершенствование, в отличие от мужчин, представляющих себе карьеру как более высокий общественный статус и престижные должности и поэтому чаще добивающихся успеха в управленческой сфере.

Как наиболее значимое препятствие на пути служебного продвижения женщины рассматриваются также семейные обязанности женщин. Особую трудность составляет совмещение работы и материнских обязанностей. Детские учреждения по месту работы и система частичной занятости (которые действительно могли бы дать возможность продолжить профессиональную карьеру) фактически не существуют. Кроме того, положение временного или работающего неполный день сотрудника (большую часть составляют женщины) очень редко дает возможность продвигаться по службе или занять впоследствии руководящую должность.

Это препятствие имеет непосредственное отношение и ко второй категории барьеров — *институциональным*. Они включают всю систему социальных институтов, через которые необходимо пройти женщине для достижения руководящей должности и которые ограничивают ее возможности для реализации поставленной цели. С одной стороны, институциональные барьеры влияют на систему образования, профессиональной подготовки и повышения квалификации, трудоустройства, профессионального продвижения, в том числе на процедуру выдвижения на руководящие посты. С другой — вся социальная инфраструктура является барьером, так как от степени ее развитости во многом зависит успешная профессиональная деятельность женщины в целом. Функционирование всей системы социальных институтов, цели и задачи, на решение которых они ориентированы, главным образом зависят от идеологии, доминирующей в обществе. В этом смысле социокультурные и институциональные барьеры очень тесно взаимосвязаны и оказывают непосредственное воздействие друг на друга. Например, все еще сохраняется существенное различие в оплате труда мужчин и женщин, имеющих одинаковый стаж работы. Экономическая дискриминация, таким образом, — один из показате-

лей фактического положения женщин и один из факторов, препятствующих выбору ими профессии руководителя.

Итак, доля женщин среди руководителей, особенно руководителей на уровне предприятий и выше, крайне незначительна, несмотря на декларативное, провозглашенное законодательством равенство прав и возможностей мужчин и женщин. Между тем участие женщин в процессах принятия решений является одним из важнейших критериев оценки реального социального равенства полов и полноты демократизации общества. Вот почему так важен анализ условий и факторов, детерминирующих статус женщины-руководителя в нашем обществе, и, прежде всего, поиск путей преодоления препятствий и принятия реальных мер, необходимых для того, чтобы в этой области действительно произошли существенные сдвиги.

Д. Хамитова

КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ НА ПРИМЕРЕ УРАЛА И РУРА

Понятие “старопромышленный регион” вошло в науку относительно недавно, со 2-й половины XX в. Связано это было с началом долговременного кризиса, охватившего отрасли черной металлургии, которые составляли в XIX – начале XX вв. основу военного могущества многих государств. Проблема депрессивного старопромышленного региона не обошла практически ни одной развитой страны, которые, казалось бы, обладают достаточными материальными, финансовыми и людскими ресурсами, чтобы быстро и безболезненно преодолеть кризис этих регионов. Несмотря на все усилия, полностью решить проблему старопромышленных регионов не удалось пока ни одному государству. Причиной является то, что для этих регионов традиционные методы оздоровления неприемлемы, требуется разработка и осуществление ряда специфических последовательных действий, направленных на выход из кризиса.

В рамках данной работы предполагается изучение старопромышленных регионов России и Германии.

Урал и Рур относятся учеными к старопромышленным регионам по следующему признаку: они возникли в результате промышленной революции, для них характерна концентрация тяжелой промышленности, занимавшей в XVIII – 1-й половине XX вв. ведущее место в экономике стран. На сегодняшний день старопромышленные регионы ассоциируются с такими явлениями, как депрессия, застой, стагнация, так как изменились технологии, конъюнктура, упал спрос на производимую продукцию и т. д.

Начнем сравнение с географического положения, которое во многом определяет особенности развития, наличие тех или иных отраслей производства. К моменту возникновения крупного индустриального комплекса Урал и Рур обладали всеми составляющими для концентрации здесь промышленности. Уральские горы богаты залежами разнообразных руд, угля, нефти, драгоценных и полудрагоценных камней. Рурский регион обязан своим развитием концентрации на его территории угольных месторождений. Через территорию Урала и Рура проходят важнейшие транспортные – морские и сухопутные – пути. Рур находится на крупнейшей водной магистрали Европы – реке Рейн. Через территорию Урала проходит множество небольших рек, принадлежащих к бассейнам Северного ледовитого океана и Каспийского моря. Рур находится в центре Европы, что значительно облегчает доставку и сбыт продукции. Урал располагается в центре России, на границе Европы и Азии.

Если для Рура характерна “лучевая” структура расположения предприятий с центром в Рурской области, то для Урала – “локальная” структура, когда каждый район, будучи тесно связан с другими районами, имеет определенную специализацию. На мой взгляд, структура Урала является более выгодной для преодоления кризиса, так как возможны варианты перемещения и реконструкции отдельных предприятий, без существенных нарушений целостности производственного процесса. В Рурском же регионе кризис, охвативший стержень, остов промышленности, повлек за собой кризис всех прилегающих областей, промышленность которых ориентирована на удовлетворение потребностей Рура.

Причины стремительного развития были различными. Рур начал активно развиваться в связи с переходом на каменноугольный кокс и быстрым развитием металлургической промышленности (XIX в.). Толчком к развитию промышленности на Урале послужила затянувшаяся Северная война (XVIII в.), требовавшая большого количества оружия. В отличие от Рура, Урал в этот период не имел серьезных конкурентов внутри страны.

Благодаря активной поддержке государства, огромному спросу на произведенную продукцию, концентрации промышленности, регионы быстро стали лидерами экономического развития этих стран. Несмотря на доминирование тяжелой промышленности, активно развиваются химическая, обрабатывающая, машиностроительная промышленность и др. Огромные массы людей переселяются в промышленные центры Урала и Рура, дававшие достаточное количество рабочих мест.

В XIX в. появляются первые предвестники будущего кризиса на Урале, вызванные уменьшением государственных субсидий, появлением более мощного конкурента на юге России, неблагоприятной конъюнктурой на внешнем рынке.

Так называемое “второе дыхание” Урал получил во время форсиро-

ванной индустриализации во второй половине 1920–30-х гг., Рур – в первой половине 1950-х гг., когда ФРГ вошла в Европейское объединение угля и стали. Регионы снова оказываются в центре государственной экономической политики.

Можно сказать, что кризис Урала и Рура не был внезапным, непредсказуемым. Кризисные явления так или иначе сопровождали эти регионы всегда. Высокая степень концентрации, зависимость от государственной политики, конъюнктуры не позволяют этим регионам гибко и своевременно реагировать на происходящие изменения.

На Урале с наибольшей остротой кризис проявился во время перестройки, когда государственные стратегически важные предприятия были пущены в “свободное плавание” по рыночной экономике. Отсутствие единого руководства привело к разрыву связей между предприятиями.

Кризис угольной промышленности в Рурской области разразился в 1957–1958 гг., когда вдруг произошло резкое сокращение сбыта угля при продолжавшемся возрастании его добычи.

Таким образом, можно сделать вывод, что данная тема является очень актуальной. Проблема депрессивных регионов только начинает разрабатываться, ее решение будет во многом зависеть от выбора правильных мер по выходу из кризиса.

Г. Чижова

ВЫСВОБОЖДЕНИЕ ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В условиях развития рыночных отношений в экономике России произошли серьезные изменения. Общероссийский спад производства, обусловленный кризисом социально-экономической и политической системы общества, привел к распаду хозяйственных связей, закрытию предприятий, что вызвало массовое высвобождение рабочей силы и, как следствие, рост безработицы. Поэтому на сегодняшний день задачи занятости и проблемы борьбы с безработицей являются приоритетом экономической и социальной политики государства.

Особую важность представляют вопросы улучшения положения на рынке труда социально уязвимых слоев населения, создания экономической заинтересованности работодателей в снижении числа увольнений работников и в создании новых рабочих мест. Политику трудоустройства и социальную поддержку незанятого населения осуществляют органы Государственной Службы занятости. В Российской Федерации административная структура занятости имеет три уровня. Местные службы занятости реализуют меры, предусмотренные в законе о занятости, непосред-

ственно работая с населением. В функции региональных служб занятости входит планирование, финансирование, инструктирование и предоставление экспертной помощи местным службам, а также контроль за их деятельностью. Министерство труда и социального развития отвечает за общее руководство, выработку политики и управление национальной системой служб занятости. Задачи органов занятости включают в себя трудоустройство, обеспечение социальной защиты, предоставление информации о рынке труда, развитие человеческих ресурсов через обучение и переобучение. Таким образом, государством предусмотрена возможность трудоустройства граждан через бесплатное посредничество службы занятости. Но эти службы предоставляют в основном вакансии на низкооплачиваемые работы, что зачастую не соответствует уровню квалификации и интересам работника.

В наиболее тяжелом положении на рынке труда находится молодежь. Решают проблемы занятости этой категории населения молодежные биржи труда. Они оказывают содействие в трудоустройстве выпускников учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования с учетом их профессиональной подготовки и квалификации. Активно проводится квотирование рабочих мест. Большое внимание уделяется программе “Молодежная практика”, в соответствии с которой выпускники учебных заведений направляются в престижные организации для приобретения профессиональных навыков и адаптации к трудовому режиму на определенный в договоре срок. Все большую популярность приобретают “Дни карьеры”, куда приглашаются работодатели и рекрутеры для знакомства с перспективными студентами и выпускниками.

В последнее время все больше людей обращаются в негосударственные органы по трудоустройству – кадровые агентства, которые специализируются на предоставлении платных услуг физическим лицам. Основные методы их работы – размещение объявлений в прессе и на телевидении, взаимодействие с частными предприятиями. Их преимуществом является возможность поиска работы без обращения в службу занятости и присвоения статуса безработного, а также возможность дополнительного заработка. Они расширяют круг вакансий и учитывают интересы человека при подборе работы.

Таким образом, в сложившейся в России ситуации, в условиях кризиса производства задачи занятости стоят на первом месте в социальной политике государства. В России наряду с обширной многоуровневой государственной системой занятости населения функционируют частные агентства по трудоустройству, которые оказывают значительную поддержку населению в поиске работы. Все это в совокупности создает благоприятные условия для улучшения положения на рынке труда.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ СОВРЕМЕННЫХ КАДРОВЫХ СЛУЖБ

Любая проблема организации – это одновременно проблема кадровая¹. Любое учреждение, организация, предприятие, фирма – это прежде всего сообщество работающих в них людей.

Поступление на работу, условия и время труда, его оплата заранее оговариваются, фиксируются и учитываются в документах, отражающих трудовую деятельность. Именно эти документы впоследствии подтвердят трудовой стаж, необходимый для начисления пенсии работнику.

По мнению Т.В.Кузнецовой, работа с кадрами – это специальная функция управления².

“Кадры решают все” – это отнюдь не пустой лозунг советской пропаганды.

Вы можете использовать последние достижения менеджмента и маркетинга, изобретать эффективные способы работы на рынке, но без команды, которая все это проводит в жизнь, вы ничего не добьетесь.

Проблема кадров универсальна – она важна и для небольшого, и для крупного предприятия, для государственной и для частной компании.

Конец века – не только время подведения сколько-нибудь глобальных итогов, но и время четкого разделения двух эпох – настоящего и будущего.

И в области кадров ситуация сложилась так, что разные учреждения, организации, предприятия, фирмы входят в XXI в. с совершенно разным багажом: одни работают с технологией “давно забытых дней”, другие же стремятся не отстать от времени – проводят компьютеризацию, приглашают менеджеров по персоналу и т.д.³

На первый взгляд, все просто – старое, плохое отживает, новое, прогрессивное нарождается.

Но при такой логике рассуждений теряется куда более важный вопрос – стала ли от применения всех нововведений кадровая служба лучше? Не скрываются ли за новыми названиями должностей и столами, заставленными техникой, старые методы?

Длительное время функции отдела кадров на отечественных предприятиях сводились, в основном, к найму и увольнению рабочей силы, ведению делопроизводства⁴. Это низвело отдел кадров до второстепенного структурного подразделения, фактически выполняющего лишь указания руководства предприятия и заказы руководителей структурных подразделений в отношении набора рабочей силы со стороны.

В то же время различными видами кадровой работы были заняты другие подразделения: отдел труда и заработной платы, плановый отдел, партком, профсоюз, отдел техники безопасности, отдел технического обучения и др.

Большая разобшенность этих узкоспециализированных структурных подразделений снижала эффективность работы с кадрами, не позволяла комплексно решать задачи формирования и тем более эффективного использования кадров.

Как правило, кадровая служба не была наделена функциями планирования, организации, координирования, стимулирования, контроля трудовой деятельности, не участвовала в выработке кадровой политики, ограничиваясь текущей работой с кадрами.

В техническом и информационном обеспечении кадровых служб существовали огромные пробелы.

Технические возможности, заложенные в информационной системе АСУ “Кадры” (АРМ “Кадры”), оказались невостребованными из-за узости задач, стоящих перед управлением кадрами предприятий, и неподготовленности основной массы работников отделов кадров к работе в новых условиях.

Переход к рыночным отношениям значительно повлиял на условия существования не только предприятий, но и их кадровых служб.

С ликвидацией партийных органов, народного контроля, с изменением функций профсоюзов нагрузка на кадровые службы значительно возросла, так как они взяли на себя часть социальных функций, выполняемых ранее этими органами⁵.

Казалось бы, вместе с ростом нагрузки и ответственности должны были вырасти права кадровой службы и повыситься ее престиж. Однако это произошло далеко не везде и не всегда так, как нужно бы.

Для большинства кадровых служб России на ближайшие годы актуальным будет являться решение следующих проблем:

1) переход от старых методов работы в условиях плановой экономики к новым методам, которые позволят эффективно справляться с проблемами, возникающими в условиях рынка;

2) повышение профессионализма работников кадровых служб.

Очень важен для управленцев первого звена анализ традиционных форм кадровой науки и практики в одном ряду с современными и перспективными направлениями работы с персоналом. И тогда каждый руководитель, кадровик, менеджер по персоналу сможет отобрать те способы работы с кадрами, которые оптимальны для решения конкретной кадровой задачи в конкретной ситуации данного предприятия.

Примечания

¹ Шкатулла В.И. Настольная книга менеджера по кадрам. М., 1998. С.413.

² Кузнецова Т.В. Новые унифицированные формы документов по учету личного состава // Управление персоналом. 1998. № 10. С.56–69.

³ Персонал – век XX – век XXI // Служба кадров. 1998. № 1. С.34–38.

⁴ Маслов Е.В. Управление персоналом предприятия. М.; Новосибирск, 1998. С.68.

⁵ Брусенцов Ю. Кому нужна сильная кадровая служба на предприятии // Кадры. 1998. № 1. С.1–2.

СОДЕРЖАНИЕ

Напутствие декана	3
Секция I. Проблемы археологии. История Древней и Средневековой Руси .	6
<i>Алентьев Д.</i> Исследование поселения Иска III	6
<i>Дягилев А.</i> Русско-казанские отношения XV в.: к вопросу о свержении ордынского ига на Руси	8
<i>Иванов А.</i> Спортивные игры в Древней Руси	9
<i>Куманева Е.</i> Досуг в средневековом Новгороде	11
<i>Микрюкова О.</i> Раскопки Большеказакбаевского 2 могильника в Челябинской области	15
<i>Пушкарев И.</i> Влияние природных условий на исторические процессы в Среднем Зауралье по данным торфяниковых памятников	17
<i>Смаленкова О.</i> Понятия и термины в обозначении деятельности охраны памятников	20
<i>Сухих В.</i> Образ змеи в представлениях населения Северной Евразии в эпохи палеолита и мезолита	22
<i>Филатова Н.</i> О так называемых “утожках”: ареал, типология, функция	24
Секция II. История Древнего мира и средних веков	27
<i>Акголь М., Дингилиши С.</i> Дипломатия Юстиниана I	27
<i>Алексеев М.</i> Династическая политика принцепса Гая Калигулы	30
<i>Бондаренко П.</i> Общая типология экспансии скандинавов в Европе в эпоху викингов (793–1066 гг.)	32
<i>Голубецкая Н.</i> Мусульманская Испания: факторы, обусловившие возмож- ность социокультурного синтеза	34
<i>Гончаров А.</i> Тактика армии ранней Римской республики: сущность манипу- лярного строя	36
<i>Горохов Ф.</i> Внутриполитическая борьба в Иерусалимском королевстве в период Третьего крестового похода (1188–1192 гг.)	39
<i>Колотова О.</i> Защита венецианских торговых судов и колониальных владений от пиратов (на примере Эгеиды XIII–XV вв.)	41
<i>Красиков С.</i> Византийское мышление в теологии: отказ от логики? (антила- тинская полемика 30-х гг. XIV в.)	43
<i>Лоевский Д.</i> К вопросу о характере общественных отношений государств Корейского полуострова в VI–VII вв.	44
<i>Макаров Д.</i> Об истоках физиологических взглядов св. Григория Паламы (на материале двенадцатой гомилии): к проблеме существования гале- новской традиции в поздней Византии	46
<i>Михеева Т.</i> Семья Асанов: ее значение в Палеологовской Византии	48
<i>Пашкин Н.</i> Флорентийская уния в свете отечественной и зарубежной историографических традиций	52
<i>Ряшко Л.</i> Характер рецепции Никифором Влеммидом античного наследия (“Царская статуя”)	53
<i>Хрущева Э.</i> Проблема истоков и эволюции византийского государства в трудах М.Я. Скюзюмова	54

Секция III. Россия в новое время	58
<i>Акжоль М., Дингилиши С.</i> Российско-турецкие отношения (XVIII в.)	58
<i>Григорьев С.</i> События 11 марта 1801 г. в записках современников и трудах дореволюционных историков	60
<i>Коралева О.</i> Направления миссионерской противораскольнической деятельности на территории Пермской губернии во второй половине XIX в.	62
<i>Кочеткова К.</i> Демографические процессы в Пермской губернии во второй половине XIX в.	65
<i>Мухина Е.</i> Оплата труда домашних учителей в России XVIII в. (по мемуарным источникам)	67
<i>Орлова Л.</i> Состав и деятельность органов самоуправления Екатеринбурга в первой половине XIX в.	70
<i>Свалов Е.</i> Русско-украинские отношения середины XVII в. (политический аспект)	72
<i>Смольникова Е.</i> Екатеринбургская городская дума в XVIII – XIX вв.	74
<i>Тимофеева О.</i> Иностраный капитал в хозяйстве России в 1861–1914 гг. (региональный аспект)	77
<i>Торопов А.</i> Проблема даты и места рождения великого русского металлурга П.П. Аносова	80
<i>Чехомова М.</i> Из истории фототехники: от камеры-обскуры до павильонной фотокамеры (XVIII – конец XIX вв.)	83
<i>Шибяев В.</i> К вопросу изучения истории лесного ведомства на Урале в первой половине XIX в. (дореформенный период)	85
Секция IV. История России и вопросы международных отношений в XX в.	88
<i>Акжоль М., Дингилиши С.</i> Принцип разделения властей в Конституциях России и Турции	88
<i>Акулич И.</i> Становление и свертывание финансово-кредитной системы России в годы нэпа	90
<i>Бушнев К.</i> Невишл Чемберлен и Уинстон Черчилль: альтернативы курса британских консерваторов в 1929–33 гг.	94
<i>Васильева А.</i> Театры Петербурга на рубеже XIX – XX вв.	97
<i>Головатина П.</i> Новые направления исследования ленд-лиза в отечественной историографии.	99
<i>Запарий Ю.</i> Миротворческая миссия ООН в Боснии и Герцеговине в 90-е гг. XX в.	101
<i>Кораблева А.</i> Отношение иностранцев к советскому обществу: за и против.	104
<i>Коровкин А.</i> К вопросу об “эсеровских извращениях” и “псевдосоветских работах” в изучении “демократической контрреволюции” в 1920-х гг.	106
<i>Куницкий С.</i> Разведорганы Советского Союза и проблема информированности советского руководства об агрессивных намерениях Германии (1939–41 гг.)	108
<i>Мамаева Н.</i> История Великобритании в “Сказках Старой Англии” Р. Киплинга	111
<i>Морозов А.</i> Противоборство США и Великобритании со странами оси на Средиземноморском театре военных действий (октябрь 1942–май 1943 гг.) ...	112
<i>Ожиганов А.</i> Внешняя политика правительства Колчака (историография вопроса)	115
<i>Плюснин А.</i> Объединение Германии и советско-германские отношения	117

<i>Потапов С.</i> Проблема взаимодействия европейских и тихоокеанского театров военных действий в военно-стратегическом мышлении У.Черчилля и Ф.Рузвельта (1942–1943 гг.)	119
Секция V. Урал в XX веке	122
<i>Брылунова Н.</i> Бытовые положения спецконтингентов на Урале в годы Великой Отечественной войны	122
<i>Дурда Е.</i> Медеплавильное производство на Урале в 1917– 1941 гг.	124
<i>Захаровский Л.</i> “Двойственная политическая физиономия” середняка в раскулачивании	126
<i>Конов А.</i> Боевые действия советской авиации на Урале и в Крыму в 1918–1920 гг.	127
<i>Ляхудзаев М.</i> К вопросу о снижении политического влияния левых эсеров на Урале (вторая половина 1918 г.)	129
<i>Лямзин А.</i> К вопросу о формировании советской интеллигенции (на примере изучения авторства антирелигиозных публикаций в газете “Уральский рабочий” 1920–х гг.)	132
<i>Никитина А.</i> К вопросу о судьбах государственных деятелей Эстонской Республики в начале 1940-х гг.	134
<i>Пухов Д.</i> О политической направленности газеты “Пермский край” в 1910–1912 гг.	137
<i>Сигов И.</i> Изменения в административно-территориальном делении СССР в 1917–1944 гг. (на примере Уральского региона)	139
<i>Суржикова Н.</i> К вопросу о медицинском обслуживании военнопленных в лагерях Среднего Урала (1942 – 1956 гг.)	143
<i>Удачаина О.</i> Хроника событий на Урале 1917–1919 гг.	146
<i>Якимов К.</i> Источники по истории белой власти на Урале в период Колчаковщины (первая половина 1919 г.)	148
Секция VI. Современные проблемы управления	151
<i>Викторов И.</i> Структурные элементы шведской модели	151
<i>Вальман Е.</i> Фондовый рынок Российской Федерации с августа 1998 г. по август 1999 г. (на примере котировок акций РАО “ЕЭС России”)	153
<i>Картинская Н.</i> Правовое регулирование рекламной деятельности в Российской Федерации в 1990-е гг. (на примере г. Екатеринбурга)	157
<i>Мальцев Е.</i> Мотивация к труду персонала современной организации	159
<i>Мешкова К.</i> Управление деловой карьерой персонала в крупных многонациональных компаниях (на примере ОАО «Газпром»)	163
<i>Новичева Ж.</i> Стратегии развития организации и кадровая служба	166
<i>Новолодцкая К.</i> Информационные аспекты изучения опыта территориального маркетинга в начале XX века на примере г. Троицка.	168
<i>Огородникова М.</i> Формирование кадрового состава в современной организации	170
<i>Селянинова Ю.</i> Государственное регулирование современного рынка труда (анализ зарубежного опыта)	172
<i>Столярова Т.</i> Карьера в жизни женщины	176
<i>Хамитова Д.</i> Компаративное исследование старопромышленных регионов на примере Урала и Ура	178
<i>Чижова Г.</i> Высвобождение персонала в условиях рыночной экономики	180
<i>Чинова Е.</i> Проблемы организации работы современных кадровых служб	182
Список сокращений	184